

SELECTA

XXXIII

И. В. Дубровский

История
и литература
Московского
царства

Модест Колеров
Москва 2025

УДК 94(470)(093)
ББК 63.3(2)4ю1
Д79

SELECTA

серия гуманитарных исследований под редакцией М. А. Колерова

При оформлении обложки использован фрагмент картины И. Е. Репина
«Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года». 1883–1885. ГТГ

Дубровский, И. В.

Д79 История и литература Московского царства. М. : Модест Колеров,
2025. — 192 с. (SELECTA. Т. XXXIII)
ISBN 978-5-905040-97-9

УДК 94(470)(093)
ББК 63.3(2)4ю1
Д79

ISBN 978-5-905040-97-9

© И. В. Дубровский, текст, 2025
© М. А. Колеров, состав и редактирование
серии SELECTA, 2025

Содержание

Предисловие	6
Дмитрий Донской и черти	7
К истории «Песни о гневе Ивана Грозного на сына»	26
Филологические проекты доктора Келлермана	107
Три загадки «Записок Великой особы»	123
Принцесса и трон пропавшего стольника А. П. Прозоровского	154
Послесловие. О границах истории и филологии	175

Предисловие

Эта книга возникла из нескольких статей. Два первых очерка — части работы, увидевшей свет на страницах издания: Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XXIX. М., 2021. С. 7–96. Третий и четвертый публиковались в журнале: Словесность и история, 2023, № 1. С. 98–110 и 2024, № 1. С. 7–33. Заключительный исследовательский материал — в издании: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LXX. СПб., 2023. С. 263–277. Я оставил эти статьи в опубликованном виде, а обсуждение волнующих меня вопросов отнес в послесловие.

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ И ЧЕРТИ

Сочинения иноземцев о Московском государстве — как правило, наилучшие исторические источники. При всем желании их авторы не могли вникнуть в русскую жизнь, чтобы дать о ней полноценный отчет. Так, их сочинения сохранили довольно много следов устного творчества. Это естественно: русскими письменными источниками пользовались единицы. Картины Московии во многом восходили к устным рассказам, куда примешивался фольклор. Однако, в лучшем случае, перед нами фрагменты и следы устной традиции, лишенные ясности. Сами сочинители далеко не всегда понимают, что именно они передают, а мы в праве сомневаться в том, что их отрывочные сведения хотя бы относительно точны, соответствуют тому, что им рассказали. Для исследователя устной культуры Московского царства большой самостоятельной ценности такие свидетельства иметь не могут. Все меняется, если мы встречаем в записках иноземцев, посетивших Московию, и других текстах западноевропейского происхождения отсылки к известным нам темам русского фольклора и письменным памятникам, отразившим устную традицию. Тогда перед нами открывается захватывающая возможность заглянуть в их прошлое, узнать истоки и первоначальный вид.

Тексты, с которых мы начнем, уже попадали в поле зрения исследователей. История любит наглядность. О том, кто из наших предшественников что и как прочел, какие мысли вынес и для аргументации каких картин использовал, хотелось бы рассказать по порядку.

Один из авторов — фольклорист А. Л. Топорков. В своей книге «У истоков этикета», написанной в соавторстве с А. К. Байбу-

риным, а затем в энциклопедической статье он разбирает историческую семантику высказывания «хлеб да соль» и находит в ней две стороны. Одна — социальная; человеку, знакомому с русской литературой, не надо ее объяснять. Угощение «хлеб-бом-солью» служит преодолению потенциальной враждебности и установлению доверительных личных отношений, завязыванию связей между людьми. О второй стороне дела — по меньшей мере, не столь очевидной — автор сообщает буквально так:

«Этикетной формуле “хлеб да соль” приписывалось в прошлом магическое значение. Как писал Я. Рейтенфельс, если русские “кого застанут за едою, то они кричат ему священные слова: “хлеб да соль”, каковым благочестивым изречением отгоняются, по их убеждению, злые духи”. По сообщению А. Поссевино, слова “хлеб да соль” произносятся в конце трапезы в знак ее окончания: “Московиты также считают, что этими словами отвращается всякое зло”».

Существование в одной речевой формуле столь разных смыслов объяснено следующим образом: «Сочетание хлеба и соли, — пишет автор, — играло роль исключительно емкого символа: хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний»¹.

Сразу отметим две вещи. 1) Второе значение — а именно оно, в отличие от первого, нуждается в доказательствах — обосновано двумя свидетельствами иноземцев XVI и XVII веков. Прямо сказать, маловато. 2) Всяческий символизм — не та материя, в которой мы разбираемся, но хочется спросить: неужели семантику выражения можно рассматривать в качестве простой суммы значений составляющих элементов? Если же отдельно взятые «символизмы» хлеба и соли так далеки, то почему бы не использовать слова и предметы по отдельности?

---

¹ Хлеб-соль // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 387 (2-е изд., М., 2002. С. 479). Ср.: Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 143–144.

Почему в общении с друзьями нельзя ограничиться одним «хлебом», а злым силам грозить «солью»? Наконец, в той же статье А. Л. Топоркова находится место для третьей цитаты из сочинений иноземцев, которая способна нас окончательно запутать: «По сообщению С. Герберштейна (XVI в.), русский государь во время обеда посылал гостям со своего стола хлеб и соль: “Таким хлебом государь выражает свою милость кому-нибудь, а солью — любовь. И он не может оказать кому-либо большей чести на своем пире, как посылая ему соль со своего стола”». Впрочем, шутки в сторону. Неумение справиться с материалом никому нельзя поставить в вину. Непростительно другое: когда исследователь не желает в этом признаться и делает вид, что разобрался.

Второй автор, использовавший интересные нас тексты, — Н. С. Борисов. Он описывает приезд Дмитрия Донского к Сергию Радонежскому накануне Куликовской битвы. При этом якобы имел место следующий эпизод:

«Обед с иноками за их столом считался своего рода причастием, очищающим от грехов. Сергий сам подал князю хлеб и соль. Этим двум вещам он придавал особое значение. Хлеб — не только в виде просфоры, но и как таковой — был для него символом самого Иисуса. Он не раз повторял слова Спасителя: “Я есмь хлеб жизни” (Иоанн, 6, 35). Соль еще с апостольских времен означала благодать. “Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому” (1-е Кол., 4, 6). Подавая князю блюдо, игумен произнес: “Хлеб да соль!” Эти слова были его обычным благословением»².

Далее автор дает ссылку на источник, который он интерпретирует: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983, с. 194.

Что на это сказать? Немало исследователей сомневается в том, что Дмитрий Донской вообще приезжал к Сергию Радонеж-

² Борисов Н. С. Сергий Радонежский. 2-е изд. М., 2002. С. 181.

скому накануне Куликовской битвы³. Все тексты, где говорится об этом событии, — позднего происхождения и по жанру отнюдь не летописи: это поздние редакции жития Сергия Радонежского и знаменитая повесть «Сказание о Мамаевом побоище». Н. С. Борисов использует текст иностранца, побывавшего в Московии через 200 лет после Куликовской битвы и услышавшего там некое предание. По большому счету все свидетельства одинаково сомнительны, и это ясно всем. Тем не менее Н. С. Борисов выступает со странным на устах историка призывом дорожить национальными мифами, к числу которых, безусловно, относится Куликовская битва и связанные с ней легенды. Дескать, не веришь сам — не мешай другому. Такая позиция противоречит нашим понятиям о науке и долге ученого.

Попутно хотелось бы обратить внимание на прочтение Н. С. Борисовым «символизмов» хлеба, соли и всего выражения «хлеб-соль». Памятуя статью А. Л. Топоркова, объясняющего все иначе, заметим, что в таких интерпретациях бывает слишком много дешевой эрудиции и мало доказательств того, что те или иные смыслы действительно воспринимаются и играют роль. На наш взгляд, ценностью могут обладать только такие объяснения символов, которые находят подтверждение в тех же самых источниках, а не заимствованы и не привнесены извне.

Как читать записки иностранцев о Московии и пользоваться ими как историческими свидетельствами — вопрос неспральный, потому что многие, очевидно, этого недопонимают. Во-первых, конечно, — скажем банальность — необходимо читать оригиналы. Большинство существующих русских переводов сочинений иностранцев о Московском государстве далеко не идеальны. Вот вопиющий пример: к свидетельству, которое А. Л. Топорков и Н. С. Борисов приписали Поссевино, знаменитый иезуит не имеет отношения. Об этой истории даже неловко рассказывать. Оба исследователя находят волнующее нас место в русском переводе латинского сочинения «Московское посольство», который помещен в книге, подготовленной сотрудницей кафедры

---

³ Там же. С. 182–187.

древних языков исторического факультета МГУ Л. Н. Годовиковой. Латинский источник с рассказом о поездке Антонио Поссевино к Ивану Грозному содержался в закрытом иезуитском ежегоднике за 1582 года⁴. Л. Н. Годовикова воспользовалась его переизданием, осуществленном П. Пирлингом в 1882 году, где текст озаглавлен: «Antonii Possevini missio Moscovitica». Название, данное П. Пирлингом, вышло немного двусмысленным: в латинской традиции имя перед заглавием в родительном падеже — обычный способ обозначения авторства сочинения. Тем не менее человек, открывший книгу, не должен ошибиться в том, кем именно это сочинение было написано. В своем предисловии П. Пирлинг ясно пишет, что составитель текста — неизвестный иезуит и что это не Поссевино. Действительно, в самом латинском тексте об этом говорится со всей определенностью: автор сетует на то, что не имел возможности познакомиться с сочинением Поссевино, о существовании которого ему известно («de Moscorum moribus... patris etiam Possevini commentarius exstare dicitur»)⁵. Однако в переводе Л. Н. Годовиковой эта фраза пропущена! Дезориентируя читателя, она то и дело заменяла третье лицо, в котором идет изложение, на первое лицо, представляя рассказчика участником посольства. После ее публикации отечественные исследователи оперируют ее нелепым утверждением об авторстве Поссевино, принимая его за установленный факт. Упомянутая кафедра древних языков прославилась такими вещами⁶. Полагаться на переводы Л. Н. Годовиковой и ее коллег — верх легкомыслия.

Второе замечание, которым хотелось бы поделиться, касается литературной стороны дела. Европейцы, писавшие о Московии в XVI–XVII веках, естественно, были разными людьми, но те из них, кто получил более или менее систематическое образова-

⁴ *Annuae litterae Societatis Iesu anni MDLXXXII ad Patres et Fratres eiusdem Societatis. Romae, 1584. P. 226–272.*

⁵ *Antonii Possevini missio Moscovitica / curante P. Pierling. P., 1882. P. 59.*

⁶ Ср. Рыбаков В. В. О русском переводе сочинения Александра Гваньини «Описание Московии» // *Средние века. М., 2008. Вып. 69 (4). С. 43–48.*

ние, а таких всегда было большинство, становились людьми традиции, которая целиком предопределяла их кругозор, поглощала, управляла их наблюдательностью и пером. Чтобы грамотно оперировать отдельными свидетельствами, исследователь должен понимать и удерживать в поле зрения всю традицию. По отдельности в ней ничего не существует. Не будем бездумно пользоваться формулой «преклонение перед авторитетом». Мало кто из писателей, о которых идет речь, считал себя глупее своих предшественников, включая самых прославленных. Тут дело скорее в такой способности помнить, которая людям нашего времени давно не свойственна. Это память, способная крепко удерживать прочитанное иной раз много лет назад. Повторяет ли автор сказанное до него или спорит с устоявшимся мнением, разъясняет и дополняет, он никогда не теряет эту нить. Других описаний в записках иноземцев о Московии не бывает⁷.

Вооружившись этим тезисом, перейдем, наконец, к разбору вышеупомянутых текстов. В «Московском посольстве» можно прочесть следующее:

«Ubi vero postremum ferculum est ministratum, adolescens ille, qui P. Possevino assidebat, Cleb da sol, inquit, id est panis et sal, quae absoluti prandii formula est. Eam vero a Sergio Monacho habuisse originem commemorant, quem ante CXC annum mortuum, et tanquam in Divos relatum, miraculisque celebrem summa cum religione Moschi venerantur, is enim dum apud se Demetrius magnus Dux accumberet, iis verbis daemonem e cella fugasse dicitur; putantque itidem Moschi iisdem omne malum averti»⁸.

«Когда же подали последнее кушание, тот самый юноша, сидевший рядом с отцом Поссевино, произнес “Cleb da sol”, то есть

⁷ Тема эта в нашей литературе еще только ждет своих исследователей. Тот, кто ей займется, напишет ошеломляющую книгу. Укажем в этой связи на две наши работы: *Дубровский И. В.* Сообщение о Московском государстве в «Атласе» Меркатора // *Русский сборник. Исследования по истории России.* Т. XXIV. М., 2018. С. 390–474, а также наше предисловие к изданию сочинения Джованни Паоло Кампана, — Там же. С. 99–150.

⁸ *Annuae litterae Societatis Iesu anni MDLXXXII.* P. 236.

“хлеб и соль”. Этими словами оканчивают трапезу. Рассказывают, данный обычай пошел от монаха Сергия, умершего 190 лет назад. Считая его святым и чудотворцем, москвиты чтят его со всем благоговением. Про него говорят, что этими словами он изгнал из кельи черта, когда у него обедал великий герцог Дмитрий, и москвиты верят, что ими также можно отвратить всякое зло».

У Раутенфельса:

«Si quem cibos sumentem offendunt, votivum illud suum Chleb da Sol, hoc est, panis, et sal, ei acclamant; quo, velut pio carmine daemones fugari, ipsis est persuasum. Itaque Zaro rus abeunti [конъектура: adeunti], panem pariter cum sale, testandae hospitalitatis causa, coloni iuxta viam exponunt; eademque officiositate, novum domicilium immigrantibus, post alias benevolentiae, et piarum imprecationum caeremonias, occurrunt. Mansit, ut tradunt, mos istae [конъектура: iste] a Sergio magnae Sanctitatis Monacho, qui una cum Zaro Demetrio in cellula sua, cibo sese aliquando reficiens, malum illum genium iisdem plane verbis Chleb da sol, eiecit»⁹.

«Застав кого-либо за едой, они провозглашают ему такое заклятие: “Chleb da Sol”, то есть “хлеб и соль”. Им внушили, что черти разбегаются от этого, как от псалмов [?]. Кроме того, провозжая [конъектура: встречая] русского царя, крестьяне, желая засвидетельствовать свое гостеприимство, подносят ему на дорожку [либо: с дороги, после дороги; или же: выносят ему на обочину] хлеб с солью. Посредством того же обряда, после прочих церемоний с пожеланием благополучия, встречают въезжающих в новый дом. Обычай этот, говорят, достался им от монаха великой святости по имени Сергий. Как-то раз, подкрепляясь трапезой в своей келье вместе с царем Дмитрием, этими самыми словами “Chleb da sol” он изгнал злого духа».

⁹ De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii, 1680. P. 190–191. Имени автора нет на титульном листе, но оно фигурирует в обращении «к благородному читателю».

Достаточно перечитать эти фрагменты вместе, чтобы узреть между ними связь. Один является источником другого. А. Л. Топорков полагал, что нашел два независимых свидетельства об изгнании чертей «хлебом-солью», тогда как в действительности Раутенфельс пользуется информацией, изложенной до него в «*Missio Moscovitica*», и со своими дополнениями (их нетрудно отметить) повторяет ее.

Мог ли Раутенфельс знать текст «*Missio Moscovitica*»? Ответ: нет, не мог. Иезуитский альманах, где сочинение было опубликовано, информировал узкий круг орденского начальства и для публичного распространения не предназначался. В этом убеждают следы «Московского посольства» в литературе. Они ничтожны. На протяжении конца XVI и всего XVII века автор этих строк знает всего два примера знакомства с этим сочинением других авторов. Даже автор знаменитой биографии Поссевино французский иезуит Жан Дориньи «*Missio Moscovitica*» в своих руках не держал. Упомянутый альманах в числе других документов получили для ознакомления составители официальной истории ордена иезуитов. Второй случай скорее курьезный: он показывает нам, что завеса секретности вокруг иезуитских документов могла быть не без прорех. Это прославленные «*Relationi universali*» Джованни Ботеро. На следы знакомства этого автора с анонимной «*Missio Moscovitica*» обращает наше внимание бельгийский исследователь С. Мунд. Он напоминает, что Джованни Ботеро до 1580 года сам был иезуитом и, похоже, не растерял связей в иезуитской среде впоследствии¹⁰.

Интересующее нас место «*Missio Moscovitica*» пересказано в обеих книгах. В орденской истории сообщается:

«*At ubi summum illatum est ferculum, hilariter Cleb da Sol pronuntiat, ideſt panis et sal, quam habent Mosci ſuperſtitioſam omnium menſarum clauſulam, rati valere ad peſtem omnem avertendam, quod qui*

¹⁰ *Mund S. La mission diplomatique du père Antonio Possevino (S. J.) chez Ivan le Terrible en 1581–1582 et les premiers écrits jésuites sur la Russie // Cahiers du monde russe. Vol. 45 (2004). №3–4. P. 438.*

dam olim Sergius Monachus, quem pro sancto venerantur, prandente apud se Demetrio Magno Duce, eorum prolatione verborum daemonem ab cella fugarit»¹¹.

«Когда же принесли последнее блюдо, [распорядитель пира] радостно произнес: “Cleb da Sol”, что значит “хлеб и соль”. У москвитов существует предрассудок оканчивать так любую трапезу. Они полагают, что эти слова помогают предотвратить всяческую погибель [или: чуму], ибо некогда какой-то монах Сергей, которого они держат за святого, потчuya у себя великого герцога Дмитрия, произнесением этих слов будто бы изгнал из кельи черта».

У Ботеро читаем:

«Hanno molti Santi particolari, e tra gli altri... un altro monaco detto Sergio, che fiori inanzi ducento anni. Di costui raccontano, che mangiando con lui Demetrio gran Duca, cacciò il Demonio fuor di cella con queste parole, Cleb da Sol, cioè Pane, e Sale, e con le medesime parole, pensano essi, che si cacci ogni male, e le usano nel fine del desinare, quasi per compimento del mangiar loro»¹².

«У них много своих святых, в числе которых... еще один монах по имени Сергей, который процвел двести лет назад. О нем рассказывают, что, обедая с великим герцогом Дмитрием, он изгнал из кельи черта словами “Cleb da Sol”, то есть “хлеб и соль”. И теми же словами, полагают они, можно изгнать любое зло, и они пользуются ими в конце трапезы, как бы завершая еду».

Можно не сомневаться в том, что информация, восходящая к иезуитскому альманаху и дополненная Раутенфельсом по своему разумению, попала к нему из сочинения Ботеро либо из истории ордена иезуитов. Впрочем, если считать все этапы ее движения, его достигают сведения из третьих рук.

¹¹ *Sacchini F. Historiae Societatis Iesu pars quinta sive Claudius tomus prior. Romae, 1661. P. 22.*

¹² *Botero G. Delle relationi universali... terza parte... Bergamo, 1595. P. 103.*

Нам осталось назвать источник сообщения, переданного в «Московском посольстве». Им является донесение орденскому начальству спутника Поссевино Паоло Кампана. Для нашего исследования представляет интерес одно это исходное и единственное в своем роде свидетельство, а все прочие сообщения иноземцев, повторяющие информацию Паоло Кампана, можно благополучно забыть. Оно звучит следующим образом:

«Ubi extremum ferculum datum est (ad 30 enim et amplius fuerunt) ait ille: chleb da sol, id est panis et sal. Putant autem — ex historia cuiusdam Sergii monachi, quem sanctum clarumque miraculis dicunt, qui obiit ante 190 annos, cuius corpus integrum XII Moscovia miliaribus Germanicis in monasterio sanctae Trinitatis ostenditur festumque celebrant 25 Septembris (ad quod celebrandum et hoc anno, ut dixi superius, se contulisse magnum principem triduo post nostrum ab ipso discessum), qui talibus verbis (accumbente quondam apud se in paupere mensa Demetrio, magno duce) daemonem e cellula effugavit, — putant, inquam, tali omine nil mali posse contingere. Estque finiti prandii symbolum, ut apud nos proficiat dici solet»¹³.

«Когда подали последнее блюдо (а их было до тридцати и больше), тот [согласно русским источникам, стольник И. Д. Бельский, вероятно, родня Малюты Скуратова — И. Д.] говорит: “chleb da sol”, что значит “хлеб и соль”. Московиты верят — [они взяли это] из истории некоего монаха Сергия, кого они называют святым и чудотворцем, умершего 190 лет назад, чье нетленное тело показывают в монастыре св. Троицы в двенадцати немецких милях от Москвы и чей праздник отмечают 25 сентября (и в этом [1581 — И. Д.] году, как я уже сказал, великий государь отправился туда на праздник этого святого через три дня после нашего отъезда); Сергий такими словами, как-то раз принимая за своим бедным столом великого герцога Дмитрия, изгнал из своей кельи черта — так вот, говорю, они верят, что такое пожелание способно оградить их от всякого зла. Еще это знак окончания трапезы, как у нас обычно говорят: “на здоровье”».

¹³ Кампана Дж. П. Донесение о путешествии в Московию // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XXIV. М., 2017. С. 230.

Бельского послали потчевать папское посольство в день его прибытия к царю в Старицу. Подробности этого застолья изложены в том же сообщении Кампана: «Всякий раз, как подавали какое-либо блюдо, тот вставал, обнажал голову (то же проделывали все остальные) и, повторив длинный список титулов великого государя, [от которых] нас уже мутило [ad nauseam usque], прибавляя: “Он жалует тебя сей рыбой”, да еще приговаривал: “Это, Антоний, вкусно, отведай”»¹⁴. Сохранилась также инструкция, «наказ» или «память Ивану Даниловичу Бельскому», данная ему на этот случай. В частности, в этом документе ему было приказано «ни о которых делех не розговаривати»: «А о которых делех папин посол учнет Ивана в столе или после стола распрашивать, и Ивану то послу отмолвити, что он живет при Государе, а человек не думной, а ведают то у Государя думные люди, а нам о тех делех говорити не пригож: прислал меня Государь к тебе с своим жалованьем, а велел тебя подчивать, и ты государским жалованьем буди весел»¹⁵. Не имея других тем для беседы, по-видимому, он сам пояснил свои слова «хлеб да соль» рассказом об изгнании чертей, явившихся в монастырь вместе с московским князем. Впрочем, ясно это не сказано, и заинтересовавшая нас информация соединяется с другой, в том числе сведениями из прочитанных книг. На Западе о прославленном русском монастыре пишущие о Московском государстве знали уже много десятилетий. Информация о том, что Троица находится от Москвы на расстоянии 12 немецких миль, — безусловное заимствование из Герберштейна¹⁶. Другие сведения нельзя не назвать удивительными. Упомянув дату смерти Сергия Радонежского, Кампана, кажется, ошибается всего на один год. Впрочем, и наши сведения об этом не совсем надежны. Между прочим, ту же информацию приводит Поссевино. Хотя в его «Втором

¹⁴ Там же. С. 229.

¹⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1871. Стб. 69–70.

¹⁶ Rerum Moscoviticarum commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein, Neyperg, et Guettenhag. Basileae [1556]. P. 43.

комментарии» из книги «Московия» сказано, что монах Сергей скончался 19 лет назад¹⁷, понятно, что это ошибка, допущенная при подготовке текста к печати. В ватиканском списке данного текста читаем: «Умер 190 лет назад»¹⁸.

Естественно, удивительнее всего сама представленная коллизия: появление черта в келье святого в момент его встречи с великим князем Московским. Речь идет о фольклорном предании, родственном тексту, найденному не так давно и введенному в научный оборот М. В. Мелиховым. Он известен в единственной рукописи конца XVIII века и озаглавлен: «Сказание о Мамаеве воинстве». Это сочинение в свою очередь связано с известным произведением древнерусской литературы «Сказанием о Мамаевом побоище». Главное отличие между ними — трактовка образа Дмитрия Донского. В «Сказании о Мамаеве воинстве», в отличие от хрестоматийного памятника, великий князь Московский недвусмысленно показан малодушным человеком, желающим уклониться от сражения с Мамаем, спастись от него бегством. В этом малодушии и пренебрежении долгом перед русской землей великому князю Дмитрию сопутствует нечистая сила. Сергию Радонежскому отведена в этой связи ключевая роль: он помогает Дмитрию взять себя в руки и отправиться на бой с врагом. Заранее извинимся за длинную цитату. Она нужна как ближайшая аналогия и объяснение темного известия иезуита Паоло Кампана:

«И отсл[у]жа молебны, Сергей-игумен звал к себе на трапезу хлеба ясти. И походил великий князь Димитрей Иванович к Сергию-игумену хлеба ясти, и пришед, сел за стол. Сергей-игумен перед него принес край хлеба сухово да в ковше воды, и сам отшел, челом ударил, и говорит Сергей-игумен: “Государь наш, великий московский князь Димитрей Иванович, хлеб да соль!” Великий государь князь Димитрей Иванович сидит, нечево не говорит. Сергей-игумен тож

¹⁷ Antonii Possevini *Moscovia*. Vilnae, 1586, *Alter commentarius*. P. 15v.

¹⁸ Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. СПб., 1848. С. 32 (№11).

слово говорит: “Государь наш, московский великий князь Дмитрей Иванович, хлеб да соль!” И великий князь Димитрий Иванович сидит за столом, нечего не говорит. Сергей-игумен втретие то ж слово говорит: “Государь наш, великий московский князь Димитрий Иванович, хлеб за соль!” И великий князь Димитрей Иванович ставал на ноги, и подымал край хлеба сухово выше главы, и прославил господа бога царя небеснаго: “Слава тебе, господи, царю небесному, что есть в Сергиеве монастыре хлеб да соль!” И ему, великому князю Димитрею Ивановичу, почулось: с правую сторону аки сильный гром грянул прет тучею, а с другую сторону много пошло пития и естви; бог дал всякому благодати. И великий князь Димитрей Иванович почал он хлеб кушать у Сергия-игумена в Сергиеве монастыре...

И он, великий московский князь Димитрей Иванович, хлеба откушал в Сергиеве монастыре [у] Сергия-игумена. Великий князь Димитрей Иванович походил ис Сергиева монастыря к великому Московскому государству. И Сергей-игумен ево провожает с крестом, благословляет. И ему говорит великий московский князь Димитрей Иванович: “Отче, святыи Сергей игумен! Отче, мне у тебя на трапезе почулось: с правую сторону аки сильный гром грянул пред тучею, а з другую сторону много пошло пития и есвы, бог дал всякие благодати”. И говорит ему Сергей-игумен: “Государь наш великий князь Димитрей Иванович! Ты, государь, пришед в Сергиев монастырь и с тобой пришло много отпатшия силы окаянных. И оне твоему слову радовалися, чтоб ты погубил край хлеба сухова и разгневал бы господа бога, царя небеснаго. И я тебе, государь, вмести во уста добрую мед [?], и ты похвалил господа бога и край хлеба сухова. И то слово полюбилось, и господь сослал с небесе ангел крылатых, и те ангелы побили и потоптали пре[д] тобою отпатшую силу, акаянных врагов. Тебе почулось, аки сильный гром грянул пре[д] тучею, а з другую сторону много пошло пития и естви, бог дал всякому благодати есте. Государь, московский великий князь Димитрей Иванович, не убойся ты акаянного врага царя Мамая безбожного! И хотя у него, востошного царя Мамая безбожного, сила несчетная и несметная, вся его сила вконец погибнет, и самому царю Мамаю безбожному вконец же погибнуть. А у тебя, великого

князя Дмитрия Ивановича, хотя будет сила невеликая, да небесная, и будет твой верх — великого князя Дмитрия Ивановича”»¹⁹.

Хлеб и соль, слова и материальные объекты, не значат здесь ничего необыкновенного. Речь идет о завязывании отношений посредством гостеприимства и общей трапезы хозяина и гостя. Когда великий князь — не без колебаний, преодолевая себя — садиться за стол со святым подвижником, то есть тем самым вступает с ним в отношения, которые угодны Богу, нечистая сила, тихо явившаяся вместе с Дмитрием, теряет над ним власть и с шумом бежит. Новые отношения разрывает предшествующие. Слова «хлеб да соль» вовсе не играют при этом роли волшебного заклинания, способного что-то изменить, а всего лишь называют отношения и человеческий выбор, сделанный в пользу них.

Отметим место этой сцены внутри литературного целого. Далее по тексту «Сказания о Мамаеве воинстве» Дмитрий остается трусоват, то и дело «падает на сырую землю и терзает свои черные кудри», не веря в успех сражения. Он ведет соратников в бой чисто номинально и не руководит боем. Это отсутствие у сцены трапезы радикальных последствий, безусловно, вредит целостности изложения. Если это не литературная небрежность, то определенное идеологическое задание: стремление возвеличить тех, кто отождествляет себя с Сергием Радонежским, одновременно отказав в героизме и заслугах московскому князю Дмитрию Донскому.

Не вызывает сомнений дальнейшее родство «Сказания о Мамаеве воинстве» с фольклорным памятником, записанным в XIX веке, «Про Мамаю безбожного». Он также содержит описание малодушия Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы. Собрав в своем тереме за пиршественным столом своих князей и бояр, Дмитрий предлагает им отказаться от борьбы и бежать с ним за море, однако встречает решительный отпор с их стороны. Мысль его сотрапезников — «драться с Мамаем безбожным, псом

¹⁹ Мелихов М. В. Сказание о Мамаеве воинстве // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLII. Л., 1989. С. 396–397.

смердящим, до последней капли крови». Видимо, дальше рассказчиком что-то пропущено и сообщается только, что звучит гром:

«Что за слых, что за гром грянул по трапезе?» — говорит Задонский князь Дмитрий Иванович. Отвечает калика переходящая, сумка переметная: «Это, Задонский князь Дмитрий Иванович, нечистая, неприятная сила (что тебе под ухо шептала, чтоб шел ты к океан-морю строить легкие струги, из океан-моря в море Хвалынское), когда ты бога прославил, из терема побежала»²⁰.

Итальянский иезуит XVI века и неизвестный житель Шенкурского уезда Архангельской губернии, поделившийся этим преданием три века спустя, рассказывают историю плохо, но даже в таком исковерканном виде после всего сказанного сюжет узнается без труда.

Б. Н. Путилов отказывает тексту «Про Мамаю безбожного» в древности: «Произведение это, — пишет он, — принадлежит позднему фольклорному творчеству. Ничто не доказывает, что оно прошло более или менее долгий путь устной передачи от поколения к поколению»²¹. В своем мнении об опубликованном им памятнике М. В. Мелихов идет по стопам этого авторитетного специалиста. Он заранее, еще до рассмотрения текста по существу, объявляет «Сказание о Мамаеве воинстве» произведением поздней демократической литературы. Согласно его гипотезе, сочинение является поздней переделкой «Сказания о Мамаевом побоище» в народной среде на основе фольклорной традиции и опыта народной литературы.

Анализ текста, приведенный в недавней книге М. В. Мелихова²², однако, совершенно этого не обнаружил. Следы фольк-

---

²⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1985. С. 379–380 (№317).

²¹ Путилов Б. Н. «Сказка» «Про Мамаю безбожного» и эпическая традиция // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXIV. Л., 1989. С. 288. Подобного мнения придерживается не он один.

²² Мелихов М. В. «Мечом и глаголом»: героическая традиция в русской литературе XII–XVII вв. М. ; СПб., 2018. С. 206 и сл.

лорной стилистики на уровне образности и языка в сочинении, безусловно, присутствуют, но это вовсе не отличие «Сказания о Мамаеве воинстве» от «Сказания о Мамаевом побоище», а их общая черта. При этом явных содержательных параллелей с памятниками фольклора нащупать не удастся. Едва ли не единственным исключением, на первый взгляд, является тема малодушного князя. Казалось бы, малодушие Дмитрия напоминает недостаток мужества у былинного князя Владимира, теряющего самообладание при получении известия о нашествии врага. Вместе с тем М. В. Мелихов оговаривается, что полного сходства двух образов нет: например, трусости Дмитрия, в отличие от былин, не сопутствует неблагодарность и т. д. Одним словом, даже эта подробность может быть случайным совпадением. Не желая при этом отступаться от своей позиции, М. В. Мелихов делает неожиданный вывод: неизвестный составитель «Сказания о Мамаеве воинстве», по его словам, чрезвычайно самостоятелен как писатель. Якобы он сумел совершенно переработать свой фольклорный материал, размолоть его в пыль. Отсюда рождается следующая идея: оказывается, народная среда, в которой он действует, недовольна своей культурой и ищет новые формы художественного самовыражения. Когда одна гипотеза строится на другой и на третьей, всякое сопротивление материала исчезает окончательно, и говорить уже можно что угодно.

В конце концов, М. В. Мелихов даже нашел то самое место из книги Л. Н. Годовиковой с сообщением мнимого Поссевино, которое его явно обескуражило, но на выводах уже не сказалось²³. Исследователь лишь соглашается с тем, что легенда, касающаяся ключевого места «Сказания о Мамаеве воинстве», восходит к седой старине и устным преданиям о Куликовской битве.

Иначе как курьезным это рассуждение не назовешь. Тем не менее спасибо М. В. Мелихову за наглядную демонстрацию отсутствия прямых связей позднего «Сказания о Мамаеве воинстве» с другими памятниками литературы и фольклора. Это

²³ Мелихов М. В. «Мечом и глаголом»... С. 242–243.

лишний аргумент в пользу того мнения, к которому склоняемся мы. «Сказание о Мамаеве воинстве» — вовсе не поздний парадокс «Сказания о Мамаевом побоище», а, видимо, имеет отношение к истокам сочинений Куликовского цикла. Если это так, удивимся тому, какое сокровище неожиданно оказалось в наших руках!

С чего должен начинаться разбор литературного произведения? Наверное, с композиции. Как может быть по-другому? Наши исследователи «Сказания о Мамаевом побоище», кажется, совершенно безразличны к этому вопросу. Они готовы изучать все что угодно, кроме композиции. Связанная тема: как памятник возник? В наши дни исследователи вернулись к старой гипотезе А. А. Шахматова: считается, что появлению «Сказания о Мамаевом побоище» предшествовало некое первоначальное повествование, которое затем понадобилось переделать. Каким образом эта переделка осуществлялась? Видимо, была пущена в ход некая литературная механика, те самые композиционные приемы. Однако и на этот вопрос искать ответ в нашей литературе бесполезно. Потому вдвойне обидно, что наши филологи, похоже, не знают чрезвычайно интересного исследования Джованни Броджи-Беркофф, проливающего свет на композицию «Сказания о Мамаевом побоище» и, очевидно, композиционные приемы древнерусской литературы вообще²⁴.

Разбирая главный памятник Куликовского цикла в его Основной редакции, исследовательница находит следующие закономерности строения текста. Главная идея произведения заявлена во вводной части повествования. Это мысль о божественном всемогуществе и помощи тем, в ком есть страх Божий. Воплощением такой абсолютной покорности божеству служит образ Дмитрия Донского.

²⁴ Brogi Bercoff G. Considérations sur la structure compositionnelle du «Skazanie o Mamaevom poboišče» // Revue des études slaves. T. 63, fasc. 1, 1991. P. 161–173. См. также: Она же. Narrativa e norma letteraria nella Russia del Quattrocento e del primo Cinquecento // Europa orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'est europeo. Vol. 9, 1990. P. 37–57.

«Текст разворачивается как последовательность эпизодов, перемежающихся и связанных между собой молитвами, которые произносят великий князь либо кто-то исполняющий его функции в его отсутствие. Молитвы эти навеяны одной единственной мыслью: все совершается по воле Бога, который внимает мольбам исполняющих его веления. Чаще всего молитвы являются цитатами или парафразами псалмов, но, вероятно, не составит труда узнать другие литургические песнопения. Молитвы внутри текста находятся на одинаковом расстоянии одна от другой: чтобы это понять, достаточно бросить взгляд на нумерацию страниц. Но эта черед молитв имеет и более определенное значение. С формальной точки зрения, она организует материал текста в соответствии со строгой, линейной структурой, делающей чтение легче, а понимание доступнее: каждый эпизод, заключенный в одной вполне определенной структурной единице текста, начинает жить собственной жизнью, оставаясь при этом в тесной логической связи с другими эпизодами как раз благодаря этим «литургическим» переходам... Молитвы с цитатами из Библии также создают связь между историей как таковой и ее провиденциальным восприятием, между реальностью этого мира и высшей реальностью»²⁵.

Эта художественная форма вынуждала что-то отметить: в текст «Сказания о Мамаевом побоище» не должно было попасть ничего, что противоречило бы лейтмотиву этого произведения. Так, очевидно, не могло быть речи о том, чтобы сохранить историю о первоначальной связи Дмитрия Донского с нечистой силой. Сама композиция обязывает героя повествования продемонстрировать безупречный пример христианского служения. Реальная репутация великого князя Московского, естественно, не играла здесь никакой роли. Образ втискивают в ту литературную форму, которой владеют.

Дж. Броджи-Беркофф спотыкается в одном месте. Речь идет о той самой сцене трапезы у Сергия Радоженского, где, по его словам, Дмитрий «выглядит несколько иначе, нежели в осталь-

²⁵ Brogi Bercoff G. Considérations... P. 169.

ном тексте: у него много дел, связанных с подготовкой к походу, и ему не терпится уйти»²⁶. Ей представляется, что здесь можно подозревать след изначальной версии сказания и единичный случай недосмотра редактора. При этом другие подробности облика великого князя Московского, не связанные с религией, которые, на наш взгляд, восходят к протографу, проникают в текст довольно легко. Например, мотив его малодушия. По известному выражению М. Н. Тихомирова, в «Сказании о Мамаевом побоище» «Дмитрий Донской изображен почти трусом»²⁷. Даже тема возможного бегства Дмитрия Московского от нашествия Мамаю на Русский север никуда не пропала, а лишь переместилась на уста его недоброжелателя Олега Рязанского.

Внимания заслуживает замечание М. В. Мелихова об отсутствии в опубликованном им «Сказании о Мамаеве воинстве» библейских цитат и всякого влияния христианской литургики. Теперь мы знаем, что они и были главным инструментом композиции «Сказания о Мамаевом побоище».

---

²⁶ Там же. Р. 165.

²⁷ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 346.

К ИСТОРИИ «ПЕСНИ О ГНЕВЕ ИВАНА ГРОЗНОГО НА СЫНА»

Начнем с одного текста. Его автор — Камилло Капилупи, отпрыск одной из лучших семей Мантуи, почти всю жизнь проживший в Риме во дворце своего дяди-епископа, сам не поднявшийся выше довольно скромной должности протонотария Римской курии, время от времени оказывавшийся в гуще событий и умевший послужить Св. Престолу, бывший при этом многолетним агентом дома Гонзага и шведского двора, охотно бравшийся за перо²⁸. Наиболее известный пример его литературного творчества — сочинение о Варфоломеевской ночи. Стремясь угодить кардиналу Лотарингскому, автор изобразил это событие давно задуманным и хладнокровно спланированным убийством. Такая интерпретация имела практическую цель исключить всякую возможность примирения французских гугенотов и католиков в будущем, однако своим цинизмом она вызвала замешательство и неудовольствие даже в Римской курии. Ситуация вышла настолько скандальной, что опубликовать сочинение в Риме оказалось невозможным. Специалистам по истории России будут интересны письма Капилупи с описанием пребывания в Риме царских гонцов Истома Шевригина и Якова Молвянинова в 1581 и 1582 годах.

Среди бумаг автора сохранился автограф сочинения, оставшегося неопубликованным, под названием «Собрание анекдотов о папах, государях, послах и разных других лицах». Оно на-

---

²⁸ De Caro G. Capilupi, Camillo // Dizionario Biografico degli Italiani. Т. 18. Roma, 1975. P. 531–535; Intra G. B. Di Camillo Capilupi e de' suoi scritti /// Archivio storico lombardo. Serie seconda, vol. X, anno XX (1893). P. 693–735.

ходится в римской Национальной центральной библиотеке под шифром Vitt. Em. 1009. Это скорее рабочая тетрадь, пестрящая исправлениями, вычеркнутыми фрагментами, маргиналиями. На наше счастье, в ней есть несколько дат. Текст открывается предисловием, датированным: «в Риме 7 октября 1579 года». Похоже, значительная часть последующих записей восходит к этому году. Только к концу рукописи (обратим внимание: после заинтересовавшего нас «анекдота») в ней появляются занятые истории, случившиеся в начале 80-х годов XVI века. В маргиналии на предпоследней странице автор утверждает, что окончил работу 6 июля 1592 года («ho terminato di scrivere fin qui hoggi che siamo alli VI di luglio MDLXXXII»). Тем не менее, перевернув страницу, мы догадываемся, что эти слова относятся к истории редактирования рукописи, а текст как таковой написан раньше: запись на последней странице с выражением лояльности автора матери-церкви имеет дату 26 февраля 1585 года²⁹. Две другие рукописи из того же фонда: Vitt. Em. 1008 и 1062, частично содержат тот же материал, благодаря чему мы узнаем, что какая-то работа с текстом продолжалась многие годы спустя и, очевидно, так и не была доведена до конца. Интересующий нас «анекдот» в двух последних рукописях, так или иначе, отсутствует.

Всего две истории «Собрания» Камилло Капилупи в рукописи Vitt. Em. 1009 касаются Русского государства. Одна не без сочувствия повествует о сожжении Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 году. Второй рассказ, привлечший наше внимание, хотелось бы привести полностью.

Biblioteca nazionale centrale di
Roma, Vitt. Em. 1009, f. 164r.–v.

[f 164r.] Barbara Crudeltà di Va- Варварская жестокость Василия,
silio³⁰ Gran Duca di Moscovia che великого герцога Московии, кото-

²⁹ В написании последней цифры допущена ошибка, а именно пропущена буква «D», и в результате мы читаем: In Roma a XXVI di Febraro l'Anno di nostra salute MLXXXV.

³⁰ Автор сначала оставляет для имени русского царя пустое место, очевидно, рассчитывая выяснить его потом. Затем вписывает над строкой имя «Basilio».

si chiama anchor Imperatore de Rutheni.

L'anno 1576 1577 del mese di Maggio venne a Roma il signor Ponte della Garde³¹ Ambasciatore del Re di Suetia et suo genero, a cui il Re all'hor haveva sposata una sua figlia naturale et creatolo suo Vicere nella provincia [...]³², di natione Guascone,

costui essendo venuto a Roma a dar l'obedienza al papa et a questa santa sede dovuta da tutti i Principi christiani al Vicario di Christo et la quale non era memoria che era quasi più memoria che quelli Re havessero data per molte centinaia d'anni molt'anni,

come huomo pratico delle cose del Mondo et in particolare di quelle parti settentrionali raccontava molte cose degne di memoria et di gran piacer ad udire, et oltre quelle ch'habbiamo narrato qui di sopra delle leggier causa della guerra tra il suo Re et quello di Dania³³, ne raccontò molt'altre cose ch'andremo ponendo di mano in mano secondo che mi pareranno più notabili,

et al presente riferirò una veramente Barbara et empia crudeltà ch'egli dice che l'anno 1576 pochi mesi prima

рый зовется также императором русских.

В мае 1577 года в Рим прибыл синьор Понтус Делагарди, посол короля Швеции и его зять, за кого король тогда выдал свою внебрачную дочь и сделал его вице-королем провинции... по национальности гасконец.

Он приехал в Рим, чтобы принести послушание папе и святому престолу, коим все христианские государи обязаны викарию Христа, и почти уже не припомниться, когда в последний раз это делали шведские короли, так много лет назад это было.

Будучи человеком сведущим в политике и особенно разбираясь в делах северных стран, он рассказал много вещей, которые стоит запомнить и приятно послушать, и, в частности, изложенную нами выше историю о ничтожной причине войны между его королем и королем Дании. Он порассказал много чего еще, что мы станем мало-помалу записывать начиная с того, что мне кажется особенно примечательным.

И сейчас я расскажу о истине варварской и безбожной жестокости, которую, по его словам,

³¹ Della Garde — вписано над строкой.

³² Оставлено пустое место для одного слова.

³³ Этой теме посвящен предыдущий «анекдот» Капилупи.

ch'egli partisse haveva usato Basilio³⁴
Duca di Moscovia.

Erasi una sera il Duca per troppo bere fatto ubriaco, et come che il vino sia perfetto esploratore della natura de gli huomini, così scoperse il quella del Duca essere furiosa et crudelissima più di tutte quante fosse si possa raccontare,

percioché posto su le furie et agitata et accesa la colera sua dal calore et ardor del vino pazzamente chiamato a se il suo Maresciallo gli disse con fiero viso: Va tosto et prendi il mio figliolo primogenito et gittalo hor hora avanti a gli orsi accioché lo strazzino straccino et sbranino, et se lo mangino, havendo il Duca ordinariamente gran quantità di quelle bestie rinchiusse le quali sono le maggiori [f. 164v.] che siano in altra parte del Mondo.

Il Marescialle confuso et stupido per così aspro commandamento fattogli dal suo signore sotto pena di mandar esso alla medesima morte se non l'essequiva, si parti dal conspetto suo senza replicar altro conoscendolo pazzo et ubriaco, et dubitando che poi digerito il vino egli fosse per pentirsi et sentir a male ch'egli avesse fatta così severa essecutione,

герцог Московии Василий продемонстрировал в 1576 году за несколько месяцев до его отъезда.

Как-то вечером герцог выпил лишнего и опьянел, и так как вино может считаться отличным исследователем натуры человеческой, оно обнаружило, что по натуре герцог — человек настолько свирепый и жестокосердный, что и не расскажешь.

Впав, таким образом, в неистовство и воспылав буйным гневом по причине горячительной силы вина, он в безумии призвал к себе своего маршала и с суровым выражением лица ему сказал: «Немедленно отправляйся и схвати моего первородного сына, и брось его тотчас медведям, дабы те его разорвали и растерзали, и сожрали его», ибо у герцога обычно имеется в клетках большое число таких зверей. Они крупнее тех, что есть в других частях света.

Маршал был смущен и ошарашен столь суровым приказом своего синьора. Не исполни он его, и его самого ждала бы такая же смерть. Он ушел с глаз герцога, ничего не посмев возразить, понимая, что тот не в себе и пьян, и не будучи уверенным в том, что, когда действие вина пройдет, герцог не раскается и не пожалеет, что отдал приказ о столь жестокой казни.

³⁴ Для имени правителя Московии сначала оставлено пустое место, куда оно вписано потом.

andò et preso il giovanetto unico primogenito del suo Signore d'età di circa diciasette³⁵ et ripostolo in secreta parte deliberò di tenerlo fin ch'il Duca fosse ritornato in se et non comparirvi avanti prima il giorno sequente intendendo ch'egli era in buon essere comparve fu avanti al Duca

il quale gli dimandò subito s'haveva essequisto quanto gli haveva commesso il giorno avanti precedente, et egli rispondendogli di no et la cagione che l'haveva mosso. Il Duca il ringratiò del rispetto ch'haveva hauto al suo sangue, et che si mostrerebbe grato verso di lui di tanto servizio,

ma poi gli soggiunse colla medesima placidezza d'animo, che quasi fosse per dirgli cosa di poco momento che poi che non haveva osservato né obedito al suo commandamento ch'infallibilmente sempre doveva esser essequito che voleva che prendesse il suo figliolo proprio, et quello gittasse alli medesimi orsi invece del principe suo figliolo accioché tal delitto non restasse impunita,

et così il misero padre fu astretto a porgere ad esporre colle proprie mani il proprio suo sangue a quella morte dalla quale haveva liberato il figliolo del suo signore che per

Маршал пошел и схватил старшего сына своего синьора, которому было лет семнадцать, и, отведя его в секретное место, решил его удерживать, покуда герцог не придет в себя, и не давать ему показываться на глаза. Так продолжалось до тех пор, пока на другой день, прослышав, что герцог в добром здравии, он не предстал перед ним.

Герцог его тотчас спросил, выполнил ли он то, что тот ему поручил накануне, и маршал ответил, что нет, и объяснил причину, которая им двигала. Герцог поблагодарил его за уважение, которое он питает к его крови, и сказал, что желал бы показать свое расположение к нему за такую службу, но затем прибавил с тем же благодушием, точно ему оставалось сказать маршалу пустяк, что, поскольку он не исполнил его приказ и не подчинился тому, что неуклонно всегда должен был исполнять, пусть он возьмет своего собственного сына и бросит его тем самым медведям вместо сына своего государя, дабы такое преступление не осталось безнаказанным.

И таким образом несчастный отец был принужден своими руками свою собственную кровь предать смерти, от которой избавил сына своего синьора, который

³⁵ D'età di circa diciasette — вписано над строкой.

premio di tanto beneficio gli diede
così miserabile spettacolo et pagò
della sua riverenza et amore verso di
lui et del suo sangue,

il che ci può dimostrare che mai
l'huomo dovrebbe ingerirsi nelle
cose di pazzi et furiosi né praticar
con loro, ma da precipi tali sopra
tutto guardarsi come dal fuoco per-
ché sono le peggiori bestie che siano,
né l'amico o signore può mai indovi-
narla con essi loro.

в награду за такую услугу заставил
его взирать на столь прискорбное
зрелище и отплатил за почтитель-
ность, с которой маршал относил-
ся к нему и его крови.

Эта история нам показывает, что
человеку никогда нельзя иметь
дел с безумными и бешеными
и общаться с ними, а следует, что
есть сил, беречься таких госуда-
рей, как огня, ибо они сами худ-
шие звери, чего друг или синьор
никогда в них не заподозрит [?].

Кроме записи Капилупи, других следов этой истории, рассказанной шведским послом в Риме весной 1577 года, мы не знаем. Удивляться этому не приходится: ее анекдотичность бросается в глаза. Авторы XVI века столь сомнительный материал старались не использовать. Многие из наших соотечественников убеждены в том, что западноевропейские авторы с легкостью рассказывали о России любые небылицы. Это мнение предельно несправедливо. Писать о Московии что попало и верить всему подряд большинство не желало. К письму и к знаниям относились серьезно, а возможности проверить и исправить однажды написанное о далекой стране были весьма ограниченными. Поток негативных картин Московии, идущий в это время из Германии и Польши, в той же Италии принимали к сведению, но не имели ясного представления об их достоверности. (Это особенно хорошо видно на примере подготовки миссии Поссевино.) Тем более не мог вызвать большого доверия рассказ явно фольклорной природы, который больше годился для сборника новелл.

Мы без труда узнаем фольклорный сюжет: история, пересказанная Капилупи, заставляет вспомнить историческую песню, известную под условным названием «О гневе Ивана Грозного на своего сына». Число записей этой песни, вероятно, приближается к ста. Какие из вариантов изложения ближе к истокам, мы, естественно, можем только догадываться. Перечислим сход-

ства и отличия русской песни и итальянского «анекдота». Действие песни завязывается на пиру. По версии Капилупи — под влиянием винных паров. Вероятно, эту подробность можно признать общей. Другие общие моменты: приказ царя своим придворным казнить сына; неуверенность последних в том, что на следующее утро царь об этом горько не пожалеет; самовольное спасение царевича и радость царя на другой день, что его приказ, отданный в пьяном угаре, не был исполнен.

При этом серьезных отличий можно насчитать не меньше. Роль безымянного «маршала» разделена в песне между двумя героями: палачом как правило выступает известный опричный деятель Малюта Скуратов, тогда как спаситель царевича, вырвавший его из рук убийцы, готового исполнить волю царя, — отдельный персонаж, дядя царевича по матери Никита Романович Захарьин-Юрьев. Последний с давних пор назывался «дворецким». По словам А. А. Зимина, «означал ли этот титул в 70-е годы XVI века что-то определенное или нет, трудно сказать; во всяком случае, в нашем распоряжении нет актового материала о деятельности Н. Р. Юрьева в эти годы»³⁶. Пример деятельности нам показан в отчете Кобенця, посла императора, побывавшего на пиру Ивана Грозного в Можайске в январе 1576 года. Никита Романович «с важным видом сидел в передней у первого буфета» («*bey der ersten Credenz-Tafel in der Vorstuben ansehnlich gesessen*»); выставленные поставцы с горами драгоценной посудой — неизменный антураж царского пира, отмеченный в описаниях всех иноземцев). «Великокняжеский гофмейстер», — указал на него пристав выходящим после пира³⁷. Не это ли обозначение могло быть передано словом «маршал»?

Впрочем, на роль «маршала» еще лучше подходит легендарный царский палач Малюта Скуратов. В этой связи хотелось бы

---

³⁶ Zimin A. Das «Lied vom Zorn Groznyijs auf seinem Sohn» // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 9 (1964), S. 55.

³⁷ Вержбовский Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Выпуск IV: Донесение Иоанна Кобенця 1576 г. Варшава, 1901. С. 39.

указать на один любопытный документ: отчет польского гонца Федора Зенковича Воропая, отправленного к Ивану IV в сентябре 1572 года. Согласно польскому варианту документа, в переговорах царя с гонцом активно участвует «его думный дворянин Малюта Скуратов», «*Maluta Skorutów jego Radny Pan*». Однако наше внимание должен привлечь латинский перевод сообщения. Очевидно, переводчик не просто плохо знал польский язык, но и недопонимал сути дела. Под его неловким пером гонец Федор Зенкович превращается в царского дьяка, зачитывающего ответный лист неназванному гонцу, а царский фаворит именуется «*Molutha (или Molutta) Marschalcus*». Последний упомянут дважды и оба раза назван так. Он изображен ближайшим сподвижником правителя Московии, едва ли его не перебивает, а также дает гонцу последние наставления перед отъездом. Этот латинский перевод с упоминанием «маршала Малюты» немедленно оказался в руках многих заинтересованных лиц, получив в Европе широкое распространение. Среди его обладателей мы можем назвать испанского посла при дворе императора и сразу трех кардиналов, причастных к политике папства на востоке Европы, — Фарнезе, Коммендоне и Комо³⁸. В. Б. Кобрин отмечает,

³⁸ Список, полученный «протектором» Польши кардиналом Алессандро Фарнезе: *Archivio di Stato di Parma, Carteggio farnesiano estero. Polonia, busta 119, №94*. Появление документа в канцелярии Филиппа II можно уверенно приписать деятельности его посла при дворе императора Франсиско Уртадо де Мендоса, графа Монтеагудо. Он опубликован в кн.: *Elementa ad fontium editiones. T. XI: Documenta Polonica ex Archivo Generali Hispaniae in Simancas, II pt. Roma, 1964. P. 181–184 (№152)*, со ссылкой: *Archivo general de Simancas, Secretaria de Estado. Legajo 672, f. 2*. Третья копия издана А. Тейнером: *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae... T. 2. Romae, 1861. P. 767–770 (№812)*; со ссылкой: *Arm. XIV, caps 6, №37*; видимо, современный шифр: *Archivio Segreto Vaticano (далее: ASV), Archivium Arcis, Arm. I–XVIII, 4319*. Кажется, это бумага из канцелярии кардинала Комо, хотя это надо уточнить; мы можем ошибаться. Четвертую Е. Ф. Шмурло упоминает среди бумаг польской нунциатуры (современное название серии: *Segreteria di Stato, Polonia*): *Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908. С. 38*. Ее 4-й том, о котором идет речь, представляет собой собрание писем папского нунция в Польше Портико кардиналу Коммендоне, однако последний с 1571

что в последний год или два жизни М. Скуратов привлекался царем к ведению переговоров³⁹, а приписывать участникам дипломатических контактов громкие титулы было московской традицией. Возможно, перед нами как раз такой случай.

Другие отличия рассказа Капилупи от большинства версий песни не менее существенны. У Капилупи ни слова не сказано о вине царевича или какой-то иной причине царского решения его казнить. Между тем внутрисемейный конфликт — частый мотив известного нам фольклорного памятника: юный отпрыск так или иначе выступает против отца, прямо или косвенно потакая измене, либо, по крайней мере, на него падают такие подозрения. Естественно, в песне, в отличие от «анекдота», нет речи о наказании спасителя наследника престола. В некоторых версиях несостоявшегося палача Малюту без спроса царя убивают за одну мысль поднять руку на царевича — настолько сама мысль выглядит преступной. Определенным хронологическим ориентиром для нас может служить указание Капилупи на возраст безымянного царевича. Если в его тексте имеется в виду царевич Иван, его 17-летие пришлось на 28 марта 1571 года. Царевичу Федору 17 лет исполнилось 30 мая 1574 года. Тут надо заметить, что итальянский автор называет царевича старшим, «первородным» отпрыском московского «герцога», тогда как в большинстве песенных рассказов царь велит убить не его, а младшего царевича Федора.

Запись Капилупи, к кому информация попала опосредованно, через третьи руки, естественно, не могла быть точным воспро-

---

по 1573 год сам находился в Польше и мог получить документ без участия Портико. Польский текст отчета Федора Зенковича Воропая публиковался многократно. Мы воспользовались изданием в кн.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1841. С. 229–232 (№163). По поводу датировки отчета Воропая сентябрем 1572 года см.: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904. С. 10, прим 1.

³⁹ *Кобрин В. Б.* Малюта Скуратов // *Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 159.

изведением не известного нам первоисточника. Итальянскому автору, надо думать, принадлежат умозаключения, с которых начинается и которыми заканчивается рассказ. Вместе с тем упомянутые отличия текста Капилупи так значительны, что его гипотетический протограф следует считать не исторической песней в известном нам виде, а неким ранним этапом складывания сюжета. Рассказ уже узнаваем, но еще не стал известной нам историей.

Кажется, есть возможность копнуть еще глубже. Крайне любопытный текст — запись беседы Стефана Батория, избранного польским королем, с советниками курфюрста Саксонского в Мариенбурге, в Пруссии, 14 декабря 1577 года. Вот история, рассказанная Баторием об Иване Грозном: «У него есть напиток из водки и меда, чем он будто бы искореняет в себе все человеческое, и кого больше всего любит и с кем веселится, тогда велит убить, так что всякое его опьянение стоит жизни нескольким людям». В том, что перед нами вовсе не обрывок нашей легенды, убеждает буквально следующая фраза: «Сына своего и того учит всяческой жестокости и приучает убивать людей в своем присутствии, так что, по словам Его Величества [короля Стефана Батория — И. Д.], нигде в мире не вскармливается чудовища ужаснее»⁴⁰. Слова Батория остаются понимать как еще более ранний

⁴⁰ Habere illum potum ex uſto ſublimato et medone, quo poto omnem exuat humanitatem et quos maxime tum amplecteretur et cum quibus rideret, ſtatuit interficere. Ita ut omnis ipſius ebrietas aliquot ſemper conſtet caedibus. Filium etiam ipſum educare ad omnem crudelitatem et aſſuefacere, ut in praesentia ſua homines interficiat. Ita ut ſua Maieſtas exiſtimare ſe diceret, mundum non alere tetrius monſtrum. — *Behring W.* Beiträge zur Geſchichte des Jahres 1577. Teil II. Die Berichte der kursächſiſchen Geſandten Abraham von Bock und Dr. Andreas Pauli über die Friedensvermittlung zwiſchen König Stephan Bathory und der Stadt Danzig: Zeiſchrift des weſtpreuſſiſchen Geſchichtsvereins. Heft XLV (1903), S. 1–136; нужная нам запись приведена на с. 129–132, а интересующее нас место — на с. 131. Хотя документ был опубликован больше ста лет назад, данная публикация, кажется, до сих пор остается незамеченной. Те из исследователей, кто знаком с текстом, пользуются им в выдержках, приведенных в статье: *Koch E.* Moskowiter in der Oberlauſitz und M. Bartholomäus Scultetus in Görlitz. Kulturbilder aus der zweiten Hälfte

этап в истории легенды, составившей затем тематическую основу «Песни о гневе Ивана Грозного на своего сына». Кстати, это объясняет отсутствие у Капилупи мотивировок, на чем мы споткнулись выше. Оказывается, в таком отсутствии малейших причин для царского гнева некогда заключалась вся соль «анекдота», повествующего изначально о немотивированной агрессии пьяного властителя в отношении самых близких. То, что некий царевич в песне едва ли не борется с опричиной, а царь за это на него гневается, с такой точки зрения выглядит позднейшим домыслом, призванным заткнуть образовавшуюся смысловую брешь, когда старый смысл забылся. Если мы уловили это, то лучше поймем и конец истории, рассказанной Капилупи: царское веление маршалу, только что вернувшему отцу сына, отправить на смерть собственного ребенка. Мысль здесь та же самая: близкие и враги меняются местами. Ужас ситуации в том, что у царя Ивана Грозного наказан бывает не тайный или явный враг, а, наоборот, самый верный слуга, кому царь должен быть обязан про гроб жизни, и самый возлюбленный родственник. Вот что русский народ думает о своем царе! Нельзя не отметить, что народных легенд в разговоре польского короля с прибывшими к нему для переговоров советниками немецкого курфюрста, целый ряд, одна краше другой. Его новости обильны и свежи⁴¹.

---

des XVI. Jahrhunderts // Neues Lausitzisches Magazin. Bd. 83 (1907), S. 55. Публикация В. Беринга содержит латинский оригинал (Стефан Баторий, не владея другими языками, беседовал с советниками курфюрста на латыни), тогда как в статье Э. Коха даны выдержки из немецкого перевода, сделанного тогда же для курфюрста Саксонского, которому латынь так и не далась. Прочитываем и его: Er habe einen Trank von Branntwein und Meth, und wenn er sich darinnen volltrunken, so wäre er keinem Menschen hernach gleich, sondern mit denen er am meisten redet und lachet, die liess er darnach alsbald umbringen, daß er also in demselben Trank keinen Rausch hätte, der nicht etlicher viel Leute Leib und Leben koste. Seinen Sohn zöge er auch zu solcher Tyrannei und müßte derselbe in des Vaters Beisein die Leute ermorden, also daß Ihre Königl. Maj. dafür hielten, daß in der ganzen weiten Welt keine greulichere bestia oder scheußlicher monstrem gefunden würde.

⁴¹ Так, Баторий поясняет, почему турки не воюют с москвитями. Оказывается, в тех краях нельзя пользоваться конями: лежащая между ними пусты-

Как Капилупи работал? Есть сведения о том, как он писал свое сообщение о сожжении Москвы крымским ханом в 1571 году. В рукописи Vitt. Em. 1008 (f. VI и VII) сохранились две выписки, посвященные этому событию, — видимо, рукописные газеты. Не было ли в распоряжении автора, когда он рассказывал интересующий нас «анекдот», похожих подготовительных материалов, или же он писал по памяти? Обратим внимание и удивимся, как безупречно автор информирует нас о своем источнике информации. Действительно, шведский посол Делагарди находился в Риме в мае 1577 года. Он, в самом деле, был помолвлен с внебрачной дочерью шведского короля (хотя брак состоялся несколькими годами позже) и получил должность его наместника в землях бывшего Ливонского ордена. Придраться можно разве что к тому, что Делагарди не был гасконцем, а происходил из Нижнего Лангедока. Видя точность этих деталей — изложенных не раньше октября 1579 года, то есть как минимум через два с половиной года после приезда в Рим Делагарди, — хоте-

---

ня буквально кишит змеями, жалящими лошадей. Кроме того, в траве прячутся от зноя столь же ядовитые черви. Стоит коню поесть такой травы, и он околеет. Однажды турки отправились туда, прикрыв своих коней от змеиных укусов кожами и шкурами, но все лошади все равно погибли, и те вернулись домой пешком. (Ввиду отточий в латинском тексте мы дополняем его по немецкому переводу.) Мы помним библейский рассказ о змеях пустыни (Числа, 21, 5–6), однако ничего ближе назвать не можем. Выше Баторий пересказывает историю о юродивом Николе, якобы остановившем разгром царем Иваном Грозным Пскова в 1570 году. Подобно сообщением Пискаревского летописца и Псковской Первой летописи, юродивый в рассказе Батория предрек царю гибель его коня. Не менее интересна последняя фраза: «Тот Никола помер год назад». Эта информация, по-видимому, верна. Надпись на могиле юродивого гласила: «преставился святой, праведный Николай, псковский чудотворец в лето 7084 [1576] февраля 28 числа» ([Филарет (Гумилевский)] Русские святые, чтимые всею церковью или местно: опыт описания жизни их. Чернигов, 1861. С. 143). Истории об Ивановом пьянстве, рассказанные Баторием и Капилупи, мы назвали связанными, но разными. Любопытно, что при этом они всплывают на Западе практически одновременно. Наиболее обстоятельно король Стефан Баторий, впрочем, сообщает саксонцам о военной силе, вооружении, военных приемах «Московита», который видится ему опасным и могущественным врагом. Все его мысли подчинены грядущей войне.

лось бы предположить, что у Камилло Капилупи в момент написания текста были под рукой записи его — или чьих-то — бесед со шведским послом. Однако не все так просто. Дядя нашего автора Ипполито Капилупи, а позднее он сам исполняли в Риме роль неофициальных резидентов шведских правителей, занимались делами членов их семей. А француз Делгарди стал в Швеции достаточно крупной фигурой, чтобы в семье Капилупи о нем помнили. Сказанные подробности, похоже, ничего особенно не доказывают.

Обратимся к литературе, посвященной песне. Одно из распространенных представлений о данном памятнике восходит к работе С. К. Шамбинаго⁴². Историческим событием, отразившемся в песне, он считал смерть царевича Ивана Ивановича в ноябре 1581 года, а ее складывание относил к концу XVI века и кругу «приверженцев Романовых». С. К. Шамбинаго был представителем «исторической школы» изучения русского фольклора. По мнению ученых, придерживавшихся этого направления, фольклорные памятники воспроизводят реальность, но реальные факты быстро забываются, и в результате картины прошлого искажаются до неузнаваемости. Следовательно, задачей фольклористов было выяснить или, точнее, угадать забытые истоки. Твердой почвы доказательств здесь не может быть в принципе. Исследователя, вооруженного такой оптикой, то обстоятельство, что царевич в песне спасается от смерти, хотя в реальности он погибает, совершенно не обескураживает, а, наоборот, в его глазах, это лишь доказывает правоту понимания народной поэзии как искажения действительности.

Шестьдесят лет назад два филолога В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов выступили с критикой данной интерпретации интересующей нас исторической песни. Главная претензия советских фольклористов к представителям дореволюционной «исторической школы» носит методологический характер. Б. Н. Путилов и В. Я. Пропп справедливо упрекают предшественников в невни-

---

⁴² Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 288–303.

мании к художественной природе исторических песен. «Старшая» историческая песня, о которой в нашем случае идет речь, вовсе не имеет в виду передать «историю». Ее цель — откликнуться на взволновавшие события, что далеко не одно и то же. По определению Б. Н. Путилова, как всякий художественный текст, она является художественным вымыслом и лишь отталкивается от жизненных фактов:

«Песенный сюжет не есть эмпирическое воспроизведение какого-либо события, имевшего место в действительности. Сюжет строится не по законам прагматического повторения фактов, а по законам художественного изображения действительности, ее конфликтов. Сюжет есть реализация какого-то художественного замысла».

«Содержанием исторических песен оказываются нередко такие события, такие факты, каких в реальной истории никогда не было и быть не могло. В других случаях действительные факты и эпизоды истории поданы в песнях в таком далеком от действительности виде, что, в сущности, мало чем отличаются от событий, полностью вымышленных. Песенные сюжеты не находят себе прямого соответствия в истории»⁴³.

Отход от фактов в сторону вымысла, таким образом, не результат забвения истории, как это виделось представителям «исторической школы», а предрешенная вещь. Соответственно мы в праве и должны приблизить момент появления песни к породившей ее исторической ситуации. Строго говоря, продолжает Б. Н. Путилов, само обозначение «историческая песня» не совсем верно, ибо перед нами песни о современности. Это произведения о волновавших современников вопросах: сюжеты примысливаются к реальным фактам для формулировки в художественной форме какого-то важного высказывания. Наблюдение над отразившимся в интересующей нас песне историче-

---

⁴³ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв. М., 1960. С. 7–8, 18.

ским материалом приводят Б. Н. Путилова и В. Я. Проппа к мнению, что данный фольклорный памятник складывается не после 1581 года, а еще при жизни старшего сына Ивана Грозного, и *terminus post quem* — кровавый поход царя на собственный город Новгород зимой 1569–1570 года и канун московских казней лета 1570 года. Вероятнее всего, она возникает по горячим следам этих драматических событий, видимо, если согласиться с Б. Н. Путиловым, как народный ответ на кровавые и паталогические формы, которые приобрела борьба царя с «изменой».

Если критика взглядов «исторической школы» выглядит весьма убедительной, обещанный нам литературный разбор внушает большие сомнения. Этапа складывания песни концепция Б. Н. Путилова не предполагает в принципе. По его мнению, песня родится одномоментно или довольно быстро. Очевидно, автор руководствуется своими отвлеченными представлениями о народной поэзии. Однако, как читатель уже догадался, Б. Н. Путилов ошибается. В записи Капилупи мы встречаем еще только фрагменты знакомого нам сюжета. Перед нами ранний этап его истории. Можно привести другие доказательства того, что знакомый нам вид рассказанная история приобрела не сразу и ее складывание растянулось надолго. Мы обязательно скажем об них ниже. Кроме того, Б. Н. Путилов отрицает всякую возможность связи песенного фольклора с историческими преданиями. По его словам, поэзия и проза — принципиально разные эстетические системы, в которых реализуется разное отношение к действительности. И снова автор не балует нас доказательствами. Наверное, следовало проиллюстрировать эту важную мысль на примерах. Как уже сказано, песня дошла до нас во множестве версий. Как разобраться в этом разнообразии? Где тут начала и концы? По мысли Б. Н. Путилова, история песни сводится к относительно быстрому возникновению законченного памятника и его последующей деформации и порче на поздних этапах его бытования. Для Б. Н. Путилова ориентиром служат полнота и убедительность раскрытия сцен и образов. Его глаз останавливается на наиболее полном, оконченном, объясненном. Это по-своему логично, однако тут мы невольно навязываем древне-

му памятнику собственный художественный вкус. К тому же, любой фольклорист скажет, что фольклор, в отличие от литературы, иногда или часто пренебрегает полнотой картин и объяснениями, оставляя слушателю самому догадываться о мотивах происходящего. Руководствуясь критерием полноты и художественной убедительности сцен и образов, Б. Н. Путилов приходит к мысли о первичности той версии «Песни о гневе Ивана Грозного на сына», где царю сообщают, что царевич встал на сторону его изменников. Те же варианты песни, в которых тема измены сына звучит глухо и неясно либо не звучит совсем, Б. Н. Путилов считает поздними. «Анекдот», рассказанный Камилло Капилупи, не оставляет сомнений в том, что это рассуждение ошибочно. Благодаря Капилупи, у нас есть основания с вниманием отнестись именно к тем версиям песни, которые Б. Н. Путилов отбраковывает как якобы испорченные и поздние.

Б. Н. Путилов отчетливее формулирует свои идеи и позиции, давая нам возможность видеть их сильные и слабые стороны. Мысль В. Я. Проппа движется ближе к материалу. По крайней мере, в одном месте В. Я. Пропп отмечает разнородность материала, вошедшего в песню. Речь идет о «заместительной жертве»: в целом ряде вариантов «Песни о гневе Ивана Грозного на сына» кто-то должен умереть вместо царевича (дабы царю могли быть показаны следы состоявшейся казни, например, окровавленная сабля).

«Мотив заместительного убийства, — продолжает В. Я. Пропп, — в фольклоре очень древен... [Он] возможен и уместен в сказке, где люди столь же легко умирают, как и воскресают, превращаются, и т. д. Но мотив заместительного убийства, при котором вместо одного человека — царевича, казнят другого, совершенно невинного, притом конюха, ключника и т. д., т. е. человека низшего звания, противоречит формам сознания, приведшим к созданию песни, корнящейся в современной ей исторической действительности. Как же певцы выходят из этого противоречия? Примерно в половине всех случаев заместительного убийства нет совсем... Более удачным следует признать другое решение: вместо Федора казни подверга-

ется сам Малюта Скуратов. Никита Романович посылает Грозному голову Малюты, и царь не замечает обмана. Наконец, остается все же некоторое количество случаев... когда Никита Романович вместо царевича убивает конюха, стрельца и т. д. Слабые попытки как-то оправдать это убийство тем, что конюх этот «немилый», или тем, что стрелец героически сам вызывается на замену... или тем, что по жертве затем служат панихида, не могут поколебать вывода о том, что это заместительное убийство противоречит нормам исторической песни, оскорбляет моральное чувство и что в данной песне оно представляет инородное тело, вошедшее в песню из других жанров фольклора и не амальгамировавшееся с ней»⁴⁴.

Напомним себе, что мы уже знаем тему «заместительной жертвы» как основу сюжета в рассказе Капилупи, а теперь видим, с каким трудом она приживается в песне. Если в исторической песне встречаются такие вопиющие швы, мы не можем придерживаться той идеальной картины народного песенного творчества, которую рисует Б. Н. Путилов, а должны подозревать долгий и сложный процесс и соединение вещей, которые, по мысли Б. Н. Путилова, теоретически не должны соединяться.

Это выступление филологов наши историки, писавшие на ту же тему, проигнорировали. Трактовку Р. Г. Скрынникова⁴⁵ можно назвать стихийным возвращением к тому способу рассмотрения фольклора, которого придерживались представители «исторической школы». Художественный вымысел в интересующей нас песне он без объяснения причин отрицает. «В действительности содержание песни было далеко не вымышленным», — парирует он с царственной краткостью. Реальностью, нашедшей отражение в «Песне о гневе Ивана Грозного на сына», Р. Г. Скрынников объявляет свою рискованную гипотезу о конфликте царя со старшим сыном Иваном, якобы имевшем место около 1570–1571 годов. В пользу этой гипотезы он находит три

⁴⁴ Протт В. Я. Песня о гневе Грозного на сына // В. Я. Протт. Сказка, эпос, песня. М., 2001. С. 210–211.

⁴⁵ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 133–135.

аргумента. Один из них — сама песня, точнее сказать, одна из ее кратких версий, которую он произвольно выбирает из целого ряда других. В том варианте памятника, которому отдает предпочтение Б. Н. Путилов, царь-отец гневается на своего младшего сына Федора. В истории песни такое распределение ролей — вообще самый распространенный случай. Р. Г. Скрынникову удобнее принять как изначальный тот вариант, где в измене обвинен царский сын, не названный по имени, ибо он подразумевает под ним Ивана. Основанием для такого выбора называется «историческая достоверность». На деле это не значит ничего другого, кроме того, что считать данную редакцию исходной, а все другие поздними и испорченными Р. Г. Скрынникову удобнее всего.

Оставшиеся доказательства гипотетического конфликта царя с царевичем удивляют не меньше. На них стоит остановиться в том числе для того, чтобы было понятно, на каком низком уровне находятся наши исследования в источниковедческом смысле. Никуда не годится, когда историк знает один документ из пяти, да и тот трактует с возмутительной произвольностью. Первый текст, на который указывает Р. Г. Скрынников, — слова, будто бы сказанные Иваном Грозным летом 1570 года новоиспеченному «ливонскому королю» герцогу Магнусу. В шутку или всерьез, он намекает, что готов сделать его своим наследником, хотя и имеет двух сыновей. Причина такой щедрости — его любовь к немцам и неприязнь к подданным, которых он без конца подозревает в измене. В сущности — заявляет Иван, — он и сам немец «саксонского рода». Свидетельство, о котором идет речь, — сообщение из Данцига от 11 сентября того же года с изложением информации, переданной неким Ганцем Шульце, который сопровождал герцога Магнуса в его поездке к царю. Оно опубликовано Ю. Н. Щербачевым по списку из Копенгагенского архива. При этом последний оговаривается, что знает еще одну копию документа в архиве Шверина⁴⁶. Третий список най-

⁴⁶ Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. 1570–1576 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1916, кн. 2,

ден Г. В. Форстеном в Берлине. Вероятно, слова Ивана кажутся ему настолько неправдоподобными, что под «моей землей», которую царь будто бы посулил Магнусу после своей смерти, Г. В. Форстен понимает одну Ливонию⁴⁷. Такое толкование интересующего нас места представляется ошибочным. В газетном собрании аугсбургских купцов Фуггеров нам удалось отыскать еще один документ с той же информацией. Это выписка из письма неизвестного, который ссылается на письмо, полученное им из Лейпцига. Впрочем, нет сомнений в том, что данный текст просто повторяет информацию, восходящую к уже знакомому нам свидетельству Ганса Шульце⁴⁸.

На приведенной констатации Р. Г. Скрынников не останавливается. Его воображение немедленно пририсовывает детали, и вот уже он пишет о том, как заскрежетали зубами и заволновались гордые Захарьины: «Опрометчивые заявления царя,

---

отд. III. С. 32–34, №182. Ср.: *Он же*. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М., 1893. С. 71, №238 (212).

⁴⁷ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. СПб., 1893. С. 539. Ср.: *Он же*. Архивные занятия в Берлине, Дрездене и Мюнхене по истории Скандинавского Севера в XVI и XVII столетиях // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCXLV, 1886, №5, «Современная летопись». С. 20.

⁴⁸ Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 8949, f. 190v: Der Moßcawitter hatt auch zwen Son, ain von 17. der andern von 13 Jaren, und hat sich so weit mit dem Hertzog Magnus ein- vnd vernemen lassen, das nach des Moßcawitters Absterben sein reich mit lautern teutschen besetzt werden soll, dan er hatt sich vernemen lassen, er khome auch von teutschen vnd von den sachsen her, das haben seine Rhätt zuvor gefaßt vnnd vnnder jnen berathen, den Moßcawitter vmbzubringen. Ср. текст, приведенный у Ю. Н. Щербачева и Г. В. Форстена (мы следуем транскрипции первого). Ганц Шульце якобы слышал своими ушами, как царь сказал Магнусу на прощание: «Lieber Bruder, dieveil ihr vnnd die deutschen mir trauwet, auch dasz jch denn deutschen gewogenn, dann jch selbest deutscher herkunft vnnd vonn sexischenn gebleute sey, vnnangesehenn dasz jch zwene sohne habe, daruon der eine vonn 17, der annder vonn 13 jaren ist, wann jch mein heupt lege, sollenn Ewer Liebe herr vnnd erbe zu meinem lannde seinn, vnnd wil meine vnntrewe vnnterdanen so auszrottenn vnnd demutigen, dasz jch mit fuessenn vber sie gehen wil».

сделанные при боярах и послах, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника»⁴⁹. Но ни о чем подобном в источниках не сказано! Родственники молодых царевичей Захарьины находятся в это время рядом с тронном, но уже давно не на первых ролях, чтобы их мнение много значило, да и царский шурин Никита Романович не производит впечатление человека, способного на многое. Здесь мы снова можем сослаться на работу А. А. Зимина, о которой пойдет речь ниже. Наконец, не забудем слова немецкой газеты, утверждавшей, что герцог Магнус, как ни в чем не бывало, виделся в Москве с молодым государем Иваном Ивановичем и получил от него подарок и заверения в братских чувствах⁵⁰.

Решающим аргументом в пользу своей гипотезы Р. Г. Скрынников, очевидно, считает информацию, почерпнутую им из описания документов польской нунциатуры Е. Ф. Шмурло⁵¹. Рассуждение Р. Г. Скрынникова столь поразительно, что остается его процитировать:

«Слухи о распрях царя с наследником и земским боярством достигли Польши. Папский посол Портико, выжидавший в Варшаве благоприятного момента для поездки в Москву, направил 3 января 1571 г. письмо в Рим, в котором сообщил о том, что из Москвы прибыл один человек, сказавший, что русские послы приедут в Польшу с запозданием из-за распрей между царем и сыном, страшной эпидемии чумы и т. д. Можно полагать, что все эти сведения были записаны Портико со слов Шлихтинга и что таким образом мы имеем возможность пополнить его [Шлихтинга] «Сказания» исключительно важными сведениями, которые сам он старательно замалчивал в мемуарах, написанных по поручению польских диплома-

⁴⁹ Скрынников Р. Г. Опричный террор ... С. 133.

⁵⁰ *Eigentliche Warhafftige Beschreibung etlicher Handlung, so sich in Reussen, zur Moscau, plesskaw, Naugarten ... verlossen vnd zugetragen ...* Frankfurt am Main, 1572, S. СIIIv. Русск. пер.: Кантелер А., Скрынников Р. Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. №1. С. 139.

⁵¹ Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 230.

тов. В пользу такого предположения говорят следующие факты... Московский беглец сообщил подробности, которые могли быть известны лишь человеку, близкому ко двору и хорошо осведомленному относительно семейных дел царя, но именно таким лицом был слуга и переводчик царского лейб-медика [то есть Альберт Шлихтинг — И. Д.]. Шлихтинг сообщил Портико, что раздор в царской семье привел к открытому столкновению между царем и наследником и что на стороне последнего выступили многие влиятельные и знатные лица: “Между отцом [царем Иваном. — Р. С.] и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие — к сыну, и сила в оружии”⁵².

Впоследствии Р. Г. Скрынников цитирует сам себя столь же неаккуратно, как он работает с историческими документами:

«Современные наблюдатели [? — И. Д.] отмечали популярность царевича Ивана. С его именем связывались надежды на перемены к лучшему. Именно это и беспокоило самодержца... Сочиняя памфлет на “тирана Васильевича” [если бы Р. Г. Скрынников не довольствовался переводом, а потрудился заглянуть в источник, он бы убедился, что “тиран” назван в нем Василием, — И. Д.], Шлихтинг, вне всякого сомнения, старался бросить тень и на наследника. По его словам, старший сын “не непохож” на отца своими добродетелями. Иначе говоря, он столь же кровожаден. Однако доказать свое утверждение Шлихтинг, по-видимому, не мог [? — И. Д.] ... Недостающие факты Шлихтинг заменил описанием того, как Иван Иванович скрежетал зубами и ударял посохом тела казненных, громко укоряя их в измене государю... Сказание Шлихтинга тенденциозно. Большого доверия заслуживают его письма [так-

---

⁵² Скрынников Р. Г. *Опричный террор...* с. 134. Впервые это рассуждение прозвучало в другой работе. Ср.: *Он же*. Самодержавие и опричина (некоторые итоги политического развития России в период опричины) // *Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.)*. Л., 1967. С. 88–89.

вые существуют? — *И. Д.*]. В одном из них [кажется, прежде говорилось о письме Портико — *И. Д.*] он упомянул о том, что после новгородского похода в царской семье произошел раскол: “Между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные лица с благосклонностью относятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии”. Игнорировать это свидетельство было бы непростительно.

Вспомним, что произошло после разгрома Новгорода. Грозный, по его собственному признанию, задумал ввести в Москву опричное войско и учинить в земской столице такой же погром, какой он учинил в Великом Новгороде. Затея была рискованная. В Москве располагался многотысячный стрелецкий гарнизон, и там же стояли тысячи дворов, принадлежащих детям боярским. Все они были хорошо вооружены и не стали бы равнодушно взирать [устроили бы революцию? — *И. Д.*] на то, как опричники грабят их подворья и слободы. Когда земские бояре исчерпали все средства, чтобы отворотить самодержца от его планов, тогда они прибегли к заступничеству наследника [откуда эти бесценные сведения? — *И. Д.*] — милостивого государя. Царь объявил народу во время казней на Поганой луже, что оставил свое намерение разгромить Москву»⁵³.

Из одной догадки безостановочно рождаются следующие догадки и образы, встают характеры и дух времени. Никакой проверки очередного утверждения на материале источников не происходит вообще. Р. Г. Скрынникову достаточно, что оно коррелирует с предыдущим и всей картиной, которая сложилась в его сознании. Весьма примечательна сама речь. Речь исследователя обычно пестрит оговорками: «может быть», «нам представляется» и т. д. Р. Г. Скрынников сразу переходит от догадки к уверенности, целиком отдается во власть своего художественного прозрения. Мы видим пример художественной, а не научной прозы. Особенно комично то, что перед нами тексты, в которых оспаривается факт художественной фантазии, проявившейся в рассматриваемой нами исторической песне. Говоря о вымысле, мы невольно подразуме-

⁵³ Скрынников Р. Г. Василий III. Иван Грозный. М., 2008. С. 597–600.

ваем намерение рассказчика пичкать нас своими выдумками, однако с тем же успехом вымысел может складываться естественно, сам собой, из жизненных деталей и желания их понять.

Станем разбираться по порядку. Современные (а не поздние!) исторические свидетельства говорят о царевиче Иване как о злобном мальчишке, а затем молодом человеке, копировавшем отца и всецело его поддерживавшем. В частности, это сообщает Шлихтинг. Р. Г. Скрынников пишет, что Шлихтинг в этом вопросе намеренно вводит нас в заблуждение. Может ли такое быть? Рассуждая теоретически, да. Тем не менее хотелось бы услышать аргументы, почему мы должны не верить Альберту Шлихтингу, а верить Р. Г. Скрынникову. Данное свидетельство Шлихтинга о царевиче Иване согласуется с другими известиями. Так, в письме неизвестного из Москвы от 24 июня 1570 года, которое нам посчастливилось найти в Шверине, рассказ о князьях Ивана Грозного оканчивается словами: «Сына своего он наставляет отменно: тот хорошо усвоил подобное тираническое правление и сумеет быть таким же, как отец, если не хуже»⁵⁴. Правда то, что сочинение Шлихтинга совершенно не исследовано. Тем не менее голословные обвинения в его адрес только вредят делу. К тому же, нам не понадобится сама гипотеза о том, что Шлихтинг в своем большом сочинении, по выражению Р. Г. Скрынникова, «старательно замалчивал» «исключительно важные сведения», если мы откажется от гипотезы о причастности Шлихтинга к передаче сообщения о некоем конфликте в царской семье. Напомним, что Р. Г. Скрынников связывает это сообщение с именем Шлихтинга только на том основании, что тот якобы был вхож во дворец и имел доступ к информации. Кроме него, передать информацию из высокопоставленных кругов в Москве, дескать, было некому. Но эта гипотеза рухнет в свою очередь, если мы

⁵⁴ Seinen Sohn furet er fein an, welcher dan solche Tiranney wol gefasset, Vnd wirts so wol wie der Vater wo nicht erger können. — Landeshauptarchiv Schwerin, 02.11–02/1 Auswärtige Beziehungen, Nr. 1132, S. 102. Документ опубликован в нашей работе: Дубровский И. В. Ричард Шелли и польско-литовское посольство к царю Ивану Грозному 1570 года // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXVII. М., 2019. С. 70–71.

усомнимся в допущении о заведомой достоверности сведений о назревающей в Московском царстве гражданской войне. Разве они обязаны быть достоверными и не могут оказаться гулявшим слухом, досужими толками? В глазах Р. Г. Скрынникова, достоверность рассказа о столкновении царя Ивана Грозного с сыном Иваном Ивановичем доказывается авторитетным именем автора письма Винченцо даль Портико, папского нунция в Польше. Беда в том, что Портико такого письма не писал. Р. Г. Скрынникову надо было внимательно и до конца прочесть информацию, изложенную в книге Е. Ф. Шмурло, на основе которой он выстроил целое здание. У Е. Ф. Шмурло ясно сказано, что речь идет о рукописной газете: «*Avvisi di Varsavia delli 3 gennaio 1571*». Мы видели этот документ и подтверждаем, что он переписан ужасным почерком Портико⁵⁵. Но это всего лишь газета, рутинный сопроводительный материал, переданный в Рим без всякого комментария, что, возможно, наоборот, говорит о недостатке доверия к изложенной информации со стороны Портико.

Западные свидетельства о конфликте в царской семье, из которых Р. Г. Скрынникову известно одно единственное, с начала 1571 года идут сплошным потоком. Нашего внимания заслуживает предельная разноречивость их содержание. Мы уже слышали сказанное в «Новостях из Варшавы от 3 января», но процитируем это место точнее: некто прибывший из Московии рассказывает, что старший сын тамошнего правителя находится в ссоре с отцом, народ и знать разделились, приняв стороны того и другого, после чего следует загадочная и грозная приписка: «*Vis est in Armis*». 19 марта другой папский нунций Мелькиоре Билья сообщал из Праги кардиналу Мороне: «Говорят в ходе мятежа неких придворных старший сын Московита погиб, хотя пока это неточно»⁵⁶. Не ясно, погиб ли он, защищая

---

⁵⁵ Уточним современный шифр и страницу: ASV, Segr. Stato, Polonia. Т. 1. Р. 146.

⁵⁶ Si è detto per sollevatione d'alcuni di seguito il figliuolo primogenito del Moscovito esser stato amazzato, ma non si ne ha la certezza. — Biblioteca Apostolica Vaticana (далее: BAV), Vat. Lat., t. 6405, f. 39v.

родителя или действуя в рядах мятежников? Сомнения уместны, ибо в газете из Праги от 23 марта читаем: «Поговаривали, у Московитов умер их правитель и новым стал его второй сын [не Иван, а Федор — И. Д.], но после это не подтвердилось»⁵⁷. В последнем свидетельстве смерть Ивана Грозного не выглядит насильственной. Действительно, в газете из Варшавы от 7 марта сообщалось, что русский царь умер он чумы⁵⁸. Впрочем, иные поняли и передали эту информацию по-своему. На титульном листе своего экземпляра «летучего листка» «Истинная новая газета о свирепом враге христианства Московите» житель Цюриха Иоганн Якоб Вик оставляет радостный комментарий: слава Богу, зло наказуемо, ибо один его знакомый, тюбингенский профессор Якоб Андрее получил известие, что проклятый Московит со своим старшим сыном растерзаны восставшим народом, и в Московии воцарился его младший отпрыск⁵⁹. Вик датирует запись 1571 годом, но, судя по предыдущим материалам, видимо, она сделана не позднее весны этого года. Ценность этих и других подобных материалов как свидетельств по русской истории, наверное, можно не комментировать: она ускользающе мала.

Их общий источник легко устанавливается. Очень жаль, что Р. Г. Скрынников не знает чрезвычайно интересной статьи польского исследователя Станислава Бодняка о неожиданном повороте в планах польского двора. Антимосковский настрой можно смело назвать устойчивым фоном политики польской короны. Однако к зиме 1570–1571 года внешнеполитические обстоятельства складываются так, что в окружении польского короля зреет замысел заключить союз с царем против императора. Впрочем, тут же стали доходить слухи о неожиданном препятствии. С. Бодняк упоминает в этой связи следующие документы.

⁵⁷ Fu detto che li Moscoviti havevano morto il loro signore et creato signore il suo secondo genito, ma non s'è poi verificato. — BAV, Urb. Lat., t. 1042, f. 39.

⁵⁸ Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 8949, f. 234v.

⁵⁹ Nota. Nullum violentum perpetuum. Scriptum est ad D. Jacobum Andree Moschovitam una cum filio maiore concursu populi interfectum et filium iuniorem regem creatum 1571. — Zentralbibliothek Zürich, Ms F 19, f. 203.

В конце 1570 года литовский канцлер Миколай Радзивилл Рыжий в письме польскому королю Сигизмунду II Августу сообщил о смерти царя Ивана. Даты нет, но С. Бодняк считает, что письмо могло быть написано 21 ноября. Ответ короля от 1 декабря содержал просьбу уточнить эту информацию. В феврале 1571 года король Сигизмунд Август получил подтверждение новостей об Иване IV от старосты Оршанского и воеводы Витебского. От других корреспондентов приходит еще одно важное известие о смерти старшего сына Ивана Грозного. В письме от 28 февраля Сигизмунд Август призывает Радзивилла Рыжего немедленно расследовать правдивость этих и новых сообщений. Неизвестность по поводу слухов о кончине царя сохранялась при польском дворе до конца апреля 1571 года, пока к королю не прибыло московское посольство⁶⁰. Данную ситуацию нельзя не назвать странной. Мысль европейских писателей о том, что наилучшее сообщение с Московией открывается зимой, после Контарини и Матвея Меховского повторявшаяся всеми, — возможно, всего лишь литературный топос. Тем не менее в то, что зимой 1570–1571 года сообщение с Московским государством на пять месяцев, с конца ноября до конца апреля, пресеклось настолько, чтобы нельзя было выяснить имени правителя, трудно поверить. Невольно спрашиваешь себя, не были ли слухи инспирированы теми, кому в Польше и Литве идея перемирия, а тем более союза с Москвой активно не нравилась? Литовский канцлер Радзивилл Рыжий, по странному совпадению, и являлся наиболее энергичным оппонентом короля в этом вопросе и соблазнял его скорой смутой у московитов, суля ему московскую корону!⁶¹ Похоже, Р. Г. Скрынников стал жертвой тех обманов, которые предназначались для Сигизмунда Августа.

---

⁶⁰ *Bodniak S. Najdawniejszy plan porozumienia Polski z Moskwą przeciw Niemcom // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej Z. 4. Kórnik, 1947. S. 78–82, 86.*

⁶¹ Да и сочинение Шлихтинга (или приписываемое ему), когда у исследователей, наконец, дойдут руки им заняться, может оказаться орудием литовской шляхты перед лицом угрозы радикального поворота в королевской политике.

Коротко скажем еще о двух работах, касающихся нашей песни, — упомянутой статье А. А. Зимина и статье В. Б. Кобрин. Оба сомневаются в раннем происхождении песни и относят ее к XVII веку. В. Б. Кобрин пишет об идеологической атмосфере начала романовского правления. А. А. Зимин, кажется, считает релевантными также факты более позднего времени, до середины XVII века включительно. Работа А. А. Зимина интересна прежде всего обстоятельным описанием жизненного пути Никиты Захарьина-Юрьева. Он предстает человеком, ничем особенным не выдающимся, годы и десятилетия находившимся за спинами других, целиком обязанным своим высоким положением родству с покойной царицей. Народная любовь приходит к нему поздно, если вообще является прижизненной, ибо наши источники об этом — Дж. Горсей и И. Масса. Никита Романович поднялся в народном мнении на волне воспоминаний о благополучии первой половины правления Ивана Грозного как родня доброй царицы Анастасии, в горьких размышлениях об утраченном счастье⁶². Положительным образам Романовых в фольклоре, добавляет В. Б. Кобрин, можно дать еще два объяснения. Это проправительственная пропаганда времен воцарения новой династии, где легенде о царице Анастасии отведена заметная роль. Но, может быть, также сыграли роль народные надежды, возлагавшиеся на эту семью в момент ее прихода к власти.

Наконец, В. Б. Кобрин предлагает по-новому взглянуть на одно предание. В памятнике второй половины XVII века «Латухинской Степенной книге» после рассказа о гибели царевича Ивана Ивановича в Александровой Слободе сообщается о том, как Борис Годунов безуспешно пытался защитить его от побоев отца, за что сам был царем нещадно бит. В. Б. Кобрин отмечает в этой истории ее «полуфольклорный характер» и связь с «Песней о гневе Ивана Грозного на сына», доходящую до совпадения ряда деталей, и пишет: «Оба варианта рассказа о царском приближенном, готовом пострадать от жестокости Ивана IV, чтобы спасти его сына, недвусмысленно отмежевываются от опричнины и одновременно ищут

⁶² Zimin A. Das «Lied vom Zorn Groznyjs auf seinem Sohn». S. 56–57.

в окружении Грозного человека с чистыми руками». Автор резонно привязывает это предание к скоротечному времени Годуновых и называет его «первоначальным ядром песни о гневе Грозного на сына», оговариваясь при этом, что вряд ли последнее утверждение можно доказать⁶³. Нам импонирует сама мысль об этапах складывания памятника, хотя история, рассказанная в «Латухинской Степенной книге», по нашему разумению, является довольно далекой репликой песенного сюжета, а его «первоначальным ядром» лучше назвать «анекдот» Камилло Капилупи.

Аксиомой для многих исследователей остается убеждение в том, что «Песня о гневе Ивана Грозного» является откликом на смерть царевича Ивана Ивановича в Александровой Слободе в ноябре 1581 года. Столь же уверенно об этой темной истории говорят как о случайном сыноубийстве. Сюжет картины И. Е. Репина — один из самых известных эпизодов в массовых представлениях об истории нашей страны. Особенно любопытно, как эту мысль повторяют наиболее осторожные умы. С. Б. Веселовский начинает так:

«19 ноября 1581 г. умер наследник престола царевич Иван Иванович. Обстоятельства его смерти навсегда останутся загадкой [! — И. Д.] ... Разнообразие и разноречивость известий о смерти царевича объясняются просто тем, что все дело происходило во внутренних покоях дворца, доступных только немногим приближенным лицам. Между тем трагический исход происшествия сам по себе должен был удерживать от рассказов о нем тех людей, которые были свидетелями или знали правду от свидетелей».

Но тут же, не помня своих собственных слов, точно выше за него писал кто-то другой, выборочно пересказывает детали сообщения Поссевино:

---

⁶³ Кобрин В. Б. Иван Грозный и опричнина в общественной мысли XVII — середины XVIII в. // В. Б. Кобрин. Опричнина. Генеалогия. Антропология. С. 144–150. Убедительная критика В. Б. Кобриним выступления В. И. Корецкого позволяет нам на нем не останавливаться. Полет фантазии С. Н. Азбелева мы отказываемся упоминать и комментировать.

«Несомненным можно считать, что царь Иван по какому-то поводу так побил и напугал беременную сноху, что вызвал преждевременные роды, а затем избил сына, который умер через семь-восемь дней от раны, быть может, от кровоизлияния в мозг».

Не поясняя, как он догадался о постигшем царевича «кровоизлиянии в мозг», дальше С. Б. Веселовский зачем-то вступает в спор с художественной фантазией Репина:

«Едва ли, однако, этот эпизод имел столь драматично-эффективный вид, в каком изобразил его Репин в своей известной картине. В действительности дело было прозаичнее... После “рукобиения” [царь], вероятно, вышел из комнаты, не подозревая, чем все это кончится»⁶⁴.

При всем уважении к исследователю, перед нами плохой пример работы с историческими материалами. Скажем сразу: опереться на работы предшественников толком не получится. Образцовое исследование Н. П. Лихачева безупречно восстанавливает хронологию таинственной «болезни» наследника престола⁶⁵. Думается, внимания заслуживают еще две работы наших западных коллег⁶⁶. А. Каппелер поставил перед собой благую цель систематизировать сообщения о смерти царевича, разделив их на отдельные линии и попытавшись уловить их взаимосвязь, однако его исследование ограничивается печатной про-

---

⁶⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 337–339.

⁶⁵ Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина // Летопись занятий Археографической комиссии. 1888–1894. Вып. 11. СПб., 1903. Отдел I. С. 181–193 (раздел «Кончина царевича Ивана Ивановича»), а также документы, опубликованные в Отделе III.

⁶⁶ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandsbildes. Bern, Frankfurt am Main, 1972, S. 145–147; Bushkovitch P. Possevino and the Death of Tsarevich Ivan Ivanovich // Cahiers du monde russe. Vol. 55/1–2 (2014). P. 119–134.

дукцией XVI века, которой посвящена его работа, то есть речь идет в основном о поздних данных, истоки которых остаются неясны. При той доступности книг, которая существует в наши дни, литературную историю сюжета в изложении А. Каппелера нетрудно дополнить.

П. Бушкович анализирует свидетельство Поссевино, упомянутое С. Б. Веселовским, которое преподносят как наиболее достоверное чаще всего. Одной из причин такого предпочтения, очевидно, является обилие в рассказе Поссевино живых подробностей. Но другой не менее важной — такая редкость, как указание автора на источник переданных им сведений: «тогда у него, — то есть при дворе Ивана Грозного в момент трагического инцидента, пишет Поссевино, — был один из двух моих переводчиков, которого я к нему послал» («*tum erat apud eum alter ex interpretibus meis, quem ad ipsum ablegaveram*»⁶⁷). И здесь П. Бушкович уличает автора в забывчивости. В той же книге «Московия», где содержится рассказ о смерти царевича, Поссевино публикует свое письмо Ивану Грозному из польского лагеря под Псковом от 16 ноября 1581 года с примечательной информацией. Поссевино сообщает, что его переводчик Андрей Полонский, ездивший к царю, вернулся накануне и что он посылает своего второго и последнего переводчика Василия Замасского к воеводам в Новгород. По материалам Н. П. Лихачева известно, что Замасский добрался до Новгорода поздним вечером 20 ноября, тогда как Полонский выехал из Александровой Слободы, видимо, еще октябре. При этом царевич Иван Иванович, как пишет Н. П. Лихачев, слег 9-го и умер 19 ноября. Этот аргумент мы с благодарностью принимаем: приписывая историю своему переводчику, Поссевино за давностью лет ошибается либо водит нас за нос.

---

⁶⁷ А. Possevini *Moscovia*. Vilnae, 1586, *Commentarius primus*. P. 13v. (мы указываем страницу таким образом, так как книга лишена сплошной пагинации). П. Бушкович справедливо отмечает изъяны в русском переводе этого места у Л. Н. Годовиковой, и мы в который раз призываем соотечественников не пользоваться ее переводами.

То, что переводчиков у Поссевино было двое, подтверждается множеством документов. «Да с папиным, государь, посланником с Онтоньем два литвина Васка [Замасский] да Ондрюшка [Полонский]. А взял их, сказывает, в Литовской земле, Васку взял в Полтовску [в Пултуске] въ Мазовецкой земле, а Ондрюш[у] взял в Вилне, для толмаченья сказывает», — сообщается в одной из отписок царю⁶⁸. Такое число толмачей Поссевино впоследствии называл оптимальным и рекомендовал другим: хорошо, что он позаботился иметь двух, ибо один из его переводчиков заболел и умер⁶⁹ (совсем молодой человек Андрей Полонский, скончавшийся в декабре 1581 года).

Русские источники в интересующие нас дни называют еще одного посольного, некоего Яна Беницкого словами: «гонец Антоньев», «его человек», «папина посланника человек» и даже утверждают, что он приехал «к литовскому королю» из Рима. Гонец вез письмо Поссевино царю от 22 октября. 14 ноября его получение московскими властями еще только ожидалось. Из царского письма русской делегации, отправленной на переговоры о мире, от 17 ноября явствует, что письмо Поссевино дошло до адресата. В то же время известно, что Беницкий добрался только до Новгорода, где вручил письмо Поссевино для пересылки в Москву воеводе Ивану Булгакову и повернул назад⁷⁰. В самом письме от 22 октября Поссевино пишет, что сумел добиться отправки данного письма с огромным трудом⁷¹. Это остается понимать в том смысле, что отправка письма была услугой

⁶⁸ Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина... Отдел III. С. 49.

⁶⁹ *Interpretes duo potius sint, quam unus: ne si quis eorum aut in morbum incidat, aut moriatur (ut alteri ex meis accidit) fidendum sit Principis interpretibus: quod quidem magna secum trahit incommoda.* — A. Possevini *Moscovia*. Vilnae, 1586, *Commentarius primus*. P. 37v.

⁷⁰ Успенский Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581–1582 г. Одесса, 1887. С. 31–36; Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина... Отдел III. С. 71–75, 78–81, 89, 92–93, 103, 104, 108.

⁷¹ *Scito autem me certe difficillime consequi potuisse, ut has tibi literas mitterem.* — ASV, *Segr. Stato, Germania*, t. 93, f. 209v.

польско-литовских властей, и Беницкий не являлся «его человеком». В самом деле, мы о таком впервые слышим. Таким образом, сомневаться в правоте приведенного наблюдения П. Бушковича не приходится.

С некоторыми другим мыслями и наблюдениями уважаемого американского коллеги хочется поспорить. П. Бушкович собирает и исследует немало свидетельств о гибели царевича, в частности — самые ранние, которые содержатся в письмах зимы 1581–1582 годов. Это изданная в наши дни переписка Поссевино со своим руководством в Риме, письма папского нунция в Польше Альберто Болоньетти и особенно содержательная корреспонденция великого канцлера коронного Яна Замойского. П. Бушкович констатирует отсутствие в письмах и иных материалах Поссевино каких-либо следов той истории, которую он сообщает в своей книге «Московия» через пять лет после трагедии, разыгравшейся в Александровой Слободе. По горячим следам, 22 января 1581 года в письме кардиналу Комо Поссевино отзывается о трагическом происшествии следующим образом: «Смерть, более того — убийство старшего сына Московита, совершенное отцом, подтверждают и говорят, что причиной было то, что сын напомнил отцу о гибели [в ходе войны с Баторием — И. Д.] многих людей и благе мирной жизни. Поскольку Московит, — добавляет Поссевино от себя, — передо мной всегда обнаруживал желание заключить подобный мир, не знаю, что и думать» («*alla quale [pace] perché il Moscovito mi si mostrò inclinato sempre, non so quanto debbo credere a si fatti romori*»)⁷². Поссевино здесь не готов поверить слухам, настолько они расходятся с его собственным опытом. По словам П. Бушковича, в последующих письмах и речах папского эmissара до выхода книги «Московия», излагавшей совсем другую историю, якобы нет ни одного случая, чтобы Поссевино отзывался о смерти цареви-

⁷² Письмо издано дважды: *Lerpigny M.* [= *Pierling P.*]. *Un arbitrage pontifical au XVIe siècle: mission diplomatique de Possevino, 1581–1582.* Bruxelles, s. a. P. 245; *Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum.* P. 1. Kraków, 1923–1933 [sic]. P. 194.

ча как о сыноубийстве. Американский исследователь тем самым подводит нас к мысли, что рассказ об избитой снохе — позднего происхождения. Он не имеет отношения к сведениям, узанным Поссевино в России, а почерпнут им где-то в Польше. Не находя современных свидетельств в русских источниках, П. Бушкович приходит к убеждению, что легенды о гибели русского царевича возникают и множатся в польской среде. По замечанию ученого, они отвечают замыслам подчинения Московского царства польской короне путем насаждения польской династии. Очевидно, поляки слышали и повторяли то, что хотели слышать и что отвечало их представлениям. В то же время П. Бушкович — мы бы сказали: несколько противореча самому себе — соглашается, что истоки этих рассказов — сведения, полученные от русских пленных и перебежчиков, и высказывает при этом резонные сомнения в их осведомленности. Так или иначе — говорится в резюме к его статье, — «нет никаких достоверных доказательств того, что Иван намеренно или случайно убил своего сына».

Последняя мысль кажется здоровой. Самый сильный аргумент в пользу сыноубийства сугубо косвенный: это картина отцовского горя и, быть может, неясного раскаяния, возникающая в записи вкладной книги Троице-Сергиева монастыря от 6 января 1583 года. «Даже в этой драматической записи — пишет по этому поводу Н. П. Лихачев — только чувствуется, что кончина царевича сопровождалась какими-то необычайными и страшными обстоятельствами»⁷³.

Однако перейдем к другим тезисам П. Бушковича и начнем с Поссевино. П. Бушкович упустил из вида, что к Поссевино восходит известное ему (хотя, кажется, только из вторых рук) свидетельство, которое содержится в письме прибалтийского дворянина и военачальника на польской службе Г. Фаренсбаха датскому королю от 10 мая 1582 года⁷⁴. Почитаем его внимательно.

⁷³ Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевино... Отдел I. С. 186–187.

⁷⁴ Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. С. 184 (№86).

Согласно этому документу, когда переговоры о мире с Польшей уже подходили к концу, царский сын является к отцу и говорит: «Если мы таким образом отдадим Поляку эти земли, все другие господа и верховные властители станут относиться к нам с величайшим презрением». И он просит отца отправить его во главе 40-тысячного войска под Псков, чтобы он попытал счастья в бою с польским королем. Царь на это разозлился и ударил сына посохом («ahn das leib», «в живот»?). Тогда сын разразился бранью: «Ах ты, кровавый пес, ты пролил столько крови, а теперь вздумал истребить еще и собственную кровь!». Вследствие этих слов великий князь пришел в еще большую ярость и ударил царевича (туда же: «ahns leib») посохом еще раз, угодив ему в одно опасное место («ahn einen gefehrlichen ordt getroffen»), отчего юный принц слег и, проболев четыре или пять дней, скончался. Источником данного сообщения Г. Фаренсбах называет «папского посла» и прибавляет, что тот заверил его в надежности сведений («Nhun aber ist mir diess von dem Pawestlichen gesandtenn vor gewiss gesagt worden, daher ich diess E. Kon. M. fur die eigentliche warheit woll magk schreibenn»). Остается добавить, что дата письма идеально совпадает со временем возвращения Поссевино из его второй поездки к Ивану Грозному.

И. Ауэрбах нашла в Марбургском архиве рукописную газету аналогичного содержания⁷⁵. Она датирована 29 августа 1582 года. Сравнение пространной выписки, приведенной немецкой исследовательницей, с письмом Г. Фаренсбаха от 10 мая не оставляет сомнений в том, что последнее послужило источником для составителя газеты. Слог, как часто поступают газетчики, немного вычищен, но в остальном близость второго сообщения является практически дословной. Отправители документа, видимо, находились в канцелярии курфюршества Саксонского, а получателем был один из ландграфов Гессенских. Текст,

---

⁷⁵ *Auerbach I.* Hessen und Moscovien in der Zeit Ivans des Schrecklichen. Zur Methodik der Analyse des deutschen Rußlandbildes // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 37 (1987), S. 86–87, со ссылкой: Hessisches Staatsarchiv Marburg, Bestand 4f Kursachsen, Nr. 71.

естественно, оканчивается знакомым нам указанием на достоверные сведения «папского посла» («Itzo aber berichtet mich der päpstische Gesandte, daß es gewiß also sei»). Наконец, наше внимание, вероятно, должна привлечь одна венецианская газета, касающаяся слухов о гибели русского царевича. Она датирована 18 августа 1582 года, то есть можно подумать, что известие, изложенное в письме Г. Фаренсбаха в Копенгаген, одновременно с Саксонией и Гессеном достигает Венеции (откуда новости было суждено попасть в руки газетчиков герцога Урбинского, подвизавшихся в Риме). Однако сам текст не позволяет сделать такого вывода. Он другой и содержит подробности, которых у Г. Фаренсбаха нет: «Тем временем подтвердилось — сказано там, — что Московит убил своего сына, который должен был ему наследовать, для чего теперь ему остался никчемный дурак»⁷⁶. Происхождение этой информации лежит на поверхности: русское посольство Якова Молвянинова и сопровождавший его Антонио Поссевино провели в Венеции почти весь август 1582 года. Можно не сомневаться, что газетчик приводит слова последнего.

Подведем итог. Как отмечает П. Бушкович, в своих письменных контактах с Римом, с официальными лицами в Польше, с представителями Венецианского государства на протяжении 1582 года Поссевино не раз упоминает смерть царевича Ивана Ивановича, но никогда не пишет о убийстве; нигде в его письменных высказываниях эта смерть не показана насильственной. Лично нас такая сдержанность совершенно не удивляет. В корреспонденции Поссевино нетрудно собрать целый букет высказываний о том, что можно написать в письме, отосланном из такого-то места, а что лучше не писать вообще и рассказать при встрече. Перлюстрация переписки в это время носит массовый характер. Касаться столь деликатного предмета в письмах, которыми могут завладеть недоброжелатели и, чего доброго, предъ-

---

⁷⁶ Intanto si conferma, che 'l Moscovito ammassasse il figlio, che haveva da succedere nel stato, restando glielie hora un stupido et di niun valore. — BAV, Urb. Lat., t. 1050, f. 317v.

явить их царю, было бы верхом безответственности. При этом устно иезуит высказывается о гибели царского сына, как мы заметили, весьма свободно. Не успев добраться до Рима, он делится этим явно не с самыми близкими людьми в мае, видимо, по дороге из Риги в Вильну и в августе в Венеции.

От Поссевино мы узнаем, таким образом, одну версию, рассказанную ему, в которую он не верит, и еще две, которые, которые он пересказывает сам как достоверные: одну Фаренсбаху и совершенно другую какое-то время спустя в донесении папе Римскому, опубликованном в 1586 году в книге «Московия» под названием «*Commentarius primus*». Тексты, вошедшие в эту книгу, сохранились также в авторских оригиналах и подготовительных черновиках. (Важнейшие из них давным-давно опубликованы⁷⁷, и странно, что историки пользуются не ими, а книгой «Московия», где те подвергнуты автором местами довольно серьезной редакции.) Злосчастный «*Commentarius primus*» — едва ли не единственное исключение из этого правила: он известен только в опубликованном виде. П. Пирлинг установил, что данный текст был окончен и отослан в Рим 11 февраля 1584 года⁷⁸, но кто скажет, не менялось ли в нем что-то перед публикацией?

Существование нескольких версий гибели царевича Ивана на устах одного человека — совершенно заурядный факт. Аналогичных примеров можно привести, если постараться, пожалуй, добрый десяток. Кто-то перечисляет разные известия одно за другим, сопровождая их собственными комментариями (как Маржерет, в конце концов, утверждающий, что убийство царевича — сказка) или оставляя читателю самому решать, какое из мнений ближе к истине (как Гейденштейн). Находятся такие, кто не подаст виду, что изложил не одну версию, а больше. Требуется наблю-

⁷⁷ «Второй комментарий» Поссевино, в действительности, написанный первым осенью 1581 года, в изначальном виде можно прочесть в кн.: Дополнения к Актам историческим... с. 22 и сл. (№11). Там же приведены другие тексты.

⁷⁸ *Pierling P. Un nonce du pape en Moscovie: préliminaires de la trêve de 1582. P., 1884. P. 146.*

дательность В. Б. Кобрин, чтобы уловить подобное в сообщении Хронографа редакции 1617 года⁷⁹. В скабрзных сплетнях, изложенных у Одерборна, И. И. Полосин усматривает «обрывки» «второго варианта объяснения смерти царевича»⁸⁰.

За время, прошедшее между рассказом Фаренсбаха и историей об избитой снохе, изложенной в «Московии», иезуит мог получить новые сведения, показавшиеся ему более надежными. Исследователи отмечают, что версия, помещенная в книге «Московия», содержит подчас удивительно точные детали, которые побуждают верить рассказчику в остальном. Впрочем, тут есть о чем поспорить. Так, Б. Н. Флоря пишет, что «рассказ Поссевино хорошо согласуется с тем, что нам известно о семейной жизни царевича по другим источникам». Имеются в виду упреки, которые царевич бросает отцу, в том, что тот сослал в монастырь двух его первых жен:

«В XVII веке ... дьяк Иван Тимофеев, записал, что царевич вступал в новые браки не потому, что его жены умирали, “но за гнев еже на нь, они свекром своим постризаеми суть”, то есть невесток, вызвавших неудовольствие царя, по его приказу постригали в монахи. Такое деспотическое вмешательство в личную жизнь не могло не раздражать царевича»⁸¹.

Но те же сведения приводит сам Поссевино в сентябре 1581 года!⁸² Некий мифический информатор, в данном случае, ему не требовался, и даже наоборот, слова, которые он вкладывает в уста рассерженного царевича, подозрительно напомина-

⁷⁹ Кобрин В. Б. Иван Грозный и опричина в общественной мысли... С. 143.

⁸⁰ Полосин И. И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // И. И. Полосин. Социально-экономическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 209.

⁸¹ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 373, 374.

⁸² *Iohannes item maior natu filius, non plus viginti licet annos natus, tertiam habet uxorem, primis duabus, sic patre iubente, filio autem dolente, inclusis.* — Дополнения к Актам историческим... с. 25; в «Московии» добавлено: *in monasteria inclusis.* — A. Possevini *Moscovia*. Vilnae, 1586, *Alter commentarius*. P. 5.

ют его собственные, записанные за несколько недель до ссоры в Александровой Слободе. Характеризуя отношения отца и сына в тексте, который он тогда называл своим «первым комментарием» о Московии, но позднее издал как «второй», Поссевино упоминает единственный предмет разногласий между ними — пострижение жен царевича вопреки его воли: «*patre iubente, filio autem dolente*». О раздорах в царской семье по какому-то иному поводу, похоже, иезуит ничего не слышал.

Может быть, не совсем ясно для читателя на одну поразительную подробность некогда указал Н. П. Лихачев. «Ранев сына, — сообщает иезуит, — в позднем раскаянии отец немедля вызвал из Москвы врачей, Андрея Щелкалова и Никиту Романовича». Двум последним было адресовано письмо царя из Александровой Слободы в Москву от 12 ноября, в котором говорится о невозможности его приезда по причине внезапной болезни сына. Оно еще составлено, замечает Н. П. Лихачев, «с выражением надежды и без вызова из Москвы бояр и медиков». Однако 17 ноября, как явствует из другого документа, бояре заседают в Александровой Слободе. По расчетам Н. П. Лихачева, Андрей Щелкалов и бояре были вызваны туда 15 или 16 числа, и именно эта новость доходит до Поссевино! Чтобы сформулировать собственное мнение по поводу истории об избитой снохе, нам еще потребуется время. Пока скажем только: история эта выглядит гетерогенной, соединяет в себя много источников информации. В то же время очевидно московское происхождение, по меньшей мере, части сведений.

Кто за границами России мог рассказать что-то новое о загадочной гибели царевича между возвращением иезуита из Московии и временем публикации его одноименной книги? Г. В. Жаринов утверждает, что информатором, чей рассказ лег в основу сообщения Поссевино, якобы был царский врач Иоганн Эйлоф⁸³. Участие этого человека в лечении царевича и само его присутствие в Александровой Слободе в дни болезни Ивана Ивановича — всего лишь догадки автора, которые ничем особенно не подкрепляются. Из-

---

⁸³ Жаринов Г. В. Записи о расходе лекарственных средств 1581–1582 гг. // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994. С. 103–125.

вестно, что Эйлоф встречался с Поссевино в Московии: в его первый приезд к царю он лечил его захворавшего спутника Паоло Кампана; когда Поссевино вернулся к Ивану Грозному после заключения Ям-Запольского перемирия, Иоганн Эйлоф был вынужден участвовать в религиозном диспуте, за что тайно просил Поссевино его извинить. Рассказ о смерти царевича, переданный Поссевино в первых числах мая 1582 года в окрестностях Риги, не наводит на мысль, что Эйлоф мог рассказать ему что-то уже тогда. Царский доктор после кончины Ивана Грозного «был освобожден от этой должности и объявился в Ливонии» («et hora liberato da quel servitio, è capitato in Livonia»). Летом 1584 года его допрашивали польские власти, информируя о переданных им сведениях нунция Болоньетти⁸⁴. Теоретически у Поссевино оставалось время, чтобы на основе гипотетической информации Эйлофа исправить и дополнить свой «комментарий», отосланный в Рим за полгода до этого, но опубликованный лишь два года спустя. Впрочем, нужна ли нам эта сомнительная догадка, если обе подробности в его изложении, которые по идее мог отметить врач, а именно указание на характер ранения и длительность болезни, Эйлофу не принадлежат совершенно точно? До Поссевино об убийственном ударе в висок и смерти на пятый день пишет Одерборн⁸⁵, чья книга увидела свет за год до «Московии». К тому же, укажем на промах, сомнительный на устах лечащего врача: царевич проболел вовсе не пять дней, а, как выяснил Н. П. Лихачев, десять или одиннадцать.

Где-то Поссевино даже повторяется. Как мы помним, в письме Фаренсбаха тоже речь шла о четырех или пяти днях агонии. Две истории гибели Ивана Ивановича, рассказанные Поссевино в 1582 и 1586 годах, при всем различии описанных в них мотивов вообще обнаруживают известное родство. Ярость родителя, наносящего роковой удар, в обоих случаях спровоцирована жерт-

⁸⁴ Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum. P. 3, fasc. 2. Kraków, 1950. P. 414–415.

⁸⁵ eius tempora percussit... quinta post acceptum vulnus die... exspiravit. — Iohannis Basilidis magni Moscoviae Ducis vita, a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta. Witebergae, 1585. P. T, T2.

вой. Сын бросает в лицо отцу гневные упреки, оканчивающиеся обвинением в истреблении собственного рода⁸⁶. Дело выглядит так, словно из этой ключевой сцены аккуратно удалили один мотив и поместили на его место другой. При желании ту же схему можно угадать и в упомянутом письме Поссевино от 22 января 1581 года кардиналу Комо.

Оставим пока Поссевино и обратимся к другому немаловажному тезису П. Бушковича. Исследователь высказывает мысль об определяющем польском влиянии на историю преданий о гибели царевича. Якобы такие рассказы складываются и распространяются в польском лагере под стенами осажденного Пскова и отражают польский взгляд на события. Следовательно, искать в этих материалах данные по русской истории, согласно П. Бушковичу, не стоит. Мы убеждены в обратном: сообщения о смерти царевича Ивана, переданные иноземцами, на наше счастье, запечатлели голос русских людей и уникальные сведения, которых в русских источниках не сыщешь днем с огнем. Надо только понять, какие именно, что это за сведения?

Русских свидетельств, которые были бы составлены по горячим следам трагических событий, разыгравшихся в Александровой Слободе в ноябре 1581 года, не существует, а те, что есть, поздние, они относятся к XVII веку. При этом, видимо, можно утверждать, что данные русские материалы фактически повторяют версии сыноубийства, изложенные в западноевропейских ис-

⁸⁶ Внимательно сравним два описания:

Форстен Г. В. Акты и письма к историей Балтийского вопроса... С. 184:

Do hatt der Sohn angefangen vnd zu dem Vatter gesagt, Du bludt hundt, du haßt so viell Blutds vergossen, vnd will nuhn dein eigen bludt auch ermorden. Nach diesem ist der Grossfürst noch bossler erzürnet vnd seinen Sohn zum ahndern mahl, mitt einem stabe ahns leib gestossen, ihnen auch ahn einen gefehrlichen ordt getroffen;

Antonii Possevini Moscovia... Commentarius primus, p. 14:

Itaque eodem baculo in capite prope tempora gravissimè vulneratus est. Et filius antea adversus Patrem incensus, multa illi exprobraverat in haec verba: Tu mihi primam uxorem nullam ob causam in monasterium intrusisti; de secunda idipsum fecisti; ecce iam tertiam percutis, ut filius, quem in utero gerit, pereat.

точниках, написанных на несколько десятилетий раньше. Серьезных расхождений здесь не видно. Если мы исключаем такую фантазию как влияние западноевропейских текстов на русские, нам остается думать, что в русском обществе существовала устная традиция, сначала нашедшая отклик в Польше и допущенная в русскую литературу только десятилетия спустя.

Упомянутое мнение П. Бушковича повторяет известный ход мысли. В нашей стране по традиции склонны винить иноземцев, писавших о Московии, в искажении фактов русской истории. Думать так значит во многих случаях валить с больной головы на здоровую. Зададимся простым вопросом: что из описанного, например, в сочинении Шлихтинга автор, проживая в Москве, мог видеть своими глазами или узнать из первых уст от непосредственных участников исторических событий? Важным источником информации мог стать для Шлихтинга известный опричный деятель Афанасий Вяземский, скрывавшийся от царского гнева в доме его хозяина. Но масса сведений Шлихтинга, без сомнения, восходит к будоражившим Москву слухам. Если угодно, в конечном счете, это голос русского народа, отражение его устной культуры и его восприятие текущего правления. Исследование данного вопроса еще не начиналось, но где-то следы русских фольклорных мотивов в сообщениях иноземцев буквально лежат на поверхности. Особенно много таких моментов в рассказах о разгроме царем Новгорода. Ограничимся примером: предание о том, как Волхов был запружен мертвыми телами (в русской версии: назло царю вставшими плотной стеной на дне реки), полтора века назад записанное П. И. Якушкиным, в XVI веке было повторено в целом ряде западных описаний. «Хотя это выглядит невероятным и весьма далеким от истины — поясняет Я. Ульфелдт, — тем не менее все так и было. Я узнал эту историю в России от людей, заслуживающих доверия, а именно от тех, кто еще обретается в Новгороде под властью Московита. Иначе, что называется, я бы не стал марать бумагу»⁸⁷. Мы не при-

⁸⁷ Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860. С. 120–122; Cf.: Jacobi, nobilis Dani... Hodoeporicon

зываем усомниться в реальности опричных расправ, а лишь просим задуматься о том, как Новгород и Москва рассказывают себе свои истории: сколько фактического они в себе удерживают, а сколько в них фольклорного, творческого начала, как один слух подпитывает другой и как вершится глухой народный приговор в отношении царя-мучителя? Иностранная литература о Московии в подобной оптике остро нуждается.

Должно быть, читателю уже понятно, куда мы клоним. История сообщений о смерти царевича Ивана, которую мы попытаемся реконструировать, имеет наиболее правдоподобные истоки в русском обществе. Еще более очевидно то, что фактическая сторона дела, суть произошедшего в Александровой Слободе авторам таких рассказов в принципе не могла быть известна. Напомним себе еще раз слова С. Б. Веселовского: подлинные факты наверняка являлись загадкой для современников, и нам тоже неоткуда их знать. С. К. Шамбинаго, Р. Г. Скрынников, А. А. Зимин (ограничимся уже упомянутыми исследователями) возводят «Песню о гневе Ивана Грозного» к гипотетическому убийству царем своего сына. Нам кажется, что эти вещи находятся в обратной зависимости: историческая песня дала возможность представить себе трагедию, разыгравшуюся в царской семье. Народные рассказы о сыноубийстве, которым якобы оканчивается кровавая тирания Ивана Грозного, вырастают из исторической песни, а не наоборот. Римский «анекдот» Камилло Капилупи — железное доказательство ранних истоков песни. Но тот же итальянский текст не оставляет сомнений в длительном складывании рассказа. О присущем фольклорному памятнику отпечатке романовского времени сказано многими, и с этим остается согласиться. Возможно, в сообщениях о гибели царевича следы «Песни о гневе Ивана Грозного на сына» не узнаются по той причине, что в это время она еще не приобрела знакомый нам вид. Сказанное — пока предположение, рабочая гипотеза, которую еще поди докажи. Тем не менее нельзя исключить та-

---

Ruthenicum, in quo de Moscovitarum regione, moribus, religione, gubernatione ... exequitur. Francofurti, 1608. P. 15.

кую возможность. Исследователь «Песни» обязан разобраться в хитросплетениях сведений о смерти Ивана Ивановича и в том, как они рождались.

Нельзя пройти мимо ряда свидетельств о восприятии в русском обществе отношений в царской семье при жизни Ивана Ивановича. Они уже упоминались в литературе. Одно принадлежит флорентийскому купцу, проживавшему в Кракове, Филиппо Талдуччи. В письме из Вильны от 17 июня 1581 года он сообщает во Флоренцию о бегстве к королю из Смоленска «московита Бельского». Это был «молодой человек 22 лет, с недурно подвешенным языком... взятый в комнатные слуги с 12 лет» («e costui ha servito alla camera da dodici anni»). По словам Давида Бельского, переданным Талдуччи, царь «не любит старшего сына и часто бьет его посохом, а младший, можно сказать, полудурок» («dice che non ama il figliuol maggiore, e che spesso lo batte col bastone, e che il minore è, si può dire, mezzo matto»)⁸⁸. Оглянемся на контекст. Описывая выше неготовность царя к полевому сражению с Баторием, перебежчик утверждает, что у Ивана Грозного всех полевых войск осталось 10 тысяч, а после уничтожительного отъезда о царских детях говорит о желании «многих детей боярских, обожающих Его Величество» («molti figliuoli di nobili quali sono grandemente affetionati a Sua Maestà»), предаться

⁸⁸ Archivio di Stato di Firenze, Carte Stroziane, parte prima, filza 301, f. 153–153v. Письма Талдуччи, касающиеся России, были впервые опубликованы М. Д. Бутурлиным в кн.: Бумаги флорентийского центрального архива, касающиеся России. Ч. 2. Москва, 1871. С. 72–92. Многие документы в этой книге изданы отвратительно, однако письма Талдуччи как раз неплохо. Другое полное издание этих писем, подготовленное неким И. В. Левицким, абсолютно негодное. Еще ряд исследователей (В. В. Макушев, Г. В. Форстен и др.) издавали отдельные письма флорентийского купца. О Талдуччи есть новые замечательные исследования Риты Мадзеи: *Mazzei R. Itinera mercatorum. Circolazione di uomini e beni nell'Europa centro-orientale, 1550–1650. Lucca, 1999. P. 289–301 et passim; Eadem. La trama nascosta. Storie di mercanti e altro (secoli XVI–XVII). Viterbo, 2006. P. 172–179 et passim; Eadem. Un fiorentino di Cracovia informatore della corte medicea ai tre quarti del Cinquecento // La storia secondo passione. Pagine per Zeffiro Ciuffoletti, a cura di S. Visciola. Arcidosso, 2018. P. 421–429.*

ему при первом удобном случае. Рисуя мрачную картину военно-политического кризиса в Московском царстве, частью которой предстает тема разлада в царской семье, бойкий юноша «с подвешенным языком», возможно, все намного преувеличивает. Нас, впрочем, интересует само повествование, в частности — упоминание царского рукоприкладства в отношении наследника, а также жезла или посоха, который несколько месяцев спустя станет фигурировать в целом ряде известий о смерти царевича в качестве орудия непредумышленного убийства. В следующих историях мы встретим другие знакомые детали, которые наводят на мысль, что перед нами своеобразный конструктор, набор мотивов, которые пускают в ход по мере надобности.

Еще несколько источников, передающих слухи о раздорах между царем и его детьми на заключительном этапе Ливонской войны, мы знаем благодаря подсказке Б. Н. Флоры⁸⁹. Как мы увидим ниже, их также нельзя не отнести к предыстории известий о смерти Ивана Ивановича, до которой оставалось меньше двух лет, а также, безусловно, к предыстории интересующей нас исторической песни. Одно свидетельство содержится в письме Филона Кмиты великому канцлеру Яну Замойскому из Орши от 4 января 1580 года:

«Сыновья [царя], — пишет автор⁹⁰, — и те, как мне передали, не согласны с отцом, что, по воле Господа, [на них? — И. Д.] перейдет клеймо вечного позора. [Fili etiam cum patre minime concordantes, prout id mihi est indicatum, quod Deus Optimus Maximus in ipsius ignominiam perpetuam convertere dignetur, — фраза такова, что в переводе трудно быть уверенным. Хотелось бы увидеть рукопись, ибо напрашивается конъектура: in ipsis.] Сын

⁸⁹ Флора Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 183–184.

⁹⁰ Theiner A. *Annales ecclesiastici, quos post Caesarem Baronium, Odoricum Raynaldum ac Jacobum Laderchium... ab Anno 1572 ad nostra usque tempora continuavit.* T. 3. Romae, 1856. P. 176.

его Федор, коему привержена немалая часть знати московитов, больше не может выносить свирепости отцовской тирании и расстройства во всем после столь небывалого поражения, нанесенного этому врагу [т. е. после взятия Баторием Полоцка — И. Д.]. Говорят, Федор задумал по своей воле явиться к Его Королевскому Величеству, и надеются, что он скоро прибудет в Смоленск. [Theodorus filius ipsius, cui non pauci Moschoviticae Nobilitatis adhaerent, paternae tyrannidis saevitiam, et rerum omnium confusionem (post tam insignem huic hosti illatam cladem) amplius dum ferre non potest, ad Sacram Regiam Maiestatem sponte venire in animo statuisse fertur, et Smolenchae affaturus speratur. Требуется конъектура: affuturus.] Если он появится, надо будет обо всем как следует позаботиться».

Далее следуют жалобы Филона Кмиты на скудость собственных средств, недостаточных для приема царевича, откуда явствует, что к изложенной новости он относиться с полным доверием. Кристально ясным данное сообщение не назовешь. (Видимо, дело в том, что латинский текст, который мы имеем, является не оригинальным письмом, а переводом, сделанным для посылки в римскую курию.) По мнению Б. Н. Флори, царевич должен был «добровольно явиться» к польскому королю не в качестве перебежчика, а как представитель «здоровых сил» русского общества, желавших мира:

«Надежды недовольного войной дворянства, согласно этим слухам, связывались с царевичем Федором: он должен был прибыть в Смоленск и договориться с Баторием о прекращении военных действий»⁹¹.

«Разумеется, на основании подобных сообщений было бы очень неосторожно судить об отношениях внутри царской семьи, реконструировать возможные планы царевича Федора и определять круги, которые оказывали ему поддержку. Несомненно, однако, что явное противопоставление «доброе» царевича его отцу, которое

⁹¹ Флоря Б. Н. Иван Грозный... С. 372.

выступает в разговорах служилых людей, отражало их растущее недовольство политикой Ивана IV»⁹².

Здесь приходит на память уже процитированное письмо Поссевино кардиналу Комо от 22 января 1582 года: Поссевино не соглашался поверить, что царь убил своего старшего сына Ивана якобы за то, что царевич настаивал на заключении мира с польским королем, ибо иезуит доподлинно знал, что царь и сам желал мира. Народный рассказ о загадочной гибели Ивана Ивановича, который мы узнаем со слов письма Поссевино от 22 января, явно навеян старыми слухами о царевиче-миротворце, будто бы готовом пойти против отцовской воли. Родство этой версии событий в Александровой Слободе со слухом, гулявшим на литовской границе двумя годами раньше, более чем наглядно. Это уже не предположение, а факт.

Мы с радостью согласимся с Б. Н. Флорей в том, что сообщение, изложенное в письме Филона Кмиты от 4 января 1580 года, имеет также отношение к нашей исторической песне:

«В народной песне о гневе Грозного на сына старший царевич обвиняет перед отцом младшего, что тот не захотел участвовать в казнях, производившихся по приказу царя (он, как говорится в песне, «задерживал решетки железные. И подпись подписывал, что улицы казнены и разорены, а остались те улицы не казнены, не разорены»). Эти слова песни находят очевидную параллель в слухах, сообщавшихся польско-литовскими лазутчиками во время кампании 1580 года»⁹³.

В самом деле, информация Филона Кмиты — видимо, первый случай, когда младший царевич Федор показан отвергающим жестокости, которыми сопровождалось правление его отца («*paternae tyrannidis saevitiam... amplius... ferre non potest*»). Следующий пример такого рода мы встречаем у Одерборна. Его

---

⁹² Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой... С. 183–184.

⁹³ Флоря Б. Н. Иван Грозный... С. 372.

книга об Иване Грозном увидела свет в 1585 году. Сбор материала для нее, вероятно, осуществлялся автором на протяжении первой половины 80-х годов. Одерборн повествует о некоей массовой казни, совершавшейся на глазах царя и его сыновей Ивана и Федора. Царь, по своему обыкновению, буквально упивался картиной расправы, тогда как царевич Федор «то ли по причине гнусности происходящего или даже преисполнившись жалости при виде стонов и слез, вместе с Никитой Романовичем, мужем исключительной знатности, возвратился в город, уклонившись от жестокого зрелища»⁹⁴. Вернемся к письму Филона Кмиты, ибо и там мелькает имя Никиты Романовича. Письмо начинается с информации о военных силах «москвитов» в районе Смоленска, и, в частности, сообщается о скором прибытии туда с крупным подкреплением боярина Никиты Романовича («*Horum qui bello apti esse viderentur, quatuor millia in arce Smolenchae recensentur. Caeterum Mikita Romanovius cum ampliori exercitu affuturus speratur*»). После знакомства с упомянутым местом из Одерборна мы догадываемся, что в Смоленске, видимо, ожидают, что царевич Федор и его дядя придут вместе. Таким образом, в двух текстах рубежа — первой половины 80-х годов, у Филона Кмиты и Одерборна, встречается соединение темы отвержения казней, сопровождавших правление Ивана IV, с образом младшего царевича Федора, а также с темой поддержки последнего со стороны его дяди Никиты Романовича. Думается, это осязаемый фрагмент будущей исторической песни о гневном Грозном на сына, которого не хватало в записи Камилло Капилюпи. Естественно, нельзя знать, соединились ли эти вещи в одном повествовании уже теперь, или его становление — дело будущего. Похоже, все-таки история Федора, идущего против отца и поддержанного дядей, сначала возникает и рассказывается как отдельный сюжет. Вспомним на минуту филологов Б. Н. Пути-

⁹⁴ *Vel rei indignitate motus, vel etiam commiseratione plorantium et gementium adductus, cum Mikyta Romanovicio, praecipuae nobilitatis viro in urbem reversus crudeli spectaculo abstinuit. — Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. L3v.-L4.*

лова и В. Я. Проппа. Идеальная картина народного поэтического творчества в описании Б. Н. Путилова кажется нам не слишком правдоподобной. Целое здесь не складывается мощно и сразу как реализация одной художественной идеи, ибо перед нами то и дело мелькают какие-то обрывки сюжетов, и лучше годится мысль В. Я. Проппа об «амальгаме», сплаве разного, местами грубоватых швах и, вероятно, долгом процессе.

Еще два свидетельства о мнимой расправе царя с детьми содержатся в корреспонденции папского нунция в Польше Калигари. В письме кардиналу Комо от 31 января 1580 года Калигари сообщает о своей встрече с Яном Замойский, который передал ему для отправки в Рим некое письмо Филона Кмиты, а также рассказал следующее: «Младший сын Московита по имени Федор (старшего звать Иваном, как отца, на которого он страшно похож своими замашками и жестокостью) чурается родителями, и его чувства разделяет порядочная часть знати»⁹⁵. Можно не сомневаться, что перед нами пересказ уже известной нам информации из письма Филона Кмиты Яну Замойскому от 4 января того же года, а также объяснение, как последний документ оказался в Риме среди бумаг, присланных нунцием Калигари. Еще два месяца спустя, а именно из письма нунция от 28 марта 1580 года выясняются новые подробности: «Говорят, Московит, видя обрушившиеся на него несчастья, от отчаяния захотел повеситься, он двинулся умом, и против него настроены сыновья и все люди. Это передал как услышанное своими ушами королевский гонец, ездивший объявить Московиту войну»⁹⁶. Речь идет о Вацлаве Лопатинском, отпущенном из Москвы «в пят-

---

⁹⁵ Mi disse dapoi che il figliuolo minore del Moscovita chiamato Theodoro (che il maggiore si chiama Giovanni come il padre, al quale è molto simile ne costumi et crudeltà) si era alienato dal padre, et con esso sentiva la maggior parte de' nobili. — I. A. Caligarii nuntii Apostolici in Polonia epistolae et acta 1578–1581. Kraków, 1915. P. 377 (№201).

⁹⁶ Dicono che il Moscovita, vedendosi in tanta disdetta della fortuna, si è voluto impicare per desperatione, et che è alienato di mente, et ha contrarii li figlii et populo tutto; questo ha riferito di havere udito l'internuntio del Re, che andò a denuntiarli la guerra. — Там же. P. 407 (№217).

ницу по Трех Кролех», то есть на неделе после праздника Богоявления 6 января⁹⁷.

Нам остается погрузиться в истоки известий о смерти царевича Ивана. Сразу отметим, как осторожно в польском лагере зимой 1581–1582 годов эту новость передают. Правилom является критика и отсеивание информации. Некоторые детали допросов русских пленных, взятых под Новгородом в конце 1581 года, впервые всплывают лишь много лет спустя, в частности — на страницах «Московской войны» Гейденштейна, опубликованной в 1584 году.

В донесении польских представителей на переговорах, окончившихся Ям-Запольским перемирием, великому канцлеру Яну Замойскому от 13 декабря 1581 года говорилось о русском перебежчике сыне боярском Федоре Зубатове. 20 декабря Януш Збаражский пишет Замойскому из Яма Запольского, что посылает к нему перебежчика и его показания. По словам последнего документа, царский гонец Семейка Ададуrow привез в Новгород известие о смертельной болезни старшего сына царя («*syn starszy na szmiercz choguie*») и царское веление освободить из тюрем всех должников⁹⁸. Из русских документов известно, что Семейка Ададуrow должен был передать письмо Ивана Грозного делегации, отправленной на переговоры о мире и находившейся на пути в Новгород. Письмо, составленное в Александровой Слободе, было датировано 17 ноября, а гонец выехал — видимо, уже из Москвы — 18 числа⁹⁹. Очевидно, за два дня до смерти Ивана Ивановича впору было назвать умирающим.

⁹⁷ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843. С. 52–53 (№28–29).

⁹⁸ Информация перебежчика: *Коялович М. О.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира. СПб., 1867. С. 437 (№135); упомянутые письма есть в лучшем издании: *Archiwum Jana Zamoyskiego, Kanclerza i Hetmana Wielkiego Koronnego*. Т. II. Warsaw, 1909, s. 107 (№478); s. 139 (№510).

⁹⁹ *Успенский Ф. И.* Переговоры о мире между Москвой и Польшей... С. 36–37.

Весть о смерти царевича была впервые получена польской стороной от отряда Спытка Йордана, оправленного на рекогносцировку в окрестности Новгорода. В письме от 26 декабря из деревни Доворец (в 10 км к югу от Сольцов) он сообщал Яну Замойскому, что эту новость он узнал от пленных, и ее подтверждают «даже крестьяне»¹⁰⁰. Известие о кончине «старшего сына Московита» со ссылкой на сведения, полученные из Новгорода от «пленных и лазутчиков», Ян Замойский передает королю Стефану Баторию в письме от 2 января 1582 года¹⁰¹. Тут встает вопрос, почему Поссевино Замойский извещает о том же на три дня раньше, а именно 30 декабря?¹⁰² Либо в эти три дня он не находил особенных поводов писать своему государю, либо, что тоже может быть, Ян Замойский медлил с передачей важной новости Стефану Баторию, дожидаясь ее подтверждений из других источников или желая допросить пленных, захваченных Йорданом, лично.

От письма Замойского Магнусу от 8 января сохранилась короткая запись в регистре, из которой можно понять, что царевич Иван будто бы принял участие в сражении под Псковом и там погиб. Без сомнения, это всего лишь промах составителя суммария, по ошибке соединившего сообщение об несчастном для «московитов» бое 4 января со следующей новостью о внезапной кончине царского сына¹⁰³. Зато проблемы с первым известием, исходящим от Поссевино, историки создали сами себе. Это отдельный листок-постскрипtum, который был впервые опубликован в «Дополнениях» к известному изданию А. И. Тургенева в качестве приложения к письму Поссевино кардиналу Комо от

¹⁰⁰ Archiwum Jana Zamoyskiego... Т. II. S. 180 (№546).

¹⁰¹ Там же. S. 220 (№594).

¹⁰² Там же. S. 199 (№562).

¹⁰³ Вот злополучная запись целиком: *Pugnae ad Plescoviam seriem cum Moschovitis a nostris commissae et cladem Moschovitarum duci Magno Illmus [scl. Zamoyski] describit. E vulgo cecidisse 300 Moschovitas, filium Magni Ducis Moschovitarum ibidem occubuisse, vulneratos et captos plurimos.* — Там же. S. 274 (№630). О схватке под стенами Пскова 4 января см.: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 264–265.

14 января (которое в этом издании неверно датировано 13 января)¹⁰⁴. Переиздавший записку П. Пирлинг ошибочно отнес ее к декабрю 1581 года¹⁰⁵, чего не может быть, ибо в документе описана та самая схватка под стенами Пскова, имевшая место 4 января 1582 года. Наконец, в томе корреспонденции нунция Болоньетти листок-постскриптум — видимо, правильно — приложен к письму Поссевино кардиналу Комо от 6 января. Приведем содержание этой записки: «Несколько дней назад распространился слух о смерти старшего сына Московита Иоанна. После мне написал об этом господин канцлер [Ян Замойский], а нынче три пленных москвиты из новгородской стражи [?] подтверждают, что он действительно скончался и похоронен в Москве. Ему было 20 лет, и у тамошнего государя, как вы знаете, не осталось другого сына, кроме того, чьи качества я уже описывал...»¹⁰⁶.

Крайне любопытно указание на возраст скончавшегося царевича. Тут иезуит цитирует сам себя. Царевич Федор в августе — первых числах сентября 1581 года показался Поссевино подростком, выглядящим моложе своих лет, но у него, в отличие от старшего брата, хотя бы росла борода («*statura corporis non aequat aetatem, et vero barbam habet, quae primogenito deest*»). Ивану Ивановичу, на взгляд Поссевино, было «не больше двадцати», и папский посланец недоумевал, когда же такой юнец успел трижды жениться¹⁰⁷. В действительности, Федору шел 25-й год, а Иван был на три года старше брата. Забегая вперед, напомним, что даже потом, когда мысль о сыноубийстве распространи-

¹⁰⁴ Дополнения к Актам историческим... С. 272 и сл. (№30).

¹⁰⁵ *Pierling P. Bathory et Possevino, documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. P., 1887. P. 126–127 (№36).*

¹⁰⁶ *Già sono alcuni giorni che si sparse romor della morte di Giovanni primogenito del Moscovito. Dapoi me ne scrisse il S' cancelliere, et ultimamente essendosi presi tre Moscoviti della guardia di Novoguardia, attestano esser vero che morì, et si sepeli in Moscovia. Era di 20 anni, né resta altro figliolo che si sappia a quel principe, eccetto uno delle cui qualità altre volte scrissi, sì come anco ultimamente feci al commentario delle cose di Moscovia. — Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum. P. 1. P. 168 (№164).*

¹⁰⁷ Дополнения к Актам историческим... С. 25 (№11).

лась, некоторые продолжали говорить о естественных причинах смерти наследника. Яснее других — француз на русской службе во времена Бориса Годунова и Смуты Жак Маржерет. Но и Гейденштейн, писавший вскоре после трагических событий, не взял на себя смелость утверждать что-то одно: «То ли вследствие удара, то ли от душевного потрясения с ним сделался эпилептический припадок, отчего он впал в горячку, от которой потом скончался» («sive ictus, sive animi doloris vi, in paroxysmos epilepticos, atque inde in febrim incidisse, ex eaque deinde extinctum narrabant») ¹⁰⁸. Похоже, все дети Ивана Грозного не отличались богатырским здоровьем, а царевич Иван разве что не считался умственно отсталым и был любим отцом.

Изобилие сведений, на которые ссылается Поссевино («несколько дней назад», «после», «а нынче»), может оказаться мнимым. Возможно и даже скорее всего, речь идет об одной и той же информации, идущей от пленных, захваченных польским отрядом Иордана под Новгородом, и пересказанной затем разными лицами. Если так, налицо не обилие информации, а, наоборот, ее дефицит. Эта первая серия польских свидетельств, как мы видим, лишена всяких подробностей об обстоятельствах смерти наследника московского престола. Пока констатируется только сам факт его кончины. При этом позднейшие источники не оставляет сомнений в том, что разные версии гибели царевича пересказываются устно с момента появления известия. Сдержанность первых письменных сообщений вызвана опасениями перед неподтвержденной информацией. Еще раз отдадим должное тому, как люди XVI века научены приобретать знание и дорожить им. Ужасные слухи проникают в письма некоторое время спустя, видимо, когда все начинают о них говорить.

Мы аплодируем догадке П. Бушковича о том, что интерес к трагедии в царской семье мог сопрягаться с польскими планами овладения московским престолом, хотя не согласны, что такая подоплека должна умалять точность передачи данных. Сами

---

¹⁰⁸ R. Heidensteinii Secr. Regii, De bello Moscovitico commentariorum lib. sex. Cracoviae, 1584. P. 211.

сведения от этого не делались польскими. К сожалению, мысль американского коллеги не подкреплена материалом источников. Мы, со своей стороны, такие примеры привести можем. Любопытно высказывание Ежи Латальского, автора одного из латинских восхвалений короля-победителя Стефана Батория. Судя по упоминанию Аугсбургского рейхстага, интересующее нас место написано летом 1582 года. «Тут на днях слышу, — сообщает автор, — что на Аугсбургский рейхстаг пришло письмо из северных стран о том, что государь московитов скончался — а его сын не знаю как умер еще раньше отца, — и московиты призвали польского короля для управления своим государством»¹⁰⁹. «Nescio qua morte e vita discessisse», «не знаю, почему вдруг», — сказать так о царевице мог человек, слышавший разговоры о его гибели, однако не захотевший их повторять. Очевидно, Латальский не считает эти подробности относящимися к делу овладения Московским царством. Единственная подробность смерти царевича Ивана, которая упоминается в вышедшем в том же году «летучем листке» «Polnische vnd Reussische Zeitungen», состоит в том, что кончина сына сделала царя еще более испуганным и покладистым¹¹⁰. Такая осторожная сдержанность или безразличие одних, пожалуй, заслуживает внимания не менее, нежели сами истории, пересказанные другими.

¹⁰⁹ Audio per hosce dies ad Augustana Comitia scriptum esse ex Septentrionalibus partibus Moscorum Principem mortuum esse, filium etiam ante patrem nescio qua morte e vita discessisse, Regem Poloniae a Moscic ad istud Regnum administrandum vocatum esse. — Oratio Georgii Latalski F. Comitis de Labischin ad Stephanum Batorem Sereniss. Poloniae Regem, qua ipsi de Victoria et Pace cum Ioanne Magno Moscorum Duce inita. gratulatur. s. l. [Basileae] 1582. P. 16v. Слухи о смерти Ивана Грозного, ходившие в Германии и Италии летом 1582 года, отразились во многих источниках.

¹¹⁰ Polnische vnd Reussische Zeitungen. Eigentliche vnd kurtze Beschreibung etlicher ergangener Kriegsübungen, auch die Belägerung der gewaltigen Reussischen Handelsstatt Plesskaw... s. l., 1582, S. AIII: Dann als Basilius, der Großfürst in der Moscau, mit vnaußsprechlichem fleiß von Posseino obengedacht, ist vermanet worden, darzu [к миру] auch auß forcht obligender gefahr, vnd Johannis seines Sons jehen tödlichem ende, sehr erschreckt vnd zaghaft gemacht, Fertiget er also bald sein Botschafft...

Что касается историй, начнем с самой неприязательной. В газете из Познани сказано: «Еще уверяют, что Московит в гневе сам зашиб на смерть своего старшего сына»¹¹¹. Она датирована 3 февраля, но начинается с описания боя под Псковом 4 января, уже известного нам по письмам из окрестностей Пскова и Киверовой Горки от 6 и 8 января, то есть скорее всего появление информации, достигшей Познани, надо отнести примерно к этим дням. Для нас гнев — обычная человеческая эмоция, и «состояние аффекта», согласно современным представлениям, если не оправдывает убийцу, то слагает с него часть вины. Или в обиходе мы говорим сегодня с просьбой не судить строго: «Погорячился». Авторы XVI века такой трактовкой гнева были бы обескуражены, ибо их учили, что гнев — смертный грех. Сам гнев — а не его последствия — для христианина глубоко преступен. Панегирист Батория Анджей Нидецкий недаром выражается так: собственноручное убийство царевича показывает, сколько злобы переполняло царя. Убийство — иллюстрация его воспаленных страстей и разлившейся желчи¹¹². Гневливость Ивана Грозного — столь же обычная тема для его осуждения, как присущая ему холодная и трезвая жестокость¹¹³.

На первый взгляд, ту же скудную информацию — приступ царской ярости, рукоприкладство, нечаянное сыноубийство — предлагает читателю Кшиштоф Варшевицкий, составитель еще одного панегирика в честь Стефана Батория. Само свидетельство Варшевицкого лапидарно, однако нас должен заинтересо-

¹¹¹ Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 8955, f. 223: Es soll auch gwiss sein, das der Moskowiter seinen Ältisten Sohn selbs im Zorn zu Tott geschlagen habe.

¹¹² Nidecki A. Trzy mowy gratulacyjne z okazji zwycięstwa nad Moskiwcinami [= Gratulationum triumphalium ex moscovitis orationes III, 1582, 1583. — И. Д.]. Warszawa, 2016, s. 108: Quod ipsum quantarum illi iracundiarum et stomachi, quantorum fremituum et indignationum, quantarum etiam anxietatum et conflictationum animi causa extiterit satis atque etiam plus satis... filio ipso manibus suis trucidato declaravit. At quo filio? Quem in vita carissimum habebat, quemque adeo ad eiusdem illius crudelitatis suae cernendam haereditatem in sinu propemodum fovebat.

¹¹³ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften... S. 157–158.

вать контекст. Царь Иван Грозный изображен посреди обрушившихся на него несчастий:

«Стара пословица: беда не приходит одна. На Московита обрушилась не одна и не две беды, а обложила со всех сторон бесконечная череда невзгод. Он узрел изменника у себя в доме, беглеца на поле брани, он развелся с супругой, привил детям склонность к постыдным делам и праздности, ощутил недоверие и ненависть подданных, ибо и сам всегда поступал с ними как враг. Он сталкивается [автор переходит от *perfectum* к *praesens* — И. Д.] с тягчайшими кознями, которые таятся под видом верной службы или скрыты в кое-каких кровных узах и родстве. Он в один миг впадает в ярость, и недавно причинил смерть собственному сыну»¹¹⁴.

«Гнев» на сына синтаксически не привязан к вышеупомянутым «козням», а пословица (вспомним ее место в литературе; она мрачный рефрен шекспировского «Гамлета») сулит простое перечисление «бед». Тем не менее зададимся вопросом, на какие узы крови намекает фраза о кознях подданных, предшествующая словам о сыноубийстве? В самом деле, других сколько-нибудь близких родственников, хотя бы теоретически спо-

¹¹⁴ *Vetus est proverbium: nullam esse calamitatem solam... Gravissimas habet insidias eas, quae latent in simulatione officii, et aliquo vinculo sanguinis, vel propinquitatis. Praeceptum in furorem agitur, et nuper mortis filii est causa sui. — Christophori Warsevicii Ad Stephanum Regem Poloniae Oratio. Qua Cum Ioanne Magno Moscorum Duce XV. Ianuarii ad Zapolsciam confectam pacem gratulatur. Torunia, 1582. P. VII. Из письма Стефану Баторию, предпосланного «речи», явствует, что первым изданием было виленское. Мы знакомы с ним только по его перепечатке в кн.: Акты исторические, относящиеся к России... Т. 1. С. 374–385 (№246), нужное нам место — с. 380. В том же 1582 году увидело свет еще несколько латинских изданий брошюры, а также успели выйти ее переводы на польский и немецкий языки. По-немецки о смерти царевича сказано: Gehling wirdt er rasend vnd vnsinnig, wie er dann newlich, also an seines Sons todt schuldig worden. — Oration Christophori Warschewitz an den... Herrn Stephan König in Polen. Inn welcher er nach erzehlung der gantzen Kriegshandlung mit Johanne dem Grossfürsten in der Moscauw Irer Kön. Maie. wegen dess den 15. Januarii zu Zopoltzki auffgerichten fridens gratulirt. Nürnberg 1582, S. C.*

собных выступить против царя, кроме родных детей, а с ними (только вместе с ними) их дяди Никиты Романовича, у Ивана Грозного, вообще говоря, не было. Следовательно, это место Варшевицкого есть осторожное соединение двух тем: обвинения неких членов царской фамилии, очевидно, одного из царевичей в некоей нелояльности и «гнева Ивана Грозного на сына». Это подводит нас ближе к известной нам исторической песне, однако не забудем, что ни гнева и никаких обвинений в адрес некоего царевича в первых вариантах легенды, изложенных Камилло Капилупи и Стефаном Баторием, не было и не могло быть: эта тема по отношению к исходному материалу есть инородное тело, которое могло прижиться в истории, только уничтожив ее первоначальный смысл беспричинного удара по своим.

Почему писатель не захотел выразиться яснее? К чему это «*sapienti sat*»? Варшевицкий мог сомневаться в точности своих сведений, подобно Поссевино. О смерти царевича говорили разное, что само по себе должно было настораживать, а некоторым версиям, к тому же, недоставало правдоподобия. Мы снова имеем в виду письмо Поссевино в Рим от 22 января с отказом верить сомнительным слухам. Иезуит добился включения Варшевицкого в состав польской делегации на переговорах с москвитями, рассчитывая использовать его потом в качестве посланца к шведскому королю, чтобы также положить конец войне между Россией и Швецией. В момент переговоров и какое-то время после их окончания они были вместе и могли располагать одной информацией о внезапной кончине русского царевича. Предисловие Варшевицкого к изданию его торжественной «Речи», приуроченной к заключению Ям-Запольского перемирия 15 января 1582 года, датировано: «в Вильне 5 февраля 1582 года». Следовательно, никакого расхождения во времени между сообщениями обоих нет. Может оказаться, что оба, Поссевино и Варшевицкий, имеют в виду одно и то же известие, пытаются при этом — каждый на свой лад — передать, но одновременно не подтвердить подробности, в которых у них нет уверенности.

К версии, в которой усомнился Поссевино, ряд других авторов относится с доверием. Мысль о том, что царевич Иван мог

пострадать из-за того, что добивался мира, которого будто бы не желал его отец, — то есть «смоленская легенда» двухлетней давности, знакомая нам по письмам Филона Кмиты и нунция Калигари, которая после загадочной смерти старшего из царевичей была перенесена на покойного, — позднее звучит довольно часто (хотя, конечно, не факт, что некоторые пишущие не заимствуют ее друг у друга). Ее повторяют в своих книгах Ян Лазицкий в 1582 году и Джан Карло Сарачени в 1589 году (к двум этим авторам мы еще вернемся). Уроженец Болоньи на польской службе Доменико Мора, очевидец и участник последнего похода Батория на Россию, а после долгие годы офицер полоцкой крепости, в свободное от караулов время писавший книгу, дабы избежать известного гарнизонного порока («per non impiegare l'hore che mi avanzano dopo le fationi necessarie in cose dannose e inutili»), доносит следующую информацию: «Великий герцог Московский смертельно ранил собственного сына, ибо тот молил его не губить на войне, идя против справедливости, свой народ. Узрев затем, что сын умирает, отец взмолился к нему с просьбой его простить, а сын ответил, что зовет его на суд божий с тем, чтобы тот дал отчет о своей несправедливости. И вскоре Бог лишил его вместе с сыном жизни, дабы наказать его за совершенную ошибку, ибо Бог есть защитник справедливости»¹¹⁵. По словам автора «Польских, лифляндских, московских, шведских и других историй» Лаврентия Мюллера, «Московит... ударил посохом... своего старшего сына, который от этого умер, из-за того, что тот советовал ему заключить мир»¹¹⁶.

¹¹⁵ Il gran Duca di Moscovia ferì a morte il proprio figliolo, perché lo pregava a non distruggere li suoi populi alla guerra contro il giusto, et il padre vedendo poi morire il figliolo lo pregò a perdonarli, et egli rispose, che lo cittava dinanzi a Dio, a dar conto della sua ingiustitia, né guari di tempo passò, che Dio lo privò di vita insieme col figliolo, per castigarlo del comesso fallo, perché Dio è protettore, del giusto. — *Mora D. Il cavaliere in risposta del gentil'huomo del Sig. ^r Mutio Iustiniopolitano, nella precedenza del armi, et delle lettere. Vilna, 1589. P. 199–200.*

¹¹⁶ Der Moschowiter... seinen eltesten Son, darumb das er zu Friede geraheten, mit seinem Stab den er zu füren gepflegt, gestossen, das er davon gesstorben. — *Müller L. Polnische, Liffländische, Moschowiterische, Schwedische und andere Hi-*

Позднее, но красочное свидетельство оставил составитель «Лифляндско-Курляндской хроники» С. Хеннинг:

«В том же [1583] году великий князь Московский был вынужден вступить в острый спор со своим старшим сыном по поводу заключения и продления перемирия или мира с соседями, и сын держался следующего мнения: поскольку области Московии почти опустошены татарами, поляками и шведами, бесчисленное число народа перебито, настало время остановиться и заключить с соседями мир. Ведь наследникам или потомкам будет мало пользы или не будет никакой, если отец вздумает оставить им в наследство вражду со всеми соседями. Из-за этих слов он так сильно разозлился, что, будучи подлинным мизантропом и убийцей близких родственников, своего вышеупомянутого старшего сына Дмитрия [ой! — И. Д.] он нечеловеческим образом пронзил посохом с длинным железным острием. Тем самым о нем с неменьшим правом можно сказать словами императора Августа, сказанными об Ироде Аскалонском, что, дескать, он [Август] предпочел бы быть его свиньей, а не сыном, потому что Ирод тоже прежалким образом убил двух своих сыновей. А от употребления свинины [его соплеменники] должны воздерживаться»¹¹⁷.

---

storiën, so sich unter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen, das ist Kurtze und warhafft Beschreibung, welcher massen dieser jetzt regierender König in Polen, Stephanus deß namens der Erste, zum Regiment kommen, Was für Krieg er geführet, und wie er dieselben geendiget... S. I. [Leipzig?], 1585, S. NIIv.

¹¹⁷ Der Großfürst zur Moscow, sol in diesem Jahre, mit seinem Eltern Sone, wegen der Regierung, und verlängerung Anstandes oder Friedens, mit den benachbarten, in scharff Disputation gerahten, vnd der Son der meinung gewesen sein, Weil die Moscowiterischen Länder, durch die Tartern, Polen, vnd Schweden fast verheret, das Volck vnzehelicher weise erschlagen, das es nu zeit auffhörens were, vnnd mit den benachbarten Friede zu stiftten vnd auffzurichten. Denn den successoribus oder posteris, damit wenig oder gar nichts gedienet, wenn der Vater ihnen aller nachbaren Feindschafft wolte aufferben. Worob er so hefftig verbittert, das er als der rechte misantropos et parricida, denselben seinen Eltern Son Demetrium, mit einem Stabe, daran ein langspitzig Eisen gewesen, vnmenschlicher weise erstochen, Also, das von jhme nicht weniger mit billigkeit könne gesaget werden, wie der Keyser Augustus vom Herode Ascalonita, dessen Schwein er lieber sein wolt, als sein Son, darumb das er zwey seiner Söne auch jämmerlich er-

Речь идет об известной из Иосифа Флавия казни сыновей Ирода Великого Александра и Аристокбула в 7 году до н. э., а фраза, произнесенная по этому поводу Августом, приведена у Макробия (*Sat.* II, 4, 9), который путает это событие с избиением младенцев, описанным в Евангелии от Матфея (2, 16), и приходит к мысли, что во время избиения младенцев по приказу царя Ирода среди погибших детей будто бы оказался его собственный сын. Потому Я. Лазицкий (см. ниже), зная, очевидно, одного Макробия, говорит об одном погибшем сыне царя Ирода.

Еще чаще встречается другая версия гибели царевича Ивана, также выстроенная вокруг темы войны и мира, но распределяющая роли иначе. Конфликт возникает из-за того, что павший духом царственный отец готов заключить постыдный мир, тогда как его отпрыск энергично требует продолжения борьбы. История эта в западной литературе имеет понятный источник: она идет от Поссевино, вернувшегося из своей второй поездки к Ивану Грозному. Как уже сказано, мы знаем об этом из письма Г. Фаренсбаха датскому королю от 10 мая 1582 года.

Может показаться, что данный рассказ — всего лишь зеркальное повторение предшествующего объяснения, так сказать, его исправленный вариант, который не вызывает у Поссевино внутреннего протеста. Однако это не так. Историкам известно показание Псковской Первой летописи, которая сетует на то, что царь Иван Васильевич в драматический момент осады Пскова, имея будто бы достаточно военных сил, укрылся в Старице, «а на выручку бояр своих не посылал подо Псков, ни сам не пошел, но страхом одержим бе; глаголют нецыи, яко сына своего

---

mordet, sich aber des gebrauchts Schweinen Fleisch enthalten müssen. Nach welcher geübter Tyranney, an seinem selbst eigenen Fleisch vnd Blut, der Großfürst keinen frölichen oder frewdigen Tag gehabt, sondern folgendts, wie die Tyrannen pflegen, etc. seinen Tag vollendet, vnd gestorben. — *Henning S. Lifflendische Churlendische Chronica. Was sich vom Jahr Christi 1554. biss auff 1590. in den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen, an nothdrenghlicher veränderunge der Obrigkeit und Stände in Lieffland, sieder dess letzten Herrn Meisters, und Ersten in Lieffland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenck-wirdiges zugetragen.* Leipzig 1594, S. 73v.

царевича Ивана того ради остнем поколол, что ему учал говорить о выручении града Пскова»¹¹⁸. Похожими сведениями располагали в польском лагере. Мы имеем в виду дневниковую запись Станислава Пиотровского от 14 сентября 1581 года:

«Пан ротмистр Миколай Гостомский приехал от войска папа Троцкого [Кшиштофа Радзивилла, доходившего до окрестностей Старицы, где находился Иван Грозный, — И. Д.] с письмами и новостями и привез с собой татарина — то ли подкомория, то ли привратника великого князя, который из Старицы от князя в субботу будет две недели, как перебежал к ним. Пан Троцкий пишет, да и пан Гостомский рассказывает, что они были с войском всего в трех милях от Старицы, где находится сам князь, уничтожая огнем окрестности. Как рассказывает тот перебежчик, сам князь глядел из замка на дым и огонь, когда несколько его дворов было подожжено нашими, и плакал. Жену, детей с казной он поспешно отослал от себя по воде. К Поссевино он послал сказать, чтобы тоже готовился к отъезду. Тот ответил ему, что к отъезду еще не готов, а бежать ему не нужно, ибо польских войск он не боится. Великий князь послал сказать ему еще раз, чтобы уезжал как можно скорее. Тот сказал, что ему торопиться ни к чему, разве только его погонят силой. Думные бояре великого князя, по словам сказанного перебежчика, глядя на это бедствие, советовали ему — а именно Мстиславский, — дабы он с людьми двинулся против наших сам либо послал одного из сыновей. Тот отказался со словами: “Сам я стар, а эти еще бывали [во главе войска — И. Д.]”. Повернувшись потом к одному человеку, он стал его избивать, приговаривая: “Вот видишь, мой верный слуга, посылал я тебя сжечь Биржи — замок пана Троцкого в Литве, — ты не сослужил мне такой службы, а теперь он жжет у меня на глазах мои собственные” ... Все, что я пишу, сообщил сегодня королю в палатке тот самый перебежчик, а пан воевода Виленский толмачил. Перебежчик этот знает много дел и секретов великого князя»¹¹⁹.

¹¹⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 319.

¹¹⁹ Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория... С. 83–84: 14 Septembris. P. Mikołaj Gośtomskj rothmistrz od P. Troczkiego woyska

Неужели перед нами свидетельство, передающее обстоятельства складывания легенды? Темная гибель царевича, до которой оставалось всего два месяца, сама просится в готовый сюжет. Кажется, псковская летопись доказывает, что так оно и вышло.

Чтобы утвердиться в этом мнении, потребуется объяснить ряд высказываний других авторов, сообщающих о татарине-перебежчике, которого они называют «Даниил Мурза», кое-что другое. По словам Гейденштейна, явившийся в литовский стан татарин преувеличил военные силы противника, находящиеся вместе с царем в Старице. В результате Радзивилл и его сподвижники принимают решение отступить: «Хотя у наших была возможность совершить достопамятный подвиг, если бы они дошли до Старицы, они, однако же, рассудили, что их слишком мало по сравнению с теми силами, которыми, по их разумению, должны были быть ограждены жизнь и здоровье такого могущественного государя»¹²⁰. На этом тексте строится мнение, распростра-

---

przijał z listi, z nowinami y s Tatarzinem — podkomorzemli, odzwiernemli Wielkiego Kniazia, co s Starzicze od Kniazia, w sobotę dwie niedzieli bendą, zbiegł do nich. Piszę P. Troczkj, y P. Goštomski powiada, że iedno trzi mile od Starzicze, tam, gdzie sam Kniaz, beli z woyskiem w okoliczi, pałącz. Patrzal sam Kniaz z zamku (powiada ten zbieg) na dim y ogień, kiedi dwori iego niektore gorzaly od naszich, y plakał. Żonę, dzieci y s skarbem wodą s traszkiem odesłał od siebie. Do Poszewina posłał, aby się odyachać tesz gotował. Odesłał mu, że niegotow, a tesz mu uciekać nie trzeba, bo się woysk Polskich nie boj. Drugie raz posłał, aby co richlei uyezdzał. Powiedział, że mu tego nie trzeba, chyba iesliby gwałtem musiał. Dumni boiarowie iego (powiada ten zbieg), patrzancz na tę calamitatem, radzili mu, Mścislawskj mianowicie, aby z ludzmi ruszył się do naszich sam, abo sina ktorego posłał. Nie chciał, mowiancz: «iam stari, ci tesz niebywali ieszcze». Wtim, obrociwszy się potem do ktoregoś, iął go bić, tłucz. «A widzisz, prawi, zosłałem cię beł ono, abyć beł Bierże (zamek to P. Troczkiego w Litwie) spalił; nie sprawiłeś tego, a ten teras przed oczyma memi me własne pali» ... To wszitko, co piszę, referował dzis Krolowi w namiecie ten zbieg, a P. woiewoda Wileńskj tłumaczęł; wie siela ten zbieg kniazowych spraw et secretorum ettc.

¹²⁰ R. Heidensteinii De bello Moscovitico... P. 193: Interim Daniel Mursa ex iis, qui in mensae ministerio apud Moscum versabantur, ad nostros transit. Qui cum de numero exercitus eadem fere, quae antea fama, ac captivorum sermonibus acceperant, ac inflatius pleraque praedicasset, orationique eius tanti principis inveterata potentiae fama facile fidem faceret, etsi memorabilis facinoris, si

ненное в современной польской историографии, дескать, «простой слуга, прикинувшись перебежчиком, спас царя».

Одерборн год спустя тоже сетует на упущенную возможность одним махом покончить с «Лернейской гидрой», «а именно пленить самого Базилида», царя Ивана Васильевича, но объясняет дело иначе: уstraшенный слухами и видом пылающих окрестностях, царь «с отпрыском и толпой наложниц» якобы трусливо бежал из Старицы. «Ускользнув в этой сумятице от Базилида, — продолжает Одерборн — к Радзивиллу явился Даниил Мурза и вымолил для себя неприкосновенность жизни и имущества, хотя человек этот [можно сказать] сгорел сам из-за бесчестия своей отнюдь не святой веры»¹²¹.

Бегство царя из Старицы, уstraшившегося нашествия Радзивилла, — распространенный мотив в польской литературе. Поляки и литовцы легко и с удовольствием подхватывают мысль о малодушии врага. Определенные филиации здесь, кажется, угадываются. Мы имеем в виду довольно раннее свидетельство уже знакомого нам Кшиштофа Варшевицкого¹²², чья поздравитель-

---

Stariciam processissent, patrandi spes nostris ostendebatur: iis tamen viribus, quibus potentissimi principis vitam ac salutem septam esse credi debebat, minime pares se futuros rati.

¹²¹ Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. [R8v.]–S.: In tanto autem arridentis fortunae successu nobilissimam illam feram et hydram Iernaeam [sic], ipsum videlicet Basilidem capere poterat, nisi ille conspectis in propinquo ignibus, et fama adventantis exercitus vehementissime perculsus, per noctem tenebris terroribusque importunam gemens et tremens ex Staricia cum Cadmaea sobole et ancillarum gregibus [в немецком переводе, 1588, S. Zv.: «sampt seinem Ungezieffer, Kindern und Gesindlin», — И. Д.] aufgisset. In eo tumultu Daniel Mursa a Basilide profugus ad Radivilonem venit, et vitae quidem fortunarumque omnium incolumitatem impetravit, sed tamen fidei parum sancte cultae infamia deflagravit.

¹²² Ch. Warsevicii Ad Stephanum Regem Poloniae Oratio... p. BI: Quid? et erit qui nesciat in quanta trepidatione Moscus fuerat, cum tu hac eadem in bellum expeditione Plescoviam ipse profectus aliquam exercitus tui partem in poeniora Moscoviae Polocia dimisisses. Quae sane pars cum Christophoro Radivilo Castellano Trocensi duce, imitatore avitae, et patriae virtutis singularis, maximis et difficillimis itineribus Stariciam prope venisset, incredibile dictum est, in quantam desperationem Moscus adductus fuerit, siquidem in fugam versum bi-

ная речь в честь Стефана Батория, немедленно получившая самое широкое распространение, очевидно, является первоисточником данной информации, по крайней мере, для ряда авторов. Так, понятно, что к Варшевицкому восходит сообщение уроженца Утрехта и жителя Кельна Михаэля ван Иссельта¹²³.

Но присмотримся сначала ко второй части сообщения Одерборна, где он заговаривает о татарине. Автор порицает того за «магометанство», мол, имущество свое спас, а сам сгорит в аду. Заметим на это, что в хронике Бельского «Даниил Мурза» назван крещеным («Tatarzyn ieden krzczony»)¹²⁴. Довольно странно у Одерборна представлена цель прибытия татарина во вражеский стан. В известной поэме Франтишека Градовского, где, в частности, говорится о набеге Радзивилла, мы встретим понятное описание данной ситуации: перебежчик, по словам поэта, открыл литовскому военачальнику замыслы «Московита», включая некие расставленные для него «ловушки»¹²⁵. Так, наверное, ведут себя все нормальные перебежчики. Напротив,

---

duo triduo latuisse, sunt qui asseverent, suam certe, filiorumque suorum coniuges, et ancillarum greges, eum amandavisse Staricia constat: quandoquidem non solum de vastitate agrorum, tantisque suorum caedibus, ad ipsius aures constans et perpetua fama quotidie pervolaret. Sed adeo flammas et incendia a tuis excitata e fenestra ipse intueretur, et singulis momentis iis adhuc deteriora cum metu et horrore exspectaret.

¹²³ Commentarius brevis rerum in orbe gestarum... per F. Laurentium Surium Carthusianum. Nunc vero recens ab anno MDLXX auctus. et ad annum MDLXXXVI opera et studio Michaelis ab Isselt Amorfortii, perductus. Coloniae, 1586. P. 1026: Iste inopimatus nuncius cum ad Moscoviae Ducem perlatus esset, coniugum, filiorum et ancillarum greges Stericia alio amandavit, ipse autem triduo ita metu latitasse dicitur, ut a mortalium non sit visus quoquam.

¹²⁴ Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. Krakowie, 1597. S. 784.

¹²⁵ Hodoeporicon Moschicum Illustrissimi Principis ac Domini Christophori Radivilonis... a Francisco Gradovio. Vilnae, 1582. P. DIIIv.: Nobilitate satus celebri, dilectus et ipsi / Basilidi, cuius proprium servare cubile, / Principis arcanaeque audire et reddere voces / Consuerat, supplex nostrorum venit ad agmen / Confestimque sui, non tam bene cognita nostris, / Consilia explicuit domini, tectasque retextit / Insidias, variosque dolos actusque nefandos. / Radivilo hunc placido accepit sermone, bonoque / Esse animo iussit, vitam et donavit inermi.

Одерборна можно понять в том смысле, что татарин явился с мыслью о сохранности собственного имущества. Здесь, кажется, стоит вспомнить одну из следующих картин в довольно путанном изложении автора: «Когда Радзивилл явился к владимирцам, — сообщает Одерборн ниже, — ему навстречу с подарками вышло много местных жителей. Снизойдя к заслугам некоторых из них, иных он принял к себе на службу, другим даровал милость, продиктовав их волостелям [?] условия мира»¹²⁶. Упомянутые «владимирцы», естественно, не имеют отношения к городу на Клязьме, а являются жителями Ржева или Ржевы Владимирской. По всей вероятности, «Даниил Мурза», подобно этим людям, прибыл к литовцам в надежде защитить от огня и разграбления свое имение.

Запись в дневнике Пиотровского от 14 сентября 1581 года, как мы помним, сообщает, что со времени пленения нашего татарина «в субботу будет две недели». Если мы не ошибаемся, это означает, что «Даниил Мурза» явился во вражеский лагерь 2 сентября. Еще ряд дат содержится в сказанной поэме Градовского, хотя его изложение, нельзя не заметить, отличается малой степенью достоверности. Согласно Градовскому, 25 августа литовцы действуют в районе Ржева (который поэт путает с Рязанью, да еще утверждает, будто литовский отряд захватил город, чего в действительности, естественно, не было). После этого загоны Радзивилла появляются в окрестностях Старицы, а 27 августа литовский вождь якобы выступает в поход на Можайск и Холм (вероятно, польскому поэту невдомек, что города эти лежат в противоположных направлениях). На другой день сожжено село Селижарово, а это уже почти окрестности озера Селигер. 29 числа, по словам Градовского, литовцы бились с «боярами», вышедшими к ним навстречу из Топорца¹²⁷. Неужели ме-

¹²⁶ Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. S.: Cum ad Vlodimirios venisset, obvios cum muneribus multos istarum terrarum incolas habuit. Ex his pro meritis singulorum alios in fidem recepit, aliis veniam dedit, praescriptis magistratui eorum pacis conditionibus.

¹²⁷ Hodoeporicon Moschicum. P. [CIVv.] DIIIv. [DIV].

жду моментом максимального приближения загонов Радзивилла к Старице и пленением «Даниила Мурзы» минула целая неделя? Впрочем, у продолжателя хроники Мартина Бельского передвижения литовского отряда не выглядят столь стремительными¹²⁸.

Здесь самое время вспомнить повествование, кажется, непосредственного участника знаменитого набега Андрея Рымши. Рымша воспроизводит известную нам из дневника Пиотровского и других источников легенду о поведении царя в момент приближения неприятеля к Старице и, подобно другим рассказчикам, привязывает к этому событию побег из Старицы «Даниила Мурзы». Однако дальше из текста Рымши выясняется, что беглец явился в литовский лагерь лишь по прошествии какого-то времени, когда Радзивилл уже успел отступить¹²⁹. Если «Даниил

¹²⁸ *Kronika polska, Marcina Bielskiego, s. 784: Daley gdy ku Starzycy szli, do Wolhy rzeki przyszedwszy w pięci mil iedno od Starzyce stanęli, oczekawiając na ludzie nieprzyacielskie, ieśliby bitwę dać chcieli; czego się Radziwił pewnie spodziewał, nad Wolhą pięć dni stojąc. Gdy się nikogo doczekać nie mógł, za rzekę Kozaki y Tatory posłał, którzyby y stamtey strony rzeki ziemię nieprzyacielską pustoszyli: iakoż aże pod nos samemu Kniaziowi kurzyli przez kilka dni, na co z żalością swą wielką z okna patrzył, gdzie napatrzył się ogniw ktore w pułtoru mil od niego nadaley gorzały.*

¹²⁹ *Rzepka W. R., Sajkowski A. Andrzeja Rymszy «Dziesięćcrocna powieść wojennych spraw...» (1585) // Archiwum Literackie. T. XVI: Miscellanea staropolskie, 4. Wrocław, 1972. S. 186–187, 189–190: Sam Książ Wielki Moskiewski na ganek wstąpiwszy / Patrzy ná ony świece, ná doł nos zwiesiwszy. / Mowi do swoich bojar głosem żałobliwym: / «Ach, ach, jużem człowiekiem barzo nieszczesliwym, / Już mi oto pod samym nosem ognie kładą, / Już ku samej Stárzycy niktory z nich jadą. / A za nimi Rádziwił młody zajuszony / Chce mnie samego zwięzać, pobrać dzieci, żony. / Pro Boh, dzieci, w bajdaki co rychlej wsiadajcie, / Żony, dzieci pobrawszy k Moskwie ujeżdżajcie. / Już moja ku mnie przyszła, grechy pokaráli, / Nie szto toho Krysztopa na mię biesi dali. / Bojali sie bojäre moi bátka jego, / A ja sie wielmi boju sam młodziká tego. / Nie umieli wy jemu jego Birzów palić, / Wszytkoście są zmiennicy, niemasz co was chwalić. / Jeszcze to młody junak, niedawno wojuje, / A widzicież jak muźnie moju ziemiłu psuje». / Po tych swoich rozmowach z swojemi bojáry, / Gdzieś ujáchał w szelinę sam Książ Wielki stáry, / Bo tej nocy od niego zbiegl jego pościelnik / Dániło Murza, co był wszech tajemnic wiernik. / I dlatego — nieborak — barzo sie przeleknął, / Musiał stronić, aby sie jako z rázu zemknął... Od tej rzeki Pan Hetman ani odstępował... poszedł w inszą stronę. / Zagony po obu stron*

Мурза» не царский слуга, а, как нам кажется, местный помещик, то возможно, что о растерянности царя, будто бы увидевшего приближение врага своими глазами, он сам знал по слухам. Поэтому поостережемся принимать его описание за что-то большее, нежели слух, народную молву.

Рассказы о том, как Кшиштоф Радзивилл получил неверные сведения о численности гарнизона Старицы, или о том, что царь будто бы сбежал, видимо, нам остается считать поздними попытками обелить командира литовского отряда. Похоже, другие при этом, выгораживая себя, стремились свалить всю вину за несовершенный подвиг на Радзивилла. По словам известия, которое приводит С. Чампи, находившийся в его отряде «воевода Смоленский» Филон Кмита предлагал ему атаковать самого царя, что его старший начальник счел неблагоприятным¹³⁰. Проис-

---

drogi mocne posłał... Sam Pan Hetman pośrzodkiem do Hory Krasnoje / Uszedł z ludem trzy mile, tam położył swoje, / Aby w nocy i koniom i sobie wytchnęli... Alić widzą człowieka im nieznanego / Na báchmácie, á w ubior piękny przybránego. / Szaty ná nim moskiewskie z kutasami kołpak, / Znac, iż jest coś dobrego i ku dobremu znak. / Niedługo tego było dziwu między nimi, / Począł śmieie rozmáwiać z żołnierzmi wszytkiemi. / Murza to był Daniło, ten od Moskiewskiego Kniazia uciekł, który był łóźniczym u niego. / Ten powiedział wsze spráwy Pánu Hetmánowi, / Ktorego wypytawszy, Pan Hetman Krolowi / Posłał zaráz z inszymi więzniami do Pskowá / Dajác znác, iż lud cały, każda rotá zdrowa. / Z tym Daniłem Helijasz Pielgrzymowski jechał / Majác to rozkazánie, áby nie zániechał / Oznajmić to przed Krolem, jako przed ich Pánem, / Co sie dzieje z rycerstwem i jego Hetmanem.

¹³⁰ Ciampi S. Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. Firenze, 1834. P. 260: Credo havere scritto a V. S. che S. M. s'inviò all'assedio, e spedì due dei principali Signori Lituani, uno il Sig. Filone Palatino di Smolensko, et l'altro il Sig. Raggivil Castellano di Troki con buon numero di gente a fare scorreria per il paese del nimico; la quale scorreria fu tale che in 40 o 50 leghe per lungo, et per traverso menorno ogni cosa a ferro e fuoco, et si condussono vicini alla persona del Moscovito solo a quattro leghe, a tale che egli vidde il fuoco delli ediftii che li nostri abbruciavano, il che vedendo, prese partito di fuggirsi, se bene vi era un fiume assai grosso in mezzo, et se il Castellano di Troki havessi voluto seguire l'audacia del Palatino di Smolensko passavano il fiume, et gli davano adosso, et è quasi opinione che stante lo spavento nel quale egli si trovava, che non li

хождение последнего документа туманно. С. Чампи приписывает это письмо флорентийскому архитектору Симоне Джэнга. По нашим сведениям, тот в этот момент находился в Италии и быть автором данного письма не мог.

К счастью, в нашем распоряжении имеется письмо самого Радзивилла от 7 сентября, откуда возникает следующая картина. Литовский военачальник, по его собственным словам, действительно, отступил, опасаясь численного превосходства неприятеля, однако эти страхи касались ржевской группировки русских, угрожавшей ему. Не имея артиллерии для осады укрепленного пункта, нападать на Старицу он и не думал¹³¹. Судя по всему, и Иван Грозный не сильно волновался по поводу возможного нападения врагов, так как, согласно тому же письму, царь отправил три тысячи человек бывшего при нем войска из Старицы в Ржев, где был сосредоточен крупный от-

---

lassava pigliar consiglio, l'haria fatto prigionie. Ma il Castellano governandosi con la ragione più che con l'ardire, sentendosi che egli pure haveva assai gente appresso di se, et parendoli che la loro fusse poca gente, non volse acconsentire all'impresa et cosi sene vennero al campo sotto Plescovia havendo benissimo eseguita la commesione del Re, poi che hanno lassato da quella banda il paese di maniera che la città non può aspettarne sussidio alcuno, come non può anche aspettarne d'altronde.

¹³¹ Акты исторические, относящиеся к России ... Т. 1. С. 356–357 (№229): Eo modo, cum omnia caedibus, et incendiis complerentur, ex captivis compertum est, maximam hostium multitudinem ad castrum Rizovum consedissee, eo quoque Principem Moscum tria millia militum ex aula sua, quibus assidue uti consueverat, misisse, et se loco munito tenere, neque ad pugnam elici posse. Proinde habito consilio castris, vires suas periclitari tam iniqua conditione visum non est. Tum deflexo paululum itinere, solitae populationis administrantur, ita ut non amplius, quam duorum milliarium intervallo nostri sub hostium exercitum succedere non dubitarent; tandem quinque milliarium intervallo nostri locum idoneum inter duo flumina nacti, hostes expectant, si forte ad se oppugnandos advolent. Quibus non apparentibus, parte exercitus per fluvium Volham transducta, Staririum [так у Тургенева] versus, quo in loco Dux ipse Moscorum id tempus erat, excurrunt, et ferro incendiisque grassantur, et non minus quam in quatuor milliarium spatio a Staririo revertuntur, ita ut ipse Dux flammas tectorum procul oculis perlustrare posset. His gestis, tandem se nostri retro, non sine clade hostium ad Toropiecium recipiunt, nullo prorsus accepto detrimento, magnis et contra hosti damnis illatis.

ряд русских сил, готовый отразить вражеский набег. По свидетельству Гейденштейна, Поссевино впоследствии рассказывал, что в этот момент с царем оставалось не больше 700 воинов¹³², что, должно быть, представлялось царю и его военачальникам достаточным. Иван Васильевич, которого в эти дни видели и о котором обстоятельно писали Поссевино и его спутник Кампана, никуда убежать не собирался, а во второй половине сентября мирно отправился к Троице на праздник Сергия Радонежского. Не менее точно то, что никуда не прятался, а оставался с родителем царский сын Иван Иванович, чью руку, наряду с отцовской, иезуиты имели удовольствие целовать в ходе царских приемов. Хотя в донесении Паоло Кампана, кажется, встречается один намек на военную угрозу, это всего лишь заметка удивленного наблюдателя об исключительном благочестии русских: «В Старице, где теперь пребывает великий герцог, — сообщает иезуит, — в крепости (ее нынче обновляют и расширяют) я видел по утрам сотню работников, которые, прежде чем подняться на вал (они возводят его из скрепленных бревен), кланяются, часто-часто крестясь, всем крестам городских церквей»¹³³. Никаких других следов военной тревоги ни он, ни Поссевино не заметили.

Эти факты усугубляют наши сомнения в том, что крещеный татарин «Даниил Мурза» поведал в королевской палатке под стенами Пскова о стенаниях безвольного царя что-то больше, чем кривотолки окрестных помещиков, не знающих, как защитить от рышущих повсюду литовских разбойников свою скотину и амбары. Чем глубже мы погружаемся в эту историю, тем мень-

¹³² R. Heidensteinii De bello Moscovitico... P. 193: ex Possevino, qui tum apud illum erat, cognitum postea fuit, non ultra septingentos milites circa se habebat.

¹³³ Кампана Дж. П. Донесение о путешествии в Московию. С. 218: Vidi Staritiae, ubi magnus dux erat, in arce (quae nunc novo et ampliore communitur ambitu) mane centum operarios, supra vallum illud, quod e contextis trabibus excitabant, conscendentes, prius ad omnes templorum civitatis cruces se, quam saepissime consignando, incurvare. Existimabam prius ad quatuor orbis partes illos se convertere, sed, cum interrogassem, certo intellexi hanc templis et crucibus, in ipsis erectis, ab illis simplicibus hominibus exhiberi venerationem.

ше остается веры в то, что говорливый татарин был очевидцем того, о чем рассказывает.

Но вернемся с нашим историком. Житель Риги Франц Ниенштедт в своем сообщении о гибели русского царевича объединяет обе «военные» версии его конфликта с отцом. Предисловие к хронике этого автора датировано 1604 годом, хотя приведенный в ней материал относится и к более позднему времени. От других писателей Ниенштедт заметно отличается тем, что мало пользуется письменными источниками, а в основном передает устные. Как выражается автор в предисловии, он не историк, а старый человек на закате дней, которому есть что рассказать. По словам Ниенштедта, царевич Иван был возмущен бездействием родителя перед лицом нашествия Стефана Батория: «На что его старший сын сказал ему следующее. Доколе он собирается позволять врагу губить свою страну? Он должен заключить мир. Либо пусть он пошлет его против неприятеля во главе войска. Или пусть он сам встретится с врагом лицом к лицу. Эти слова настолько раздосадовали отца, что тот пронзил его посохом с железным острием, отчего сын скончался»¹³⁴. Кажется, нет поводов думать, что эта «синкретическая» версия является изначальной. Вероятно, ее стоит считать поздней попыткой объединить разные слухи. Мы видим, что такая возможность существует и легко реализуется.

Самое развернутое из всех существующих свидетельств о смерти царевича принадлежит Одерборну. Это целая повесть. Но есть и другие особенности. Нельзя не заметить у Одерборна

---

¹³⁴ Diess schmerzte den Grossfürsten sehr. Darauff sagte ihm sein ältester Sohn, wie lange er sein Land wolle verderben lassen, er sollte Frieden machen, oder ihn als Haupt der Armee dem Feinde entgegen schicken, oder auch selbst dem Feinde begegnen. Das verdross den Vater dermaassen, dass er ihn mit seinem Stabe, daran eine eiserne Spitze war, durchstieß, woran der Sohn starb. Da wurde er vollends zornig vnd vngeduldig. — *Nyenstädt F. Livländische Chronik nebst dessen Handbuch* / hg. v. G. Tielemann // *Monumenta Livoniae Antiquae: Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen*. Bd. 2/2. Leipzig, Riga 1839, S. 81.

явные переключки с историей, рассказанной «Даниилом Мурзой» о переполохе в Старице в конце августа 1581 года. В обоих случаях с инициативой поставить во главе войска молодого царевича выступает не он сам, а другие люди. В других похожих рассказах — например, у Поссевино — этого нет. Согласно Одерборну, к царю обращаются «владимирцы», то есть, как мы уже поняли, скорее всего жители Ржевы Владимировой. При этом видны также следы других источников, помимо нашего. Так, импульсивный отказ царя от власти, вероятно, восходит к рассказам об учреждении опричнины. Реалистические детали — как-то похороны царевича в Архангельском соборе московского Кремля рядом с гробами предков — укрепляют в мысли, что готовая история попала в текст со слов русских людей. В то же время очевидно, что писатель присовокупляет собственные сведения, а именно он упоминает письмо, написанное Иваном Грозным Стефану Баторию, содержащее просьбу пропустить в Грецию щедрую милостыню на помин души царевича Ивана Ивановича. Одерборн утверждает, что «даже слышал, как это письмо, взятое у королевского секретаря, зачитывали».

Обратим внимание, что у Одерборна данная история корректно соотносена с другими историческими событиями. Никакой обычной для этого автора путаницы здесь нет. Сюжет представлен реакцией русского общества на поражения, понесенные от шведов в Прибалтике, и, в особенности, на взятие неприятелем Нарвы, то есть говорится о событиях осени 1581 года. Автор начинает рассказ с того, как «московский народ» устал от бесконечной войны, ее жестокостей и жертв. Люди волновались и роптали, в особенности «дивясь на бездействие своего государя». Долгое время их сковывали и вынуждали молчать страх перед тираном, но еще больше опасения, которые они внушали друг другу: каждый боялся, что, скажи он слово, на него донесут и выставят смутьяном и заговорщиком. Наконец, получилось так, что сошлись «владимирцы и кто-то из соседствующих с ними» и предстали перед «Базилидом». Заверив его в своей преданности, они затем обратились к нему с речью об ужасах войны, которая пришла на их землю и длится уже три года —

то есть имеются в виду войны с Баторием. По их мнению, борьба с врагом ведется недостаточно решительно, отчего тот и побеждает. Надо воспрянуть духом и что есть силы ударить на врага. Однако для этого необходим вождь. Потому явившиеся к царю попросили его поставить во главе войска своего старшего сына, обещая, что, в таком случае, бесстрашно пойдут в бой и на глазах у царевича сложат головы.

«Базилид слыл не только величайшим царем, но и умельцем об-
щаться с потусторонними силами. Он велел распусть по Моско-
вии слух, будто он сторонится тревог польской войны, повинуюсь
велению свыше. Так вот, едва граждане потребовали для себя за-
щиты, почти обвинив его в пренебрежении своими обязанностями,
Базилид тотчас завопил, что против него устроили козни и замыс-
лили измену и что гибельный разгром или отравленная ненавистью
победа неизменно ожидают каждого, кто вздумает воевать без при-
каза своего государя, — кто решается на такое, зачастую бывает
подвержен бесчисленным наветам».

После этих горячих речей «Базилид» вышел к людям без своих
стражников и швырнул в народ свою царскую корону, веля отдать
ее тому, «кто сумеет ими повелевать и кому они сумеют пови-
новаться». Затем он принялся рассуждать о своих былых заслу-
гах, возвеличивших его народ, и обвинил собравшихся в том, что
«они хотят иметь такого государя, которым могли бы помыкать».
Когда тех охватил стыд и они просили его царствовать над нами,
«Базилид» добился от них казни зачинщиков возмущения, а после
обратился к сыну с упреками в причастности к этой измене:

«И ты, злодей, лелея такие замыслы, смеешь являться на глаза отцу?
Возбуждаешь, как безумный, ненависть и смуту? Неужели ты на-
столько забыл свой сыновний долг? Не нашел лучшего случая по-
воевать, чем невзгоды родителя и бедствия неудачной войны? Тем,
что народный глас назвал тебя вождем, не пытаешься ли ты отнять
достоинство, не скажу, у отца, а у вождя твоих сограждан? Что
ищешь ты в этом сговоре, если не моей смерти? А раз ты не призна-

ешь в отце государя Московского, и я поведу себя скорее как государь, нежели отец, и примерно тебя покараю, дабы впредь никто не посмел смеяться над родительскими невзгодами».

Царевич страшно перепугался и хотел было оправдаться, но отец дал ему знак молчать и нанес удар железным посохом в висок. От волнения Иван Иванович поначалу не заметил раны, потом, обливаясь кровью, упал, и только тут отец понял, что случилось. Раненый отрицал, что был инициатором возмущения. Не без сарказма «он пожелал, чтобы отцу досталась власть над всей вселенной и чтобы с большим счастьем он воевал с врагами, чем со своими детьми». Произошедшее вызвало много разговоров и великое смятение в народе¹³⁵.

---

¹³⁵ Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. [S7]–T2v.: Porro Moschorum gens tantis periculis et calamitatibus vexata, cum caedium, feritatis, atque saevitiae nullum inveniri posse finem arbitaretur, cumque universi senum captivitatem, filiorum mortes, virginum et matronarum stupra, oppidorum religionisque et libertatis excidium, apud animos suos reputarent, a mente consilioque deturbati tumultuari coepere, et Principis sui cunctationem admirari. Sed tyrannidis metus, et insita in hominibus levitas et inconstantia faciebant, ut cum neque fidem sancte colerent, nullus eorum fidem socii adiungeret: et cum ex suo ingenio quisque alios fingeret, reliquos suspectos haberet, et perpetuo etiam timeret, ne tamquam coniurationis alicuius author ad Principem deferretur. Coiere tandem Vlodomirii cum vicinis quibusdam populis, et se ad propulsandum commune malum paratos Basilidi obtulerunt; contestatique primum sibi fide et obedientia erga Principem nihil esse antiquius, defensionem petiere. Multis, inquit, mensibus, et totum triennium patriae calamitatem sedentes intuemur, religionem interea et libertatem nostram pessundat hostis; captivitate senes, caedibus iuventus, stupris filiae nostrae faedantur: vastitas agris, excidium civitatibus adfertur, et nos a pristina virtute tantum degeneravimus, ut praeclarius esse putemus hosti terga obvertere, quam cives a clade incolumes praestare, et pro patria honeste mori. Sciunt adversarii gentem ignavam facile superari posse, ideoque confidentius miseriae et infortunio nostro insultant: Si vero coniunctis viribus obviam illis progressi fuerimus, hominum audacissimorum insolentiam haud difficulter contundemus, patriamque ab aeterno periculo vindicabimus: idque ut alacriter faciamus templa, arae, religio suadent, patria postulat, liberi et libertas hortantur. Quando autem dux et author nobis ad hanc rem opus est, rogamus te serenissime Princeps et Domine noster, ut filium tuum natu maiorem nobiscum in honestissimam militiam mit-

tas. Illo quippe in oculis nostris versante veterem bellicae virtutis opinionem facile recuperabimus, et pro patria vitam sanguinemque effundemus. Basilides non tantum maximi regis existimationem, sed et divinitatis opinionem apud suos habebat, rumoremque in Moschovia spargi iusserat, se Deorum monitu ab istis Polonici belli tumultibus retractum feriari. Igitur cum a civibus defensionem postulantis quasi neglecti officii accusaretur, fremere statim coepit, sibi insidias fieri et dolos strui, et proditionem parari adfirmans, et sane ita fieri solet, ut quoties aliquis bellum sui Principis iniussu suscipit, offensio sit pestifera, et victoria invidiae plena: et qui tali aliquid molitur, calumniis plerumque innumerabilibus obnoxius est.

Postea Basilides in publicum etiam sine satellitibus processit, proiectoque in vulgus diademate ac purpura, dare eos haec alteri iussit, qui aut imperare illis sciret, aut cui parere ipsi scirent. Comemorat deinde beneficia sua, ut Livoniam subegerit, ut Turcas Tattarosque compescuerit, ut denique dignitatem gentis suae non solum defenderit, verumetiam auxerit. Quorum si illos poeniteat, deponere imperium, et tradere illis regnum suum, quia Principem quaerant cui imperent. Quum populus pudore motus, recipere eum regnum iuberet, tandiu recusavit, donec seditionis auctores supplicio traderentur. Post haec ad filium conversus ait, aususne es nefandissimum caput, ista mente, et animo praeditus in conspectum patris venire? Et odia ac seditionem velut exultabundus excitare? Usque adeone omnis pietatis oblitus es? Nulla pugnandi occasio aptior quam calamitas patris, et belli infelicis aerumnae fuerunt? Quid quod populi suffragio Dux vocatus, non dico patrem, ducem certe civium tuorum dignitate privare conatus es? Et quid porro tu in facto isto, conspirationeque aliud quam interitum meum quaeris? Quoniam igitur tu in patre Principem Moschorum non agnoscis, ego quoque Principem me magis quam patrem indicabo, statuatque in te exemplum ne quis posthac infelicibus miseris parentum illudat. Ad eam obiurgationem Ivanus vehementissime consternatus, cum deiectis ad terram oculis defensionem pararet, et supplex locum ad dicendum causam sibi dari postularet, in ipso orationis exordio Basilides adolescenti conturbato tacendi signum dare volens Scipione ferrato eius tempora percussit. Ille cum plagam prae consternatione et metu nondum sentiret, nequaquam vulneratum se credidit, et mox inter eundem toto corpore cruore madens in conspectu patris exanimis in terram collapsus est. Ibi pater confossum vulnere filium, sed spirantem adhuc animadvertens, statim ex furore in poenitentiam versus, manus in coelum tendit, querelasque flebiles edit, nunc adfatur, nunc osculatur, nunc solatur iacentem, nunc sortem suam, nunc publicam fortunam deflet, nunc Deos accusat, qui juvenem tam charum in hoc malum coniecerint. Filius audito patris clamore, id saltem praesentis fortunae solatium se habere dixit, quod nequaquam postremas voces in cassum emissurus esset. Sibi quidem ab eo sanguinem et vitam ereptam esse a quo vitam sanguinemque acceperit, sed scire Deum, quod nullius conspirationis fuerit author: optare se, ut patri terrarum omnium con-

Известное свидетельство Джерома Горсея кажется сложным из разной информации. Часть его слов похожа на слухи в среде московских иноземцев, уверовавших в то, что юный принц погиб из-за них. Нам это, наверное, не очень интересно. Другая мелькнувшая у него мысль — видимо, прямая параллель к описанию Одерборна. По словам Горсея, некоторые усматривали причину конфликта между царем и его наследником в том, что царь с ревностью относился к «слишком хорошему мнению, как он думал», своих подданных о своем сыне¹³⁶.

То, что у Одерборна показано в форме одного связного повествования, Гейденштейн демонстрирует нам как два отдельных известия. Согласно Гейденштейну, одни толкуют, что сын вызвал царский гнев, поскольку «настойчиво требовал от отца

---

tingat imperium, utque felicius in hostes quam in filios ferrum stringat. Iam se iustam magis quam gravem sepulturae veniam orare. Inter haec ingens in populo strepitus, magna trepidatio, magis omnes Principis calamitatem, quam suam miseriam lugebant. Ipse Basilides quasi mente commotus, humi tantum con-sedit, non cibum non potum poposcit, non denique servilem sorditamque togam deposuit, et acclivis parieti, cum lethalem in ore filii pallorem conspexisset, dies noctesque orbitatem suam et miserabilem filii casum deflevit, qui tandem quinta post acceptum vulnus die, inter tristissimos animi corporisque dolores exspiravit. Eum solenni et regio funere elatum quum populus nequaquam adulanter luxisset, pater ipse, qui in suprema usque vitae momenta erga morientem omnibus tenerioris amicitiae et pietatis officiis erat perfunctus, ita desideravit, ut cum lachrymas tardissime deposuisset, si forte eius elegantissimi iuvenis memoria induceretur, vel laetiore in sermone veterem tristitiam et lachrymas ad oculos revocaret. Exsuvias in templo Micaelis regio more sepeliri, et maiorum tumulis inferri iussit. Cumque illud facinus Deum assiduis cladibus gentis, et interitu totius populi, vindicaturum opinaretur, supra septuaginta septem aureorum nummum millia in Graeciam ad Patriarchas Constantinopolitanum et Alexandrinum, Monachosque sepulchrum Domini Iesu custodientes transmit, ut illi precibus et sacrificiis animam defuncti expiarent, ab infernalibusque poenis eam eriperent. Litteras deinde ad Stephanum regem fecit, quibus legatis suis eleemosynam ad Graecos deportantibus securum per Poloniae fines ab-
tutum impetrabat, quas Paullus Oderbornius, qui haec conscripsit, a regio Secretario acceptas recitari etiam audivit.

¹³⁶ Sir Jerome Horsey's Travels and Adventures in Russia and Eastern Europe / ed. J. A. Butler. Cambridge, 2018. P. 59: jealousy of greatness and too good opinion of the people, as he thought.

дать ему армию, чтобы сразиться с королевскими войсками». Другая записанная автором новость для нашего исследования особенно драгоценна. Только из Гейденштейна выясняется, что за показания дали пленные, захваченные отрядом Спытка Иордана в декабре 1581 года под Новгородом:

«Иордан отослал Замоискому двух знатных московитов, схваченных в результате внезапного набега. От них узнали о смерти Иоанна, старшего сына их государя. [Сыноубийство, по их словам, имело следующую причину. — И. Д.] Когда отец стал похваляться множественством своих богатств и сокровищами, сын ответил, что он предпочитает сокровища польского короля под названием «доблесть» и «сила духа». Пусть царь богат, а король, в сравнении с ним, беден, он, тем не менее, опустошает его владения огнем и мечем и отнял у него большую часть царства»¹³⁷.

Наконец, в череде версий сыноубийства фигурирует конфликт на почве сексуальных отношений. Слух этот явно русского происхождения. Позднее свидетельство «Временника» дьяка Ивана Тимофеева С. Б. Веселовский комментировал следующим образом: «О смерти царевича Иван Тимофеев знал только слух: “... От рукобиения бо отча, глаголют нецци, живот его угасе, за еже отцевки в земных неподобство некое удержати хотя”, т. е.

¹³⁷ R. Heidensteinii De bello Moscovitico... p. 211: Miserat ad Samoscium Iordanus duos nobiles Moscos repentina excursione oppressos. Ex iis de Ioannis maioris natu principis filii morte cognitum fuit. Hunc cum pater opum suarum magnitudinem ac thesauros iactasset, ille vero iis Regis thesauros virtutem ac animi fortitudinem praetulisset, quibus etsi illis, quibus pater abundaret, inferior esset, nihilominus ditiones eius igni ferroque vastaret, magna parte regni eum exuisset, vel ut quidam dicerent, cum obstinatius a patre exercitum, quo cum regio exercitu dimicaret, flagitasset. Iratus vero illi pater, scipionem in caput impегisset... Обратим внимание, что существующий русский перевод этого места совершенно извращает смысл сказанного. К этому сообщению Гейденштейна явно восходят слова хроники Бельского. *Kronika polska, Marcina Bielskiego*, s. 786: Tegoż czasu Moskiewski Iwana syna swego starszego zabił o to, że gdy mu skarby swe ukazował, tedy mu miał rzec: Acz ty masz skarby niemałe a Król Polski ich nie ma, jednak cię przedsię woiuie.

потому, что он пытался удержать отца от какого-то “неподобства” в поведении. Из этих слов дьяка Ивана Тимофеева для современников было ясно, что речь идет о снохаческих “неподобствах” царя»¹³⁸.

Тема ясно проговаривается в газете, полученной в канцелярии герцога Феррарского. Со ссылкой на некое письмо от 7 января 1582 года это известие сообщает о бое («*clades Moscorum*») под стенами Пскова 4 января. Но затем, кажется, речь заходит о содержании другого письма: «Королевский врач пишет, что старший сын великого герцога убит отцом. Когда зараженный беспрестанной и постыднейшей похотью Московит-отец не пощадил даже собственную сноху, сын не смог дальше терпеть такого поношения и резко потребовал у отца ответа. Раздраженный этим требованием, отец ударил сына ногой с такой силой, что от этого удара через три дня тот скончался. Говорят, сын этот превосходил жестокостью отца и всех своих предков, и когда он был еще младенцем, его нельзя было унять иначе, как набросив красную тряпку»¹³⁹. Последняя подробность немного туманна, но потому и не похожа на выдумку пишущего. Обычно так выглядит неумение передать чужую мысль.

Кажется, через призму этого и других похожих свидетельств требуется взглянуть на слова из письма Лудовико Фулиньо, секретаря епископа Виленского Юрия Радзивилла, нунцию Болоньетти из Вильны от 11 января 1582 года: «Не премину сообщить Вашей милости новость, дошедшую до короля... Его Величество извещен, что умер старший сын Московита, которого он

---

¹³⁸ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 337–338.

¹³⁹ Archivio di Stato di Modena, Cancelleria ducale, Avvisi e notizie dall'estero, busta 12: *Medicus Regius scripsit filium magni Ducis maiorem natu a patre interfectum, cum enim Moscus pater perpetuis et faedissimis libidinibus contaminatus, ne a nuru quidem sua abstineret, filium tantam iniuriam amplius ferre non potuisse et de ea graviter cum patre exposulasse, qua exposultatione commotum patrem filio calcem tanta vi impigisse, ut ex eo ictu intra triduum perierit. Narrant filium hunc ipsum et patrem, et maiores omnes suos crudelitate superasse et cum adhuc infans esset nisi rubro panno obiecto compesci non potuisse iratum.*

особенно любил. Он сам и причинил сыну смерть, ибо, воспылав внезапным гневом, ударил того ногой в гениталии, отчего он умер. Впрочем, пока сын лежал при смерти, отец велел вознести множество молитв, освободил много заключенных и вершил другие дела благочестия ради исцеления умирающего»¹⁴⁰. К нашему удивлению, в XVI веке ранение мужчины в половые органы многим казалось смертельным. Достаточно вспомнить описание казни дьяка Ивана Висковатого у Шлихтинга. К первым рассказам о произошедшем, вероятно, восходит также свидетельство Яна Лазицкого: «В конце 1581 года — как Ирод, по свидетельству Макробия — [царь] убил собственного сына, говорят, по той причине, что тот без конца увещевал его заключить мир с королем Польши и избегать постелей чужих жен»¹⁴¹.

Сравним сказанное со свидетельством венецианского автора Джан Карло Сарачени, писавшего несколько лет спустя в своих дополнениях к известной хронике Натале Конти: «Когда его старший сын стал призывать его [царя Ивана Грозного] к заключению мира, тот ударил его ногой. Удар был нанесен в пах и убил его. Это был молодой человек большого ума, которому не нравилось, что отец несправедливо и нечестно удерживает чужие земли. Он также побуждал его беспрестанно заглаживать свои злодеяния и жестокости. Кроме того, говорят, что тиран плотски жил с княгиней своей снохой, и сын был ненавистен отцу еще

---

¹⁴⁰ Акты исторические, относящиеся к России... Т. 1. С. 372–373 (№244): Non voglio restare di dire a V. S. Illma una nuova, la quale è venuta al Re dopo scrit... T'alligata. Sua Maestà è avvisata, una ch'è morto il figlio primogenito del Moscovita ch'era il suo favorito, e molto caro. Egli medesimo è stato autore della morte del figliolo, perché essendo entrato in una subita collera gli diede di un calcio ne genitali, ond'è morto, con tutto che mentre stava ammalato il padre facesse fare molte orationi, e liberasse molti prigioni, e facesse altre opere pie per la salute del suddetto.

¹⁴¹ [Łasicki J.] De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu. Spiraе, 1582. P. 102: Occidit idem uti Herodes, Macrobio teste, Filium suum, Anno 1581 exeunte, eam ut fertur ob causam, quod se ad pacem cum Rege Poloniae componendam, et thoros alienarum uxorum vitandos, identidem ab eo moneri videret.

и по этой причине»¹⁴². Между прочим, последний автор использовал для цитируемого издания кое-какие материалы, предоставленные Поссевино¹⁴³. Отойдя от дел, Антонио Поссевино в эти годы преподает теологию в иезуитской коллегии при Падуанском университете и активно контактирует с венецианцами. Другая версия, приведенная в его книге «Московия», была воспринята известными протестантским писателем из Ростка Давидом Хитреем. Очевидно, сначала сообщение Хитрея ограничивалось одной фразой о непреднамеренном убийстве царевича, что, как пишет автор, случилось полтора года назад, то есть эта фраза была написана в 1583 году. Подробности приведены ниже, и они явно восходят к книге «Московия», увидевшей свет три года спустя. Пересказывая Поссевино, Хитрей привносит одну деталь от себя, а именно уточняет, что смертельный удар был нанесен «ногой или посохом», хотя дальше сказано, что он пришелся в висок¹⁴⁴. Выходит, и Давид Хитрей что-то слышал про удар не посохом по голове, а ногой в пах.

Но вернемся к Поссевино. Напомним, что в своем первом рассказе о гибели царевича, которым в первых числах мая 1582 года он делится с Г. Фаренсбахом, Поссевино упоминает два последовательных удара, нанесенных царевичу «ahn das Leib», то есть скорее всего «в живот», причем уточняется, что второй «пришелся в одно опасное место»¹⁴⁵. Как не увидеть

¹⁴² Delle historie de' suoi tempi di Natale Conti Parte Seconda. Di Latino in Volgare nuovamente tradotta da M. Giovan Carlo Saraceni. Aggiuntevi di più e postille. Venetia, 1589. P. 445v.: Anzi poco dappoi esortandolo il figliuolo maggiore alla pace, diedegli d'un calcio; e percotendolo nell'inguine, ammazzollo: giovane di ottimo ingegno, a cui spiaceva, che il Padre tenesse contra il giusto e l'honesto occupati i luoghi altrui. Confortavalo anco di continuo ad ammendare le sceleragini e crudeltà: anzi riportava il tiranno fama di usare carnalmente con la Prencipessa sua nuora, consorte del figliuolo; il quale per questo rispetto ancora era dal Padre odiato.

¹⁴³ См. об этом наше предисловие к упомянутому изданию донесения Паоло Кампана. С. 109–110.

¹⁴⁴ D. Chytraei Sylva Cronici Saxoniae et vicini orbis Arctoi. Ab anno Christi MDLXXX usque ad MDXC. Argentinae, 1590. P. 184.

¹⁴⁵ См. прим. 74.

в этих словах намек на половые органы? Правда орудием здесь выступает посох. Иная версия произошедшего, по прошествии нескольких лет изложенная Поссевино в книге «Московии», при ближайшем рассмотрении выглядит выхолощенным вариантом истории свекра и снохи. Действительно, в этом рассказе не все так гладко. Зададимся простым вопросом, что Иван Грозный делал в покоях молодой царевны, где застал ее в неглиже? У Поссевино ясно сказано, что она в таком виде не бродила по дворцу, а лежала на лавке, «не думая, что к ней кто-то войдет» («neque ad se quemquam aditutum putabat»). И ноябрь, наверное, не самое жаркое время года, чтобы сильно мучиться от жары и не одеваться. Нами уже сказано, что единственным предметом трений между отцом и сыном, о котором Поссевино узнал до своего отъезда под Псков, то есть при жизни Ивана Ивановича, были жены царевича, которых царь к неудовольствию сына одну за другой отправлял в монастырь. В такую причину конфликта итальянский иезуит, видимо, мог поверить. Грязные разговоры вокруг этого он отказывался считать правдой. Заметим, как автор резюмирует свой рассказ из книги «Московия» годы спустя в «Донесении... Бареццо Барецци»: «Богу было угодно, чтобы у отца с Джованни [т. е. царевичем Иваном] возникла распря из-за жены последнего, в чем не было, впрочем, ничего неблагопристойно»¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Ma Iddio permise, ch'el padre venendo a contesa con Giovanni suo primogenito per conto della sua moglie, in cosa però non dishonesta, e ferendolo più gravemente di quel che voleva, con quel bastone ferrato, ch'egli soleva portare, l'uccidesse. — Relazione della segnalata, et come Miracolosa Conquista del Paterno Imperio, conseguita dal sereniss. giovine Demetrio Gran Duca di Moscovia, l'Anno 1605... Raccolta da sincerissimi avvisi per Barezzo Barezzi. Firenze, 1606. P. 5. От «Бареццо Барецци» и «Московии» Поссевино — прямо или опосредованно — отталкивается художественная фантазия испанского классика. См.: Балаишов Н. И. Лопе де Вега и проблематика испанской драмы XVII века на восточнославянские темы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXII, вып. 1. М., 1963. С. 9–10. В известной пьесе Лопе де Вега, первоначально называвшейся «Новые деяния великого князя Московского», супруга царевича Хуана по имени Изавела собирается вступить в любовные отношения с одним из придворных. Запо-

У Павла Одерборна описано покушение царя Ивана Грозного на честь другой своей снохи, жены сына Федора Ирины Годуновой, которая своим криком не дала насилию состояться. Нас волнует не столько эта аналогия — что говорили о царе Иване, мы уже поняли, — сколько следующие подробности: «Не получив того, что хотел, и видя, что из-за этой гнусности некоторые насупились, он приказал казнить шесть дворян, чтобы некому было разгласить дело в народе»¹⁴⁷. Остальных царь предпочитает льстиво увещевать. В самом деле, речь идет о считанных свидетелях, которые скорее всего станут молчать. Прав С. Б. Веселовский: едва ли мы в силах узнать о внезапной болезни царевича что-то, кроме разговоров тех, кто не мог знать правды. Кривотолки вокруг царской семьи возникают в ответ на ее способность хранить свои тайны. Весь наш материал — окно в мир устной культуры Московского царства.

Остановимся на этом и подведем итог. Мы увидели довольно много сюжетов, которые теоретически могут иметь отношение к знакомой нам исторической песне, и мало связности. Более того, налицо ряд неразрешимых противоречий между отдельными мотивами. Вместо того, чтобы сетовать на источники, которые не преподносят нам простой ответ, лучше увидеть в этом драгоценную подсказку. Парадокс заключается в том, что начало складывания песенного сюжета мы уловили лучше, чем последующие этапы. Непротиворечив и понятен разве что переход от истории, рассказанной Стефаном Баторием, к истории Камилло Капилупи. Дальше наступает туман. Действительно, сюжет в изложении Батория и Капилупи явным образом построен на инверсии своих и врагов и исключает виновность жертвы и внутрисемейный конфликт: чудовищность описанной ситуации изначально в том

дозренная свекром, она в ответ сама обвиняет его в желании ей овладеть. Вспыхнувший из-за этого конфликт между отцом и сыном кончается роковым ударом и смертью наследника.

¹⁴⁷ *Ea spe frustratus cum infestos sibi nonnullos propter id scelus videret, ne esset, qui rem in vulgus efferre posset, homines sex nobiles interfici iubet, et in his Micaelem Sussinum, virum claritate generis et operibus erga patriam illustrem. — Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. Vv.-V2.*

и состоит, что под ударом оказываются не враги и недоброжелатели, а самые верные и близкие люди. Чтобы из этого материала могла возникнуть «Песня о гневѣ Ивана Грозного на сына», записанная фольклористами, где, наоборот, речь идет о распре между отцом и сыном, который вдруг оказывается его политическим противником или заподозрен в нелояльности, это изначальное содержание должно было быть напрочь забыто.

Видимо, сначала отдельно — как прифронтовой слух, «разговор» — складывается отмеченная Б. Н. Флорей история об оппозиционности царевича Федора, поддержанного дядей Никитой Романовичем при безмолвствующем отце. Очевидно, подразумевается, что сын возьмет верх над родителем, который в бессилии отступит. Судя по всему, этот смоленский слух оживает потом в новом виде рассказа о скандале в благородном семействе, нелояльности царевича и ответном гневѣ царя, едва не окончившемся смертоубийством — в «Песне о гневѣ Ивана Грозного на сына», — или даже приведшим к смерти царевича — в рассказах о реальной гибели царевича Ивана Ивановича. В наше поле зрения попал еще ряд любопытных деталей. Так, может быть релевантной, имеющей отношение к будущей песне показанная у Гейденштейна сцена хвастовства, вылившегося в конфликт между отцом и сыном. Что-то похожее, вариации на этот мотив известны по многим записям фольклористов. Не забудем также наблюдения В. Б. Кобриня, что в какой-то момент на роль Никиты Романовича в легенде попытались подставить Бориса Годунова. При этом нельзя не оговориться, что еще больше мотивов решительно никуда не вписывается. Чего стоит одна тема столкновения отца и сына по почве любовных страстей! Интересующую нас историческую песню и картину народного поэтического творчества, к которой мы приходим в результате ее рассмотрения, наверное, можно описать известной строчкой из нашей высокой поэзии: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда». Благодаря свидетельствам иноземцев обнажается почва нашего фольклора, которая выглядит весьма непривычно.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ДОКТОРА КЕЛЛЕРМАНА

В истории языкознания имя правителя Флоренции Козимо III нашло свое неожиданное место. Заинтересовавшись финским языком, он попросил составить для него грамматику и словарь этого языка своего знакомого по Падуанскому университету врача и полиглота из Гамбурга Мартина Фогеля (1634–1675). Немецкий ученый отдался этому заданию со всей страстью. В желании максимально полно раскрыть «характер» («indoles») финского языка он анализирует его фонетические, морфологические и синтаксические особенности, ищет образцы разговорной речи, наблюдает за его распространением на огромной территории до Белого моря, изучает диалекты, родственные языки. В частности, Мартин Фогель сумел впервые обосновать структурное родство финского и венгерского языков, указав, таким образом, на то, что после стали называть финно-угорской языковой семьей. До него близость языков искали и находили на уровне лексики. По мнению Фогеля, с большей достоверностью устанавливать родство языков возможно путем сопоставления их морфологии и синтаксиса. Как известно, эта мысль является краеугольным камнем сравнительного языкознания сегодня¹⁴⁸.

При этом финский был лишь одним из многих языков, увлекавших великого герцога Тосканского. В письме секретаря польского короля по имени Санти Бани от 14 апреля 1683 года гово-

---

¹⁴⁸ Wis C. *Alle origini della linguistica comparativa: Martin Fogel // Studi finno-ugrici II* (1996–1998). P. 51–151.

рится, что он высылает Козимо III польскую грамматику, с такими пояснениями: «Она одна из лучших, что есть, или единственная толковая, а в наши дни это редкость»¹⁴⁹. Другой секретарь польского короля итальянского происхождения Томмазо Таленти в письме великому герцогу от 7 марта 1685 года сообщает: «Нижайше осмелюсь приложить для вашего высочества небольшую книжицу, напечатанную на языке московитов, в огорчении, что при всем моем старании я не смог раздобыть ничего лучше». «Две литовские книги, одна из которых — трехязычный словарь, а другая — годовой круг евангельских чтений на литовском и польском языках», он посулил выслать позднее¹⁵⁰. Третий корреспондент великого герцога пояснял содержимое одной своей посылки, отправленной тому «через Амстердам и оттуда с первой возможностью [т. е. с первым кораблем — И. Д.] в Ливорно», следующим образом: «В ней как следует упакованы такие книги: одна весьма любопытная Библия на финском языке, словарь того же языка, грамматика исландского языка... Я жду еще кое-какие книги из Швеции, но они запаздывают, и я решил сперва выслать эти»¹⁵¹.

Автор последнего письма — Теодор Керкринг (1638–1693), еще один врач из Гамбурга, чье имя вошло в анатомические атласы (я имею в виду эпонимы «керкринговы складки» слизистой оболочки кишечника, «керкрингова косточка», появляющаяся у плода на 16 неделе беременности). Есть известный исторический анекдот о том, как Спиноза влюбился в дочь своего учителя, а та предпочла ему другого студента. Его звали Теодор Керкринг. Тем не менее их научные пути потом сошлись самым счастливым образом. Спиноза зарабатывал на жизнь шлифовкой линз и изготовлением приборов. По словам Т. Керкринга,

---

¹⁴⁹ Ciampi S. Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliewitch. Firenze, 1827. P. 72.

¹⁵⁰ Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato (далее: ASFi, MdP), 4495, f. 267r.–v.

¹⁵¹ Ciampi S. Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche... T. 1. Firenze, 1834. P. 220.

он создал для него превосходный микроскоп, с помощью которого на несколько лет раньше Левенгука он открыл микроорганизмы¹⁵². Запомним этого человека. Он сыграет роль в истории, которую я хочу рассказать.

Ряд исследователей обращает внимание на материал, свидетельствующий о желании Козимо III познакомиться с языком жителей Московского государства¹⁵³. Я попытаюсь его суммировать. 21 апреля 1682 года Козимо III просит Теодора Керкринга раздобыть для него «какую-нибудь книгу на языке московитов да какой-нибудь словарь этого языка». Не сумев найти подобных книг в Гамбурге, Керкринг обратился к некоему другу из Амстердама. Об этом говорится в его ответном письме от 17 мая. 5 августа того же года он ставит великого герцога в известность, что отыскать словарь «языка московитов» оказалось невозможным и что «один датский посланник, проведший в Московии несколько лет», заверил его в том, что не существует опубликованного словаря, в котором язык жителей этой страны «объяснялся бы посредством какого-либо из европейских языков», а есть только русско-[старо]славянский, излагающий «*obscurum per obscurius*», от которого наверняка будет мало проку¹⁵⁴.

Керкринг расспрашивает отнюдь не случайного человека. Речь здесь идет о лучшем специалисте по русскому языку во всей Европе, Гильдебранде фон Горне (1655–1686). Голштинец по рождению, он состоял на дипломатической службе у датского короля Христиана V. Впервые он побывал в России в 1676–1678 годах в качестве секретаря посольства Ф. Габеля. В свой следующий приезд в Москву, продлившийся с мая по декабрь 1681 года, он имел уже самостоятельное задание. В пись-

---

¹⁵² Theodori Kerkringii... Spicilegium anatomicum... Amstelodami, 1670. P. 178–179.

¹⁵³ Ciampi S. Sullo stato dell'arti e della civiltà in Russia, prima del regno di Pietro il Grande // *Antologia*, №XXXI, agosto 1828. P. 31–33; *Он же*. *Bibliografia critica*... Т. 1. P. 218–220; Villani S. *Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo* // *Nuovi studi livornesi*, XIV (2008). P. 79–80.

¹⁵⁴ Villani S. Указ. соч. со ссылкой: ASFi, MdP, 4287, без пагинации.

ме от 6 декабря 1681 года Гильдебранд фон Горн сообщает, что на прощальной аудиенции он получил от царя в подарок дюжину русских книг в роскошных переплетах, и поясняет это так: «Его царское величество был несказанно рад узнать, что я весьма ценю русский язык («eine grosze estime für die Reüzische sprache hätte»). Отчего он и пожелал наградить меня сказанными книгами, дабы я не только запомнил его царскую милость, но и мог впредь упражняться в этом языке». Правда, следующая фраза сбивает с толку, ибо дальше вдруг говорится о [старо]славянском языке: «Я возблагодарил его царскую милость и заверил, что, не питая я вовсе никакой особенной склонности к славянскому языку («keine grosze lust zur Schlavonischen sprache»), одного этого [подарка] было бы достаточно, чтобы сделать его милым моему сердцу»¹⁵⁵. Что же касается упомянутой беседы с Теодором Керкрингом, ее возможность около этого времени подтверждается депешей, отправленной Гильдебрандом фон Горном датскому королю из Гамбурга 14 июля 1682 года¹⁵⁶.

Несколько недель спустя в переписке секретаря Козимо III аббата Бассетти с тосканским агентом в Амстердаме Джоакино Гваскони потребность в словаре русского языка представлена иначе. По поручению правителя Флоренции, Бассетти просит своего корреспондента выяснить, нельзя ли получить из России описание сухопутного пути в Китай. Если такой рассказ найдется и окажется составленным или опубликованным по-русски, для ознакомления с ним потребуется также отправить во Флоренцию словарь русского языка. В противном случае, по словам Бассетти, высылать словарь не нужно¹⁵⁷. Нам остается подумать,

---

¹⁵⁵ Relationer til K. Christian den Femte fra den danske envoyé i Moskov Hildebrand von Horn // Wegener C. F. (udg.) Aarsberetninger fra det Kongelige Geheimearchiv, indeholdende Bidrag til dansk Historie af utrykte Kilder. Kjøbenhavn, 1876–1882, s. 198.

¹⁵⁶ Там же. S. 191.

¹⁵⁷ Такую информацию содержат три связанных документа. Первый — выписка из письма московского жителя Франческо Гваскони от 18 июля 1682 года, сделанная рукой его брата Джоакино и отосланная последним из Амстердама во Флоренцию в письме от 4 сентября. На обороте этого

что в этот момент он еще не был в курсе пробудившегося интереса великого герцога к русскому языку как таковому, а также не знал содержания его переписки с гамбургским врачом Теодором Керкрингом. Как мы увидим ниже, позднее он сам примет в ней деятельное участие.

Не доверившись словам ученого голштинца, Керкринг продолжил поиски. В очередном письме во Флоренцию от 8 ноября он подводит их итог: «ни в Голландии, ни во всей Германии», «в самых больших и прославленных библиотеках, какие только есть», словаря русского языка не нашлось. Зато нашелся человек, «один друг», способный дать «письменно разъяснение большей части русских слов» («della maggior parte delle parole mosche»). Об этом немаловажном эпизоде я, к сожалению, знаю лишь из статьи уважаемого коллеги С. Виллани, где о нем сказано скороговоркой. Ясно то, что ничего путного из этого не вышло. Выяснить подробности получится, когда появится возможность заглянуть в архивные документы¹⁵⁸.

Тема неназванного лица, способного поделиться знанием русского языка, вновь зазвучит в переписке последних месяцев 1685 года. Теодор Керкринг сносится с великим герцогом Тосканским теперь не напрямую, а через его секретаря Аполонио

листка имеется с трудом прочитываемая запись, сделанная третьим лицом, очевидно, для памяти. — ASFi, MdP, 4263, f. 677ter v. Здесь словарь назван «русским и славянским» («mandi insieme un dizionario, Moscovita, e Schiavone»), дальше в определении словаря слово «славянский» пропадает. Видимо, бумага эта достигла канцелярии великого герцога 22 сентября, ибо этим днем датирован второй документ — черновик письма Бассетти Джоакино Гваскони, содержащий соответствующее поручение. — Там же, f. 678r.-v. Наконец, Джоакино в своем письме из Амстердама от 16 октября 1682 года, по заведенной традиции, слово в слово повторяет полученное задание, откуда мы еще раз можем его понять. — Там же, f. 680r.

¹⁵⁸ Villani S. Указ. соч. со ссылкой: ASFi, MdP, 4287, без пагинации. С. Виллани упоминает в этой связи письма Т. Керкринга от 8 ноября и 23 декабря 1682 года, а также черновики писем, отправленных ему от 13 октября, 8 декабря и 18 января. «Anche questo tentativo però naufragò», — пишет он коротко.

Бассетти. 19 сентября 1685 года он пишет из Гамбурга во Флоренцию: «Некоторое время назад нашим светлейшим государем мне было поручено отыскать для его высочества словарь и грамматику языка Московии, но, несмотря на все усилия, я не сумел раздобыть ни того, ни другого, ибо московиты к таким вещам безразличны [«а causa che li Moscoviti in ciò non sono curiosi»]. Тем не менее мне предоставился случай отчасти удовлетворить желание светлейшего государя, а именно тут нашелся один молодой человек родом из Московии, чей отец из тамошних дворян [«havendo per padre uno di quelli Nobili»], отроду лет тридцати, довольно образованный и владеющий многими европейскими языками, в том числе хорошо голландским, а также немецким и итальянским [«prattico di diverse lingue Europee, e tra l'altre intende bene la lingua olandese, com' anco todesco et italiano»]. Он предложил мне составить для нашего светлейшего государя на итальянском языке словарь и грамматику славянского языка [«un dittionario et una grammatica in lingua di Slavonia et Italiano»], ибо этот язык в ходу по всей Московии, в том числе при дворе, как самый обычный [сначала написано и зачеркнуто: «come la più volgare», и затем вписано над строкой: «come l'ordinaria»] и общепонятный [«da ogn'uno intesa»], хотя в каждой области имеются отличия в произношении. Начертания букв, которыми обычно пользуются московиты, весьма странные и больше напоминают греческие. Вышесказанный юноша сведущ не только в языке Московии, но и знает край и обычаи народа, ибо, как уже сказано, он там родился, а его отец служит при дворе [«un gentilhuomo di Corte»], а потому думаю, что он сумеет исполнить желание нашего светлейшего государя наилучшим образом»¹⁵⁹.

Реакция тосканского двора была на удивление сдержанной. «Что касается объявившегося у вас молодого человека, — отвечал секретарь великого герцога в письме от 9 октября того же года, — уроженца Московии, штатского [«di condizione civile»], знающего много европейских языков, предлагающего себя

¹⁵⁹ ASFi, MdP, 4495, f. 1137r.–v.

в качестве составителя словаря русского языка [«il Dizionario Moscovito»], который желает иметь его высочество, а также славянской грамматики на итальянском языке [«una Gramatica slavonica in lingua Italiana»], его высочеству не было угодно поручить ему [«non pare all'Altezza Sua d'impegnarlo»] такой труд, пока нет уверенности в том, будет ли он ему по плечу [«di come egli fusse per riuscire»]. В самом деле, чтобы внушать доверие, подобные труды должны быть взвешены [«a fin d'essere autorevoli, conviene che passino sotto la struttina»] людьми проверенной учености. Потому его высочество хотел бы сначала получить точные сведения о личности и нравственном облике вышеказанного юноши, а именно на скольких языках тот может свободно изъясняться и писать, хорошо ли владеет пером [«di che sorte di letteratura sia adornato»], какую религию исповедует, каков он от природы [«di che naturale egli sia»], кроткий и светский либо заносчивый и себе на уме, благонравный или безнравственный, не имеет ли склонности к вину и распутству [«et alle licenze immoderate del senso»], наконец, чем он нынче занимается и не думает ли отправиться в Италию, дабы поступить на службу ко двору какого-либо государя? Потому пусть ваша милость позаботится о том, нельзя ли разузнать обо всем вышеупомянутом, но сделать это требуется осторожно, не подавая сказанному юноше никаких надежд»¹⁶⁰.

Теодор Керкринг вяло защищал своего протеже. 5 ноября он сообщал во Флоренцию: «Теперь по поводу того самого юноши, упомянутого мной некоторое время назад, сведущего в русском и славянском языках [«prattico delle lingue di Moscovia e Slavonia»]. Лет ему около 36, он доктор медицины, родился в Московии от немецких родителей. Отец его — дворянин и подданный [русских] царей [«un gentiluomo e suddito delli Zaari»]. Он получил от них позволение находиться в здешних краях, поэтому без их согласия он не сможет перебраться в другое место. Я попытался разведать, не желает ли он отправиться в Италию, но обнаружил, что по вышеупомянутой причине ему

¹⁶⁰ Там же, f. 1138r.–v.

будет трудно на это решиться, хотя он готов послужить составителем словаря сказанных языков, в которых он так сведущ, что способен передать на них все, что заблагорассудится. Что же касается остального, что еще угодно знать об этом молодом человеке, об этом его высочеству расскажет монсиньор епископ Тицианополитанский»¹⁶¹. Последний не кто иной, как Нильс Стенсен (1638–1686), еще один выдающийся ученый своего века¹⁶², снова врач, анатом, физиолог, родоначальник нескольких наук — геологии, кристаллографии, палеонтологии, — некогда тесно связанный с тосканским двором, а теперь проживавший в Гамбурге и собиравшийся ехать в Италию. О почтении к нему со стороны великого герцога говорит тот факт, что после его смерти Козимо III позаботился доставить и похоронить его прах во Флоренции. Русский в Гамбурге водил поистине удивительные знакомства.

Обещанная рекомендация Н. Стенсена дошла до нас в его переписке. Она была составлена два дня спустя — 7 ноября. Итальянский язык, на котором написано письмо, датский ученый, очевидно, подзабыл, отчего речь его косноязычна и темна. Понять можно следующее. «Доктор медицины из Московии, коим интересуются», находясь в Гамбурге, «ходит обедать в один католический дом, где проживают итальянцы». Там с ним близко сошелся один итальянский синьор, который «не может нахвалиться скромным и порядочным поведением [русского врача] и тем, насколько тому не нравится слышать иной раз мало пристойные слова». «У того самого синьора, — сообщает Н. Стенсен дальше, — [русский доктор] спросил, нельзя ли ему поговорить со мной. Тот привел его ко мне домой, и мы вместе немного поговорили... Затем я навестил его». Русский интересовался обстоятельствами обращения датского ученого в католичество, а также пожелал записать с его слов несколько молитв. Больше они не виделись, но от их общего друга автор письма знает, что

---

¹⁶¹ ASFi, MdP, 4495, f. 1149r.

¹⁶² *Шафрановский И. И.* Николай Стенон — кристаллограф, геолог, палеонтолог, анатом (1638–1686). Л., 1972.

русский доктор напряженно размышляет над религиозными вопросами, поставленными перед ним проповедниками. По мнению Н. Стенсена, тот был бы рад отправиться ко двору великого герцога Тосканского и даже перейти в католичество, если бы он не был связан по рождению долгом русского подданного. К тому же его «отец в Москве занимает в окружении русского царя видное место», и «страх нанести ущерб семье и имуществу лишает его возможности свободно предаться единственному благу» — католической церкви. Любопытны подробности филологических занятий нашего героя: «Он необычайно усерден и учится весь день. Думаю, он уже взялся за еврейский язык, дабы украсить коллекцию языков [«per rendersi più perfetto nella diversità delle lingue»], коими он уже владеет»¹⁶³.

Письмо Бассетти в Гамбург от 18 декабря 1685 года содержит отказ от сотрудничества с неназванным «московитом», объяснить который я затрудняюсь. Буквально Керкрингу было отве-

¹⁶³ Nicolai Stenonis Epistolae et epistolae ad eum datae / ed. G. Scherz. Tomus posterior. Hafniae, Friburgi, 1952. P. 823: «Per dar a Vostra Altezza Serenissima di quel dottore di medicina di Moscovia, del quale si desidera qualche informazione, quella notizia, alla quale egli stesso m'ha dato occasione, devo dire che è persona molto modesta, e docile, e che se non fosse l'impedimento che la schiavitudine della nascita vi puone, al mio parer non solamente verrebbe alla corte di Vostra Altezza Serenissima, ma in oltre alla santa fede. Va desinar in una casa cattolica dove stanno diversi Italiani; uno de'quali parlando piu familiarmente con esso, non può assai lodarne il tratto moderato ed honesto, e quanto gli dispiace quando delle volte sente parole poco convenienti. Da quel medesimo signore aveva desiderato l'occasione di parlar meco, che mi lo condusse in casa, e parlammo un pezzo insieme mostrando esso curiosità di sapere cosa fosse passata circa la mia conversione, collaquale occasione io parlai di certe orazioni ejaculatorie. Quando io poi venni da lui, la prima cosa che mi domandò era, che io li volessi dittar le orazioni ejaculatorie, che la prima volta io gl'avevo recitato, le quali egli scrisse, col mostrarne contento. Non ci siamo piu parlati, ma ho inteso dal commune amico, che la riflessione che li predicanti fanno sopra chi conversa meco, li fa difficoltà. Del resto è applicatissimo, studia tutto il giorno, e credo che si dia anch'alla lingua Hebrea per rendersi più perfetto nella diversità delle lingue, che già egli possiede. Pare che habbino beni nella Moscovia, dove il padre è ben visto appresso il grand Zar, e temo che la paura di non pregiudicar alla familia ed a' beni li toglia la libertà dell'applicazione a quell'unico bene».

чено так: «Его высочество принял к сведению то, что вы сообщили о молодом человеке, родившемся в Московии и знающем русский и славянский языки [«nato in Moscovia, e perito di quella lingua, e della Sclava»], но мало расположенном ехать в Италию, поскольку он не может распорядиться собой и действовать по своей воле [«non è libero di se stesso, e non può disporre della sua volontà»] без позволения светлейших царей. Отсюда явствует, что рассчитывать на него нельзя [«non è da fare assegnamento sopra di lui»], а потому без толку [«sarebbe di poco profitto»] ждать от него работы над словарем языка москвитов [«del Dizionario Moscovitico»], к которой, по-вашему, он будто бы имеет достаточно способности, но, как вам прекрасно известно, чтобы от таких словарей была польза, они должны быть тщательно выверены и точны»¹⁶⁴. По-видимому, на этом обсуждение данного вопроса было окончено.

С какой целью Козимо III собирал словари и грамматики иностранных языков? Неужели столько языков, включая русский, он хотел и рассчитывал выучить сам? Есть сведения, что его отец великий герцог Фердинанд II довольно долго изучал «илирийский язык» жителей Дубровника и даже якобы весьма в нем преуспел. Впрочем, об этом факте сообщают лишь хорватские источники, а флорентийские молчат. Точно то, что Козимо III в отношении того же языка избрал для себя иной образ действия. «Достоинство илирийского языка и представление, которое я всегда о нем питал, — пишет он в Дубровник 3 февраля 1681 года, — вынудили меня искать того, кто бы его знал, [дабы] сделать такого человека своим ближайшим слугой [«condurlo al mio servizio di Camera»], когда у меня на службе объявился [«dove trovandosi»] один молодой фламандец [«un Giovane Fiammingo»], уже овладевший начатками этого языка [«competentemente introdotto nell'istesso idioma»]. Хочу, чтобы он двигался вперед беспрепятственно, и потому желал бы снабдить его книгами на этом языке. В этой связи я и обращаюсь к вашей милости, которая всегда была ко мне столь добра, дабы, вос-

¹⁶⁴ ASFi, MdP, 4495, f. 1150r.-v.

пользовавшись нашим коротким знакомством, просить вас сделать так, чтобы я смог получить словарь и пару других книг из Рагузы, где, как я слышал, есть перевод на сказанный язык и Фомы Кемпийского. Пусть ваша милость проявит снисходительность к такому моему любопытству...»¹⁶⁵. Возможно, великий герцог Тосканский желал иметь в своем окружении таких знатоков редких языков и просил присылать ему отовсюду словари и грамматики не для себя лично. К слову сказать, в переписке с великим герцогом Козимо III состоял московский почтмейстер А. А. Виниус. Очевидно, не зная в достаточной мере других языков, Андрей Виниус писал во Флоренцию по-голландски. Сохранился черновик одного из ответных писем великого герцога, любезно переведенный на безупречный голландский язык. Документ датирован 7 апреля 1685 года¹⁶⁶. Не был ли переводчиком данного письма тот самый приезжий юноша из Нидерландов, который с жаром набросился на сербо-хорватский?

Примечательно, что интерес к «москowitzу» и знанию, которым он был готов поделиться, пропал, когда стало понятно, что во Флоренцию он не приедет. Тут приходит на ум, что для овладения языком одних книг мало, а требуется живое общение с носителем языка. Похоже, таким живым учебным пособием был призван служить некий финн, отправленный во Флоренцию Теодором Керкрингом вместе со словарем финского языка и финскими книгами. Вопрос о присылке финна обсуждался в тех самых письмах, где говорилось о безымянном «москowitzе» и которые мы уже цитировали. При дворе великого герцога финна ждали с нетерпением, и Керкринг был вынужден оправдываться, почему того так долго нет¹⁶⁷. Но долгожданное прибытие финна обернулось разочарованием. Сначала финн горько запис¹⁶⁸, а по-

¹⁶⁵ Dayre J. Études slaves à Florence au 17e siècle // Rešetarov zbornik zbornik iz dubrovačke prošlosti. Dubrovnik, 1931, str. 469–471.

¹⁶⁶ ASFi, MdP, 4264, f. 88bis, 89r.–v.

¹⁶⁷ См. прим. 159, 160 и 161.

¹⁶⁸ См. прим. 164. «A pena giunto si lasciò vincere non poco dal vino», — сказано в этом документе.

том и вовсе пришел умом в такое иступленное состояние, что пришлось запереть его в богадельню¹⁶⁹.

Не составит труда назвать имя «москвиты», о котором говорится в письмах Теодора Керкринга. Русский немец Генрих — он же Андрей — Келлерман, купеческий сын, в марте 1661 года 12-летним мальчиком был отправлен отцом для обучения за границу. (Керкринг точно указывает его возраст 24 года спустя: 36 лет.) Учился «в городе Лейпцих шесть лет... да в городе Страсбурх три годы... в городе Оксфорд год, во Французской земле в городе Париже и Момбиле [т. е. Монпелье] полтора года, в Италии в городе Падуве два годы, и в том граде учинен он... дохтуром». Вернувшись в Россию в конце 1677 года, новоиспеченный доктор Келлерман был вскоре принят на службу в Аптекарский приказ. В бумагах его указывалось, что «разумет и пишет он дохтур» на шести языках, а именно на латыни, немецком, голландском, французском, английском и итальянском¹⁷⁰.

Как ни странно, русского в это время он не знал или не помнил. Хлопотавший за него отец заверял власти, что его одаренный сын «славенской грамоте и рускому языку может вскоре изучитца» и тогда, в отличие от своих коллег, сумеет работать без переводчика¹⁷¹. Однако на это не хватило и полутора лет. В ноябре 1679 года «в аптекарском приказе... дохтур Андрей Келдерман извещал словесно на толмача на Никиту Вицента: ... толмач де Микита к нему дохтуру не ездит больши недели; а тем больным стрельцам ему дохтуру лекарств без толмачества давать не мочно, и он дохтур от того опасен [т. е. опасается], чтоб

¹⁶⁹ Ciampi S. Sullo stato dell'arti e della civiltà in Russia... p. 32–33, письмо Т. Керкрингу от 14 января 1686 года, где есть такие строки: «Prima fattosi ottuso e saturno, ha poi dato in una frenesia di mente così stravagante che bisogna farlo guardare acciò non si precipiti, operando egli in maniera come se fosse invaso da qualche spirito. Al presente s'è dato mano e farlo curare in quest' Ospedale con ogni diligenza, poichè cadde infermo febricitante, e se il vizio fosse nel sangue, si vedrà se gli giovano le copiose sanguine».

¹⁷⁰ Новомбергский Н. Материалы по истории медицины в России. Т. 3, ч. 2. СПб., 1906. С. 159.

¹⁷¹ Там же. С. 158.

те больные стрельцы не померли»¹⁷². Неужели русский язык так ему и не дался? Спустя много лет 7 июля 1712 года Генрих Келлерман подал в Посольскую канцелярию прошение на русском языке. По выражению исследовательницы Сабине Думшат, «очевидно, оно было составлено им собственноручно, что выдаёт поразительно своеобразная манера речи» («was der auffallend eigenartige Sprachstil und -duktus verraten») ¹⁷³.

Весной 1683 года доктор Келлерман был отпущен со службы и получил разрешение уехать из России. 6 июля 1686, находясь в Гамбурге, он обратился с письмом на латинском языке к фактическому главе русского правительства В. В. Голицыну¹⁷⁴. Желая вернуться на царскую службу, он просил его о содействии и заступничестве. По его словам, во время заграничной поездки он продолжил обучение не только медицине, а занимался также теологией, философией, освоил ряд языков, включая древнееврейский: именно он есть язык священный, посредством которого устами своих пророков Господь Бог говорил со своим народом. Теперь свои знания автор горит желанием употребить на благо отечества («Reipublicae Moscoviticae emolumento»), но не прочь также прославиться и заработать («mihique honori et proemio»). А именно Келлерман предлагает осуществить новый полный перевод Библии с древнееврейского «на наш [старо]славянский язык». Кроме того, автор письма выражал готовность, если понадобится, знакомить русского читателя с западноевропейской медицинской литературой или даже взяться за перевод памятников римского права. «Сознаюсь, — продолжает он, — я обещаю больше, чем под силу сделать одному человеку (тут требуются усилия многих), но с Божьей помощью мне будет все по плечу». Деликатный вопрос исправления Священ-

¹⁷² Материалы для истории медицины в России. Вып. IV. СПб., 1885, №1448. С. 1063.

¹⁷³ Dumschat S. Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland. Stuttgart, 2006, S. 366.

¹⁷⁴ Опубликовано в работе: Цветаев Д. В. Памятники к истории протестантизма в России // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. М., 1883. С. 76–78.

ного Писания в ответных письмах никак не комментировался, но доктор был принят назад с распростертыми объятиями¹⁷⁵.

«В Указателе Мюллера — сообщал наш первый историк русской медицины Вильгельм Михайлович Рихтер, ссылаясь на другого замечательного исследователя немецкого происхождения Федора Ивановича Миллера, — есть запись о том, что он умер в Москве в 1715 году и что его эпитафию можно было прочесть на старом лютеранском кладбище»¹⁷⁶. Есть ли следы интеллектуальной деятельности того, кто так много обещал и чей век оказался долгим? Знал ли и помнил ли о Генрихе Келлермане кто-либо если не в России, то хотя бы в Европе?

Такой информации почти нет. В предисловии к пропагандистской брошюре с рассказом о взятии русскими войсками Нарвы в 1704 году Генрих Келлерман упомянут как известный в Европе русский ученый и знаток языков, правда невпопад: «известный господин Келлерман» якобы читал европейские газеты царю Алексею Михайловичу, чего, конечно, не могло быть¹⁷⁷. Куда важнее забытое сегодня указание митрополита Евгения Болховитинова¹⁷⁸. Речь идет об одном удивительном недоразумении: в двух французских сочинениях, впервые увидевших свет в 1723 и 1728 годах, утверждалось, что в 1712 году в Москве будто бы была издана восьмиязычная полиглотта Евангелия от Матвея, подготовленная к печати Генрихом Келлерманом. При этом из восьми языков перечисленными оказались лишь семь — а именно еврейский, греческий, латинский, [старо]славянский, итальянский, английский и голландский, — а по поводу Келлер-

¹⁷⁵ Там же. С. 79–84.

¹⁷⁶ Richter W. M. Geschichte der Medicin in Russland. Zweiter Theil. Moskwa, 1815, S. 367–368.

¹⁷⁷ Das Im Augusto 1704. Glücklich besiegte Narva, Durch Die nunmehr der Welt sich auf dem Europäischen Theatro zeigende Sieghafte Waffen Des Allerdurchlaucht. und Großmächtigsten Czaarens und Groß-Fürstens in Moscau etc. Herrn Petri Alexievviz. Sic redit ad Dominum quod fuit ante suum. Cölln, bey Peter Freymund, [1704], S. [3].

¹⁷⁸ Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1. С. 281–282.

мана утверждалось, что в 1720 году тот якобы был еще жив¹⁷⁹. Мы в достаточной мере знаем работу московской типографии, чтобы не сомневаться в том, что достигшие Франции сведения о таком издании являются неверными. Тем не менее такой слух наверняка возник не на пустом месте. За ним что-то стоит. Возможно также, к делу имеет отношение уже упомянутое письмо Келлермана в Посольскую канцелярию от 7 июля 1712 года с просьбой разрешить ему поездку в Голландию, дабы он мог увидеться с родственниками и решить некие семейные дела. Наконец, отметим еще одно, едва ли случайное совпадение: 14 ноября того же 1712 года датирован известный указ Петра I о назначении комиссии по исправлению славянской Библии на основе греческого текста Септуагинты.

В традиционалистских кругах мысль Келлермана об исправлении славянской Библии на основе древнееврейского текста, должна была вызвать самое резкое отторжение. По определению И. Е. Евсеева, в конце XVII — начале XVIII века «выяснение основы Славянской Библии приняло форму полемики в защиту Греческой Библии — Септуагинты — против латинской Вульгаты и еврейского текста». В наиболее ярком памятнике такой полемики «Обличении на гаждателей Священного Писания» Библия на древнееврейском языке провозглашается испорченной «раввинами». «Нельзя не видеть — продолжает И. Е. Евсеев, — что указ Петра возник под влиянием старорусской московской партии, громко выразившей свои заветные убеждения

---

¹⁷⁹ (1) «*Evangelium secundum Matthaeum octolingue Hebraice, Graece, Latine, Sclavonice, Italice, Anglice et Belgice, studio Henrici Kellermanni. Moscuæ 1712*», — сказано в кн.: *Bibliotheca sacra in binos syllabos distincta...* Т. I Parisiis, 1723. Р. 46. Книга эта является расширенным переизданием труда Жакоба Ле Лонга «*Bibliotheca Sacra, seu Syllabus omnium ferme Sacrae Scripturae editionum*», впервые увидевшего свет в 1709 году. Автор переработки — Pierre-Nicholas Desmolets. (2) «*Nous ajoûterons que Henri Kellermanne a donné en 1712 l'Évangile de saint Matthieu en plusieurs Langues. Il étoit Moscovite, élevé dans le College de Padouë et Médecin du dernier Czar; il vivoit encore en 1720*». — Calmet A. *Dictionnaire historique, critique, chronologique, géographique et littéral de la Bible*. Т. IV. Paris, 1728, «*Supplément à la Bibliothèque sacrée*». Р. IV.

в «Обличении» ... и вошедшей в комиссию исправителей в лице Софрония Лихуда, Феофилакта Лопатинского и их единомышленников, под главным руководством главы старорусской охранительной партии — Стефана Яворского»¹⁸⁰. Вероятно, все это объясняет, почему от научной деятельности Генриха Келлермана, первого русского доктора медицины и теологии, почти не осталось следов. Кажется, мы случайно коснулись неизвестной страницы истории русской науки Петровского времени.

---

¹⁸⁰ *Евсеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Часть вторая, выпуск второй // Комиссия по научному изданию Славянской Библии (Русская Библейская Комиссия). 1915–1929 гг. Л., 1990. С. 20–78.

ТРИ ЗАГАДКИ «ЗАПИСОК ВЕЛИКОЙ ОСОБЫ»

«Записки Великой особы» — условное наименование дневника русского путешественника, посетившего Германию, Голландию и Италию в годы Великого посольства, которым я стану пользоваться. Оно восходит к заглавию первого печатного издания сочинения¹⁸¹. Напомню читателю, что устойчивой традиции здесь нет, и это заглавие сосуществует с целым рядом других. «Великую особу» иной раз осторожно переименовывают в «Неизвестную особу». Кто-то всерьез думает, что неизвестный автор сочинения якобы установлен, и вопрос закрыт. Впрочем, одни приписывают записки А. М. Апраксину, другие столь же уверенно — А. П. Измайлову. По мотивам частых заглавий текста в рукописях некоторые исследователи именуют его «Журналом о шествии в европейские края» либо просто «Журналом шествия». Все эти обозначения подразумевают одно и то же сочинение.

Текст как таковой выглядит не лишенным загадок, но в принципе известным, готовым для ознакомления и дальнейшей работы. К сожалению, все не так просто. Представление о том, что исследователи в достаточной мере знают этот памятник и способны о нем судить, было недавно оспорено в работах И. А. Воз-

---

¹⁸¹ Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году. СПб., 1788.

несенской и А. И. Алексева¹⁸². Сочинение издавалось около десяти раз, но почти всегда — по одной случайной рукописи. Между тем речь идет о необычайно распространенном тексте. В фондах БАН И. А. Вознесенская насчитала 20 списков сочинения. В одном только Отделе рукописей РНБ А. И. Алексеву их известно не меньше 50. Сколько списков всего, никто даже не пробовал выяснить, не говоря уже о том, чтобы мало-мальски разобраться в истории рукописной традиции памятника.

Это важнейшая информация. Мы с благодарностью принимаем ее к сведению. Другие тезисы уважаемых коллег, напротив, вызывают сомнения. Объектом критики с их стороны становится один конкретный исследователь и конкретная исследовательская цель, а именно ими отрицается корректность попыток выяснить имя путешественника, оставившего нам свои безымянные записки. «Своего рода апогеем в стремлении достичь результата без обращения к рукописям, — пишет в своей статье А. И. Алексеев, — стали работы Д. Ю. Гузевича... Д. Ю. Гузевич пришел к выводу, что автором [безымянного сочинения] является стольник Алексей Измайлов. Рассуждения и выводы Д. Ю. Гузевича являются чисто умозрительными спекуляциями, поскольку не опираются на результаты текстологического исследования памятника»¹⁸³. К такой строгой оценке побуждает сложившееся у коллег мнение о сути памятника. И. А. Вознесенская и А. И. Алексеев, работавшие с десятками рукописей, обращают внимание на то, что текст записок находит свое устойчивое место в составе тематического сборника по истории раннего Пет-

---

¹⁸² Вознесенская И. А. «Журнал о шествии в европейские края» в рукописной традиции XVIII в. (по рукописям из собрания БАН) // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: Сборник статей по итогам международной научной конференции «Двенадцатые Загребинские чтения» (5–6 октября 2017 г.). СПб., 2018. С. 151–163; Алексеев А. И. К изучению исторического нарратива Петровского времени. «Журнал шествия» в фондах Отдела рукописей РНБ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. №5. С. 217–224.

¹⁸³ Алексеев А. И. Указ. соч. С. 218.

ровского времени и куда реже встречается отдельно. И. А. Вознесенская и А. И. Алексеев берутся утверждать, что текст и был составлен для данного сборника, дабы заполнить в нем некую содержательную лауну. Якобы перед нами не реальный дневник реального путешественника, а вымышленное описание, скомпилированное из разных источников. Обескураживающее определение И. А. Вознесенской гласит: «Споры об авторе-путешественнике бессмысленны, так как текст представляет собой не дневник, а литературное сочинение, написанное в форме путевых заметок на основании различных источников, среди которых были записки П. А. Толстого и Б. П. Шереметева. Надо полагать, «Журнал о шествии в европейские края» был составлен специально, чтобы дополнить сборники о Петре I, включавшие записки о Стрелецком бунте, недостающей информацией о путешествии по Западной Европе»¹⁸⁴.

Замечу по этому поводу следующее. Важность изучения рукописной традиции не требует доказательств. Анализ такого рода по идее должен стать первым этапом исследований, предваряющим собой все остальные. Но соблюсти корректную последовательность действий не всегда получается. Иной раз приходится браться за дело с середины. Любые полученные картины будут при этом, конечно, только рабочими гипотезами, требующими понимания своей шаткости. Можно винить историка-любителя из Парижа Д. Ю. Гузевича в том, что он формулирует свою мысль категорично. Однако его ученые оппоненты грешат ровно тем же. И они находятся в начале пути. Почтенные знатоки рукописных фондов, затеявшие этот спор, сами руководствуются первыми догадками и впечатлениями, но говорят о них чересчур уверенно, точно об установленных и общепризнанных фактах. Если на то пошло, высказанное ими предположение о фиктивном характере записок пока является голословным и чрезвычайно сомнительным утверждением.

---

¹⁸⁴ Вознесенская И. А., Базарова Т. А. Петровское время в рукописной традиции // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019, №4 (97). С. 12.

Тут надо точно сказать, какие новые факты, что именно исследователям посчастливилось открыть, а где начинаются неясности и гипотезы. Думается, И. А. Вознесенская проявила незаурядную наблюдательность. Ее ценнейшим открытием следует считать неожиданное родство интересующих нас путевых записок и известного дневника другого путешественника того времени П. А. Толстого, с которым неизвестный автор наверняка встречался в Венеции. Такие встречи должны были иметь место в мае и затем сентябре 1698 года. И. А. Вознесенская угадывает определенные сходства у обоих писателей ряда венецианских описаний. Я прибавлю, что такое родство двух повествований еще заметнее в описаниях Рима. Оно неоспоримо в рассказе о поездке из Рима в городок Фраскати и посещении двух прославленных тамошних вилл Мондрагоне и Алдобрандини. Подобная близость оставляет нас в недоумении и требует объяснения.

Тем не менее возьмусь утверждать, что во всех этих местах без исключения автор безымянных записок приводит такие подробности, которых у П. А. Толстого или где-то еще нет и которые кажутся безусловно оригинальными, восходящими к личным впечатлениям пишущего. Картины нескольких итальянских городов, где можно сличать информацию «Великой особы» с данными П. А. Толстого, — это небольшая часть сочинения, считанные страницы. Понятных оснований усомниться в оригинальности остального нет или я не вижу никаких. Часть переданных сведений, видимо, являлась общим достоянием группы русских «навигаторов», обретавшихся в Венеции, теми разговорами, которые ходили в их среде. Так, едва ли П. А. Толстой и наш безымянный автор действительно видели, как в ходе обряда «венчания с морем» венецианский дож бросил за борт драгоценный перстень. Скорее можно предположить, что они, по крайней мере, отчасти передают рассказ об этой венецианской традиции. Другой несомненный след такой общей осведомленности — близкие данные о численности венецианских шлях: якобы тех было восемь тысяч, по сведениям одного автора, и «болши» десяти, согласно другому. Ясно, что считать

венецианских жриц любви ни тот, ни другой сами не могли и не собирались. Наконец, напрашивается вопрос, не имел ли составитель «Записок Великой особы» возможности видеть путевые записки П. А. Толстого в момент написания своих, еще в пору их общего пребывания в Венеции?

С нетерпением ждем результатов работы с рукописями сочинения, если ее кто-то предпримет. Заранее можно сказать, что такое исследование обнаружит, что текст претерпел редакцию, поскольку в нем можно указать места, являющие неудачными вставками. Самая вопиющая — рассказ о прославленном святылице в городке Лорето под Анконой в итальянской провинции Марке. В целом ряде списков «Записок Великой особы» храм в Лорето по недоразумению представлен в качестве достопримечательности Флоренции. Тут интересно заметить, что составитель «Записок» в Лорето и той стороне Италии, где он расположен, не бывал в принципе. Потому данный факт доказывает заимствование им чужой информации. Присмотревшись, мы без труда найдем другие вставки. Например, рассказ о Scala Sancta, «Святой лестнице» в Риме в дневнике «Великой особы» идет между описанием площади перед собором св. Петра на Ватикане и рассказом о посещении автором расположенного за собором Ватиканского дворца. В действительности, «Святая лестница» со следами крови Спасителя, шествовавшего по ней на суд Понтия Пилата, одна из главных святынь христианского Рима, находится в другой стороне города, на Латеранском холме. Составитель интересующего нас текста явно путает ее со Scala Regia, «Царской лестницей» — расположенным на площади св. Петра парадным входом в Ватиканский дворец.

И последнее в этой связи: нельзя пройти мимо того факта, что наш немецкий коллега Ф. Оттен потратил немало сил на исследование лексических заимствований, которые появляются на страницах волнующих нас записок неизвестного русского путешественника¹⁸⁵. Первое впечатление от его работ —

¹⁸⁵ Otten F. Reiseberichte der Petrinischen Zeit als linguistische Quelle («Dnevnik» — 1697/99) // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 44 (1984), H. 2,

удивление, как огромен вклад автора записок в русский язык и, в частности, тот лексический материал, которым мы пользуемся по сей день. В действительности, эти лексические исследования Ф. Оттена, возможно, не представляют собой надежного основания для суждений о безымянном писателе и его труде. Часть таких лексических новаций, видимо, мнимые. Такие слова и выражения, как «статуя», «мозаическая работа» и некоторые другие, присутствующие только в отдельных, причем не самых достоверных копиях, кажутся следами позднейших редакций и наслоений. Большая группа заимствований (как-то «опера», «фрукт», «гондола» и т. д.) возникает впервые в русском языке сразу в двух местах — «Записках Великой особы» и «Путешествии стольника П. А. Толстого». То есть скорее всего перед нами следы общего языка, возникающего для описания западноевропейских реалий в среде заброшенных судьбой в Венецию русских царедворцев.

* * *

Пока не доказано обратное, я буду считать «Записки Великой особы» документальным сочинением времен Великого посольства, а вопрос о его авторстве — релевантным. Масштабное предприятие, известное под именем Великого посольства, напомним, подразумевало одновременный выезд (или если угодно — высылку) за границу под разными предлогами значительной части царского двора. В частности, десятки царских стольников были отправлены учиться морской науке. Одна их группа поехала в Венецию, другая — в Голландию. Как можно установить искомое авторство нашего сочинения, понятно. Надо выяснить, кто из русских бывал там и тогда, где и когда находился

S. 354–414; *Idem*. Anmerkungen zu italienischen Lehnwörtern der Petrinschen Epoche // Die Welt der Slaven. Bd. 29 (1984), S. 250–267; *Idem*. Der Reisebericht eines anonymen Russen über seine Reise nach Westeuropa im Zeitraum 1697/1699. Zum Autor und zur Sprache des Reiseberichtes. Berlin, Wiesbaden, 1985. Здесь раздел: «Anmerkungen zu einigen Termini westlicher Provenienz im Reisebericht», S. 53–71.

автор безымянных записок. Естественно, что при этом другие факты биографии кандидата не должны противоречить содержанию записок, укладываться в эти рамки. Данному критерию отвечают две попытки атрибуции сочинения, на которых мы и остановимся.

Первая предпринята Ф. Оттенем¹⁸⁶. Он нашел в Стокгольме архивный документ с именами проезжавших через шведский пограничный пункт Нейгаузен в районе Пскова на обратном пути из Европы с января по июнь 1699 года. Рассказ «Великой особы» обрывается раньше. Потому с помощью сведений, найденных Ф. Оттенем, мы только угадываем, в какой день автор путевого дневника мог пересечь границу. В поле зрения Ф. Оттена попадает несколько русских, из которых он выбирает наиболее правдоподобную кандидатуру на роль возможного автора записок. Таким наилучшим кандидатом, по мнению немецкого исследователя, оказывается один из царских стольников Андрей Матвеевич Апраксин. Вывод Ф. Оттена был воспринят многими нашими филологами. В частности, А. М. Апраксин представлен автором записок в «Словаре книжников Древней Руси»¹⁸⁷.

Другое мнение около десяти лет назад высказал Д. Ю. Гузевич¹⁸⁸. Он обращает внимание, что, по информации Ф. Оттена, в тот же день, что и А. М. Апраксин, возможно, в одной с ним карете в Россию вернулся некий Измайлов. Ф. Оттен оставил это имя без внимания, ибо знал только трех братьев Измайловых — Андрея, Михаила и Ивана Петровичей, — отправленных учиться «навигации» в Венецию. Никто из них быть автором записок не мог, ибо те начинаются с описания пути по Германии и Голландии. Д. Ю. Гузевич справедливо указывает, что, наряду

¹⁸⁶ *Otten F. Der Reisebericht eines anonymen Russen über seine Reise nach Westeuropa ...* Раздел: «Zum Verständnis der Sprache und zum Autor des Reiseberichtes», S. 7–52.

¹⁸⁷ Буланин Д. М. Апраксин Андрей Матвеевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 4. СПб., 2004. С. 321–324.

¹⁸⁸ Наиболее развернуто в кн.: Гузевич Д. Ю. Путевые записки Великой особы (1697–1699): критическая история публикаций и проблема авторства. Saarbrücken, 2012.

с тремя братьями, посланными в Италию, в Европу в это время выезжал их четвертый брат Алексей Петрович, чему имеются два доказательства. Во-первых, он расписался в альбоме амстердамского анатома Рёйса или, как у нас его называют, Рюйша, видимо, в августе или сентябре 1697 года сразу после Петра I и Меньшикова¹⁸⁹. Во-вторых, имя Алексея Измайлова фигурирует в списке русских дворян, посланных в 1697 году для обучения в Голландию, который приводит Борис Куракин¹⁹⁰. Два эти свидетельства, в сущности, и есть вся новая информация, которую удалось собрать Д. Ю. Гузевичу и на основании которой он считает, что автором волнующего нас сочинения мог быть Алексей Измайлов. От догадки он быстро переходит к уверенности и источает ее.

Разберем этот материал. Начать хотелось бы с рассуждения Ф. Оттена. Оно кажется крайне сомнительным, и я недоумеваю, почему в него поверили другие исследователи. Читали ли они его книгу внимательно? Список Ф. Оттена включает следующие русские имена. 3 марта 1699 года, согласно этому документу, границу пересек «Андрей Петров, русский царедворец [Moscowitischer Hofbedienter], с двумя слугами [Diener]». Царские стольники за границей, по приказу царя, скрывая свое происхождение, называли себя по имени-отчеству. По-видимому, перед нами не кто иной, как Андрей Петрович Измайлов, брат Алексея. 12 марта через пропускной пункт проезжают «Mina Ossipowitz, русский дворянин», и «его сиятельство Knäs Ossip Iwanuwitz» с тремя слугами [Bedienten]. Вероятнее всего, речь идет о князьях Щербатовых, которые составителями «Записок Великой особы», кажется, быть не могли. Автор «Записок», по мнению Ф. Оттена, поддержанному Д. Ю. Гузевичем, прибыл на шведско-русскую границу 11 апреля. Проезжавших тогда было «трое знатных русских господ» — А. М. Апраксин, не-

¹⁸⁹ Там же. С. 34.

¹⁹⁰ Он опубликован и прокомментирован в работе: Платонов С. Ф. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697–1720) // Доклады АН СССР. Серия В. 1929, №12. С. 236–237.

кий «Ismaloff» и С. И. Салтыков, — «с ними один голландский майор, один лейтенант и семеро слуг [Bediehten]». Следующие русские появятся в пограничном пункте Нейгаузен только 30 мая. Это будет возвращающееся на родину посольство П. Б. Возницына.

Последней датой, приведенной в большинстве известных копий сочинения, является приезд автора записок 27 февраля 1699 года в столицу герцогства Курляндского Митаву. В целом ряде списков к этому прибавлено, что это случилось «путру», и «того же числа приехали в Ригу». Считая единственной правдоподобной кандидатурой на роль автора наших записок А. М. Апраксина, оказавшегося на русской границе только 11 апреля, Ф. Оттен решает на прямое насилие над материалом. Чтобы заставить его отвечать своей гипотезе, он произвольно объявляет последней достоверной датой, указанной в записках, отъезд из Кенигсберга 20 февраля, а последующее изложение трактует как результат некоего неумелого сокращения, будто бы приведшего к путанице дат. Путем сомнительных расчетов и удобных ему «конъектур» (вместо февраля он предлагает ниже читать: «март») Ф. Оттен пытается доказать, что автор сочинения мог двигаться якобы так медленно, что достиг русской границы лишь 1 апреля. Согласно Ф. Оттену, речь при этом идет о 1 апреле по юлианскому календарю, тогда как в шведском списке проезжавших через границу будто бы используется новое григорианское летоисчисление, где первое апреля становится искомым одиннадцатым. Казалось бы, сам Д. Ю. Гузевич наносит этому построению смертельный удар, обращая наше внимание на тот факт, что проезд П. Б. Возницына через границу в архивном документе из Стокгольма и русских источниках датирован одним днем 30 мая 1699 года¹⁹¹. Следовательно, в шведском документе использованы датировки «по старому стилю», и концы с концами у Ф. Оттена теперь

---

¹⁹¹ Гузевич Д. Ю. Указ. соч. С. 46. Со ссылкой: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 9. СПб., 1868. Стб. 637–638.

уже точно не сходятся. Однако, вопреки собственному открытию и уже всякому здравому смыслу, Д. Ю. Гузевич настаивает на авторстве ехавшего вместе с А. М. Апраксиным Измайлова, понимая под этим именем Алексея Петровича Измайлова.

Мне дело видится следующим образом. Поводов отрицать реальность приезда автора сочинения в Митаву и Ригу 27 февраля 1699 года нет никаких. Путь от Риги до русской границы у Нейгаузена величиной в двести верст по зимней дороге на санях, дававших максимальную скорость перемещения, писатель мог и должен был преодолеть за считанные дни. Потратить на него шесть недель, чтобы прибыть в Нейгаузен 11 апреля, кажется чем-то невыносимым. Если мы ищем совпадения с путевым дневником, то единственный вариант, более или менее укладывающийся в указанные временные рамки, — это приезд в Нейгаузен «Андрея Петрова ... с двумя слугами», достигшего пограничного пункта 3 марта. Тут надо заметить, что Андрей Петрович являлся старшим среди оказавшихся за границей братьев Измайловых. Это существенная подробность, ибо старший брат мог выступать олицетворением семьи во внешнем мире. Их могли назвать (ниже мы увидим такой случай): «Андрей Измайлов с братьями». В такой связи, пожалуй, можно решиться на сомнительную гипотезу, что упомянутые в шведском документе «слуги» Андрея Петровича являлись на деле его братьями и одним из них был Алексей Петрович Измайлов, кого Д. Ю. Гузевич прочит в авторы дневника. Так или иначе, становится очевидным, что по имени автор путевых записок в бумаге, найденной Ф. Оттенем, не назван, и свидетельствовать она ни о чем не может.

Недавно я оказался источником новой волны энтузиазма Д. Ю. Гузевича в отстаивании им его идеи об авторстве Алексея Измайлова. Виной тому щедрость, с которой я делюсь найденными мной архивными документами. Уверен, это правильно в том смысле, что важным находкам необходимо обеспечить быстрое вхождение в научный оборот. Другой вопрос, что для понимания материалов требуется квалификация и знание контекста. Опираясь на мои транскрипции, попавшие к нему че-

рез вторые руки, Д. Ю. Гузевич объявляет, что факт авторства А. П. Измайлова теперь доказан¹⁹². Здесь я вынужден вмешаться и рассказать, что именно, какую информацию содержат собранные мной материалы, а чего в них нет.

Знакомясь с бумагами канцелярии великого герцога Тосканского Козимо III, хранящимися во Флорентийском государственном архиве, я, в частности, собирал свидетельства о посещениях Флоренции царскими стольниками, отправленными в Европу учиться «навигации» одновременно с Великим посольством. Изначально пунктом притяжения для них в Тоскане являлся порт Ливорно, интересовавший их как база военно-морского флота. К концу их пребывания в Италии их особенно влечет Флоренция. Все стольники перед отъездом на родину, видимо, там побывали. Со слов П. А. Толстого, сообщающего о своем посещении Флоренции 2–3 сентября 1698 года, становится понятно, что для стражи при въезде в город приезд русского в это время был привычным делом. «И как услышали обо мне, — читаем мы в записках П. А. Толстого, — что я Московского государства человек, и они, у меня ничего не осматривая, тотчас меня во Флоренцию пропустили»¹⁹³. С кем-то из русских у великого герцога завязались отношения. Так, мы с удивлением узнаем, что князь А. П. Прозоровский, не вернувшийся на родину, получил от Козимо III крест ордена св. Стефана¹⁹⁴. Более известные факты: пышный прием, оказанный новоиспеченному кавалеру креста Мальтийского ордена Б. П. Шереметеву, побывавшему во Флоренции со 2 по 5 июля 1698 года, а также отношения и переписка великого герцога Тосканского с П. А. Голицыным¹⁹⁵.

---

¹⁹² Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Еще раз о путевом журнале А. П. Измайлова («Великой особы»), или А в том ли жанре? // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 114. СПб., 2022. С. 121–135.

¹⁹³ Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697–1699. М., 1992. С. 228.

¹⁹⁴ См. очерк «Принцесса и трон пропавшего стольника А. П. Прозоровского» в настоящем томе.

¹⁹⁵ По поводу последнего из опубликованных работ см.: *Di Salvo M. Vita e Viaggio di Filippo Balatri (preliminari all'edizione del testo)* // *Russica Romana*.

Большинство приемов во Флоренции, напротив, видимо, были формальными и следов о себе не оставили.

Необходимую информацию о приезжих во Флоренции имели или всегда могли получить от своих агентов купцов Гваскони. Франческо Гваскони в письмах из Москвы от 26 февраля и 19 марта 1697 года заблаговременно извещал, что направляющиеся в Италию «москвиты» являются представителями лучших семейств своей страны, которым приказано скрывать свои настоящие имена и титулы¹⁹⁶. Его старший брат Алессандро Гваскони, проживавший в Венеции, в письме секретарю великого герцога от 5 июля 1697 года подтверждал прибытие царских стольников в Венецию, снова именуя их цветом русской знати и отмечая нахождение среди них царского шурина¹⁹⁷. Этой информации, принятой при тосканском дворе к сведению, как правило, было достаточно. Подлинные имена и положение побывавших во Флоренции русских дворян Козимо III и его канцелярию, кажется, чаще всего не интересовали. Секретари великого герцога обращаются с расспросами о проезжающих «москвитых» к своему агенту в Венеции Алессандро Гваскони лишь в том случае, когда возникают сомнения в том, что безымянным гостям был оказан тот прием, которого они заслуживают. Придворный этикет требовал точной меры, и отклонения в ту и другую сторону одинаково могли повредить доброму имени правителя Флоренции. Потому беспокоились, когда гость вел себя не как все, то есть казался недостойным оказанной ему чести, либо наоборот, держался чересчур важно, в ком можно было заподозрить могущественное лицо.

T. VI (1999). P. 37–57; *Balatri F. Vita e viaggi*. A cura di M. Di Salvo. Alessandria, 2020.

¹⁹⁶ Три почти идентичные выписки из этих писем, сделанные на одном листке бумаги рукой Алессандро Гваскони, мне удалось найти в трех разных местах: Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato (далее: ASFi, MdP), 1581, f. 410r.; Archivio di Stato di Venezia, Inquisitori di Stato, b. 610 (без пагинации); Archivio Segreto Vaticano, Segreteria di Stato, Venezia, 145, f. 332r.

¹⁹⁷ ASFi, MdP, 1581, f. 432r.–433v.

Так, в одном из писем в Венецию секретарь Бассетти спрашивает агента о приезжавшем во Флоренцию «еще одним русском синьоре», велевшем называть себя князем Георгием Гюргевичем. «Тот не обнаружил большой учтивости, будучи по природе довольно неотесанным». Правда ли то, что он князь? — интересовались при тосканском дворе¹⁹⁸. Агент Алессандро Гваскони спешит успокоить своего корреспондента: приезжий — действительно князь, Юрий Юрьевич Трубецкой. «Он по натуре, в самом деле, немного неотесан. Таким он показал себя и здесь [в Венеции]»¹⁹⁹.

В другой раз секретарь Бассетти обеспокоен другим. «Недавно во Флоренции, — кидается он с расспросами к Алессандро Гваскони, — на аудиенции у его светлости был один русский кавалер. Он человек благородной наружности, высокого роста, с хорошими манерами [«ben formato di vita», но в черновике было сказано иначе: «ben formato di corpo» — «изрядного телосложения»], одет на польский лад, носит светлый парик, на вид ему около сорока. С ним разные люди, которые относятся к нему с почтением. Среди них, говорят, есть будто бы два его брата и один священник. Упомянутый кавалер, выехав из Венеции, отправился на Мальту, потом в Неаполь, Бари и Рим, откуда он и приехал во Флоренцию». Кто он таков, пытались выяснить у купцов, кому тот мог оставить свой адрес для пересылки каких-либо товаров. Однако таинственный гость таких поручений никому не давал. «Его светлости [великому герцогу], — продолжает секретарь, — любопытно знать, какое положение он занимает, ибо нашлись такие, кому взбрело в голову, что он может быть царским свойственником»²⁰⁰.

На конверте неизвестным почерком сделана приписка с русскими именами, в которых узнаются трое Милославских: Сергей и Александр Ивановичи являлись родными братьями, Алексей Матвеевич приходился им двоюродным. Царским шурином,

¹⁹⁸ ASFi, MdP, 1608, f. 1074r.-v.; черновик: там же. 1581, f. 694r.-v.

¹⁹⁹ ASFi, MdP, 1581, f. 698r.

²⁰⁰ ASFi, MdP, 1608, f. 999v., 1000r.; черновик: там же. 1581, f. 630r.

упоминавшимся в переписке тосканского двора с братьями Гва-скони, являлся брат царицы Авраам Лопухин. Другим источником подобной информации выступали газеты — изначально рукописные новостные листки.

Любопытным образом о «царском свойственнике», объявившемся в Риме, сообщала газета от 28 декабря 1697 года: «Сюда [в Рим], — говорится в этом тексте, — прибыл свойственник царя Московии, дабы увидеться с двумя московскими князьями Голицыными, недавно приехавшими с большой кавалькадой, и на фоне этих его соотечественников он выделяется, хотя и они важные господа» («e viene egli molto distinto da quei suoi nazionali, benché siano gran cavalieri»)²⁰¹. Разберемся, кто были эти люди. «Семь колясок московитов, одетых по-французски», въехали в Рим вечером 8 декабря²⁰². К счастью, мы знаем приехавших поименно. Между 18 и 29 ноября иеромонах Тарасий Коплонский встретил их на пути между Неаполем и Бари: «В дороге виделся с столники с князь Дмитрием да с Петром Голицыными, с Васильем да с Володимиром Шереметевыми, с Аврамом Лопухиным, с Михайлом Ртищевым, с князь Яковом Лобановым»²⁰³. Следовательно, брат царицы Евдокии Лопухиной приехать к Голицыным в Рим не мог, ибо уже находился вместе с ними. «Царским свойственником», упомянутом в газете от 28 декабря 1697 года, который поразил наблюдателей своим важным видом, по-видимому, являлся Б. И. Куракин, свояк Петра I, муж сестры Авраама и Евдокии Лопухиных Ксении. О том, что он побывал в Риме около этого времени, известно из его собственных записок²⁰⁴. На Франкфуртской ярмарке той же

²⁰¹ Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого, Юрьев, 1903. С. 327–328 (№441).

²⁰² «7 calessi de Moscoviti, i quali si sono rivestiti alla francese», — Там же. С. 321 (№430).

²⁰³ Плохинский М. М. Путешествие иеромонаха Тарасия Коплонского в Италию в конце XVII столетия // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 8. 1896. С. 292; по поводу датировки этой встречи см. с. 295–296.

²⁰⁴ Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 255.

зимой распространялось известие о нахождении среди «московитов», посетивших Рим, наряду с «сыном князя Голицына и братом генерала Шереметева», также «двух царских родственников»²⁰⁵.

Сразу ответить на вопрос у Алессандро Гваскони не получилось. Он писал во Флоренцию, что все русские синьоры разъехались из Венеции в плавания и путешествия по Италии. В городе осталось только некоторое число их слуг. Потому выяснить, что за человек был принят Козимо III, пока не представляется возможным. Гваскони обещает разузнать это при первой возможности²⁰⁶. Пока суд да дело, Бассетти успеваает поделиться новостью о следующей группе русских, прибывших ко двору их государя. Устанавливать их личности секретарь Бассетти не просит, а только сообщает о том, сколь удивительными ему показались их благовоспитанность и кротость, кои он приписывает «воздействию наблюдения обычаев самой просвещенной [части] Европы»²⁰⁷.

Две недели спустя Гваскони, наконец, дает ответ: «У сказанного князя Петра [Алексеевича Голицына] я разузнал о тех самых русских синьорах, побывавших у вас в последние недели. Господин, одетый на польский лад, в светлом парике — это синьор Андрей Петрович Измайлов. Другие — три его брата и еще один их свойственник. В Венецию они пока не вернулись. Эти синьоры — важные господа»²⁰⁸. Видимо, подразумевается: «важные господа», но при этом не члены царской фамилии. Согласно «Запискам Великой особы», их составитель побывал во Флоренции с 27 по 29 мая 1698 года, то есть 6–8 июня по

²⁰⁵ «Darunter zwey vornehme Verwandten des Czaar», — Relationis historicae semestralis vernalis continuatio. Jacobi Franci Historische Beschreibung der denckwürdigsten Geschichten... vor und zwischen jüngst-verflossener Franckfurter Herbst-Meß, 1697. biß an die Oster-Meß dieses lauffenden 1698. Jahrs... Franckfurt am Mayn, 1698, S. 30.

²⁰⁶ ASFi, MdP, 1581, f. 638r.

²⁰⁷ «Di tal Nazione abbiamo qui un'altra Brigata, che presto ci lascia, e si fa conoscere per molto docile, e di tratto civilissimo, e discreto tutti effetti della osservazione fatta ai Costumi dell'Europa più culta», — ASFi, MdP, 1608, f. 1003r.

²⁰⁸ ASFi, MdP, 1581, f. 642r.

григорианскому календарю. Секретарь Бассетти писал своему венецианскому корреспонденту раз в неделю, и ближайшими датами написания писем были 7 и 14 июня. Письмо Бассетти с вопросом о таинственных гостях великого герцога было датировано 14 июня 1698 года. По датам все сходится безупречно.

Тем не менее, возможно, П. А. Голицын ошибся, и лучше поверить загадочной надписи на конверте с именами братьев Милославских. На это указывают подробности пути. Автор «Записок Великой особы» двигался из Венеции через Болонью во Флоренцию и далее в Рим и южнее Фраскати не ездил, тогда как неизвестные гости, привлечшие внимание Козимо III, как уже сказано, путешествовали по маршруту: Мальта, Неаполь (с заездом в Бари), Рим, Флоренция. Далее, в письме Бассетти говорится о трех дворянах, что отвечает числу Милославских, тогда как П. А. Голицын сообщает о пяти (кто был свойственник Измайловых, путешествовавший пятым в их компании, сказать не берусь).

Весьма резонансным и похожим в ряде других деталей было посещение Милославскими Рима осенью 1697 года. Впрочем, обилие документов, освещающих это событие²⁰⁹, может объясняться тем, что из числа «навигаторов» Милославские оказались там первыми. Вышло это скорее случайно. В конце сентября находившиеся в Венеции русские дворяне на многих кораблях, нанятых для обучения, вышли в плавание по Адриатике. По сообщению одной из рукописных газет, Петровские «нави-

---

²⁰⁹ Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого. С. 312–318 (№411–414, 416, 420); ASFi, MdP, 3963 (без пагинации), три рукописных газеты из Рима от 9, 12 и 16 ноября 1697 года; ASFi, MdP, 1608, f. 911v., письмо Аполлонио Бассетти Алессандро Гваскони из Флоренции от 23 ноября 1697 года; *Avisi italiani, ordinarii e straordinarii, dell'anno 1697*. Vienna, s. a. 1) «Il corriere ordinario», №95, от 27 ноября 1697 года, здесь сообщение из Рима от 9 ноября; 2) «Il corriere ordinario», №97, от 4 декабря 1697 года, здесь сообщение из Рима от 16 ноября; 3) Там же. Сообщение из Венеции от 23 ноября; 4) «Il corriere ordinario», №99, от 11 декабря 1697 года, здесь сообщение из Рима от 23 ноября; 5) «Il corriere ordinario», №101, от 18 декабря 1697 года, здесь сообщение из Генуи от 30 ноября.

гаторы» желали достичь Апулии, где находилось прославленное святилище св. Николая в Бари, «и некоторые из них собирались отправиться [оттуда] в Рим»²¹⁰. Выясняется также, что пятеро из них продумали последующий маршрут и позаботились о получении проезжих паспортов у великого герцога Тосканского. Вместе со «свитой, переводчиками, слугами», сопровождавшим их наставником «космографом Коронелли» приезжих ожидалось около тридцати человек²¹¹.

Первоначальным намерением братьев Милославских в начале осени 1697 года было достичь морем Бари, откуда они хотели ехать в Неаполь и после в Рим. Жестокий шторм вынудил их высадиться в Анконе. Согласно одному свидетельству, всего на берег тогда сошло около 60 русских. Большинство предпочло вернуться в Венецию. Имена троих дворян из этого числа удастся установить. Иеромонах Тарасий, говоря о своем проезде около этого времени через Анкону, сообщает: «И под тем городом у пристани корабельной был... на корабле у стольников у Михайла Хилкова з братьями [Юрием и Андреем]»²¹². Три брата Милославских, завернув в Лорето, отправились в Рим. Их сопровождали восемь слуг. По другим данным, «москвитов», достигших Рима, было больше — тринадцать или даже около двадцати человек. Известно, что к русским присоединилось несколько итальянцев — один венецианец, без большого успеха пытавшийся играть роль переводчика; по крайней мере, один «возчик, который привез их из Анконы в Рим», выступивший там информатором. Впрочем, колясок было три. Могло быть больше и нанятых итальянцев. Вероятно, свита выглядела солидной.

Братья были в Риме вечером 5 ноября 1697 года и оставались до утра 16 ноября. Больше всего подробностей, которые кажутся наиболее достоверными, приведены в записке губернатора

²¹⁰ Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого. С. 301 (№ 393).

²¹¹ ASFi, MdP, 3048, f. 219r.–220r.

²¹² Плохинский М. М. Указ. соч. С. 292.

Рима, адресованной папскому домоправителю. Вместе с тем факты у него перепутаны, и местами его требуется исправлять. Он сообщает о Милославских: «Они разодеты, как янычары, в огромных польских шапках на головах» («sono superbamente vestiti alla giannizzera, col berettone polacco in testa»). Следующая информация передана неточно, но при этом крайне любопытна. Буквально написано так: «Это два брата [хотя выше говорилось о «трех настоящих синьорах»], один из которых является монахом [другой перевод: священником]. Он должен получить [«haverà»] власть над огромной провинцией, способной выставить в поход 40 тысяч воинов. Сказанных братьев, которые на одно лицо, зовут...». И дальше автор записки, кажется, снова позабыв, что только что говорил о двух братьях, называет по именам всех трех, включая двоюродного. В этой цитате отметим два момента. Конечно, никто из Милославских священником или монахом не был, но некий священник, как и потом во Флоренции, возможно, находился при них. Наблюдатели в Риме отмечают их коленопреклоненные молитвы перед усыпанной драгоценностями иконой, которую они привезли с собой, и то, что они «не выпускали из рук некую книгу», судя по контексту, благочестивого или богослужебного содержания. Что касается огромной провинции, обладать которой будто бы было суждено одному из Милославских, остается подумать, что такими рассказами они желали прибавить себе веса.

Из Рима Милославские в тот раз уже не поехали на юг, а отправились во Флоренцию и, вероятно, порт Ливорно, ибо, по сообщению одной из газет, их ожидали в Генуе. Весной следующего года они могли задаться целью осуществить свое старое намерение побывать в Бари и Неаполе, откуда могли возвращаться проездом через Флоренцию.

Если гостями правителя Флоренции, о которых он справлялся, были все же Милославские, то что, в таком случае, остается на долю братьев Измайловых? Гипотезе Д. Ю. Гузевича по поводу авторства «Записок Великой особы» косвенно служит ряд деталей. Если П. А. Голицын и за ним А. Гваскони утверждают, что в путешествии по Италии братьев было четверо, видимо,

это значит, что к трем Измайловым, посланным Петром в Венецию, в самом деле, успел прибыть из Голландии их брат Алексей. Другое косвенное подтверждение возможного авторства Алексея Петровича — неожиданное появление имен его братьев Андрея и Ивана Измайловых среди расписавшихся в альбоме амстердамского анатома Ф. Рёйса или Рюйша. Очевидно, те возвращались на родину несколько необычным путем через Амстердам. Но именно так описана дорога из Венеции в Россию в интересующих нас «Записках Великой особы»! Наконец, существует газета с известиями из Рима от 14 июня 1698 года, где говорится о приезде в Рим пяти неизвестных «москвитов»²¹³. В «Записках Великой особы» приезд в Рим датирован третьим, то есть 13 июня по новому стилю. Достаточно очевидно, что автор записок находился среди этой группы приехавших, которые могут быть упомянутыми П. А. Голицыным четырьмя братьями Измайловыми «и одним их свойственником». В этой связи можно остановиться на формулировке: Алексей Петрович Измайлов выглядит правдоподобным кандидатом на роль безымянного сочинителя.

* * *

Дневник стольника П. А. Толстого и «Записки Великой особы» образуют поистине загадочную пару. Два травелога, написанные людьми одного круга, поставленными в одни обстоятельства, являют собой две ярчайшие противоположности в восприятии европейской культуры.

Путевые записки П. А. Толстого демонстрируют удивительные примеры понимания самых рафинированных сторон европейской культуры. Так, в рассказе о посещении некоего римского дворца П. А. Толстой мимоходом называет несколько увиденных там античных статуй, и мы с изумлением догадываемся, что царский стольник безупречно указывает на глав-

---

²¹³ Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого. С. 376 (№517).

ные шедевры коллекции Фарнезе. В наши дни большая часть этого замечательного собрания находится в Неаполе, а тогда оно располагалось в предназначенной для него галерее римского Палаццо Фарнезе, о котором, следовательно, и идет речь. Из Рима П. А. Толстой едет во Флоренцию, и первое, что он видит, выйдя из гостиницы, — шедевр Лоренцо Гиберти, бронзовые двери баптистерия Сан Джованни, отправной памятник флорентийского Возрождения, проложивший дорогу целой художественной эпохе.

Одну из первых записей «Великой особы», посвященных ее пребыванию в Амстердаме, где говорится о слоне, который «стрелял из мушкета... и имеет симпатию с собакой», М. М. Богословский соотносит с информацией о демонстрации ученого слона «великим и полномочным послам» в резиденции Ост-Индской компании 21 сентября 1697 года²¹⁴. Автор «Записок Великой особы» пишет о своем активном участии в работе Великого посольства со времен приезда последнего в Гаагу, однако, как выясняется, он действовал в свите великих послов еще раньше. «Хотя программа пребывания Великого посольства включала посещение всех тогдашних достопримечательностей, — комментирует начало наших путевых записок Ф. Оттен, — показу культурных достопримечательностей [на страницах дневника] отводится лишь маргинальное место [gerät die Wiedergabe der kulturellen Höhepunkte... recht marginal]. Так, о посещении театральной постановки, которая в условиях кальвинистской Голландии являлась особым жестом в адрес русских гостей, автор говорит столь лаконично, что мы остаемся в совершенном неведении относительно как самой пьесы, так и впечатления, которая она произвела»²¹⁵.

²¹⁴ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. II: Первое заграничное путешествие. М., 1941. С. 177. Со ссылкой: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 942.

²¹⁵ Otten F. Zur linguistischen und kulturhistorischen Bedeutung russischer Reiseberichte der Petrinischen Zeit // Zeitschrift für Slawistik Bd. 36 (1991), H. 4, S. 565.

В нашем литературоведении за автором «Записок Великой особы» закрепилась репутация человека невежественного и безразличного, который не мог или не хотел отличить заслуживающее внимания «от фокусов и пустяков». По словам А. Н. Пыпина, его заметки об увиденном «поражают своей первобытностью»²¹⁶. На самом деле, похоже, писатель довольно последовательно идет за определенным стереотипом удивительного, диктующим выбор объектов описания. Этот стереотип связан с народной культурой и ярмаркой. В число удивительных вещей попадают чисто ярмарочные персонажи и темы: акробаты и канатоходцы, всевозможные уроды и монстры, говорящая деревянная голова и т. д. Как удивительное и достойное упоминания воспринимается им все огромное: бочка, куда помещается сто бочек, конская грива размером в одиннадцать сажень с припиской: «мерил сам», и т. п. С неподдельным интересом сочинитель описывает разнообразие забав в публичных домах Амстердама, также не чуждых атмосферы народного праздника с его танцами и застольями.

Оговоримся, что ярмарочной эстетикой бывает увлечен и П. А. Толстой, а под конец «Записок Великой особы» заметно возросшее внимание автора к скульптуре. Возможно даже, здесь не обошлось без влияния П. А. Толстого и его дневника. Так, развернутые описания нимфея виллы Алдобрандини во Фраскати в тех и других путевых записках не идентичны, но похожи. Следующие затем картины «монумента четырех мавров» в Ливорно и фонтана Нептуна в Генуе, впрочем, явно оригинальны, ибо П. А. Толстой в этих городах не бывал. Все три упомянутых описания больших скульптурных композиций во Фраскати, Ливорно и Генуе, между прочим, содержат указания на детали, которых теперь нет и которые, очевидно, могут быть интересны будущим реставраторам, если те пожелают вернуть трем замечательным памятникам XVII века их первоначальный вид. Еще занимательнее история восковой статуи бранденбургского курфюрста Фридриха III, будущего первого прус-

²¹⁶ Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 3. СПб., 1899. С. 250.

ского короля. Составитель «Записок Великой особы» видел ее в Берлине в феврале 1699 года (еще один русский путешественник А. А. Матвеев — в ноябре того же года), то есть за два года до предполагавшейся ранее даты ее создания²¹⁷. Одних этих подробностей достаточно, чтобы заподозрить неладное. Под конец своих записок неизвестный автор может уже не показаться спустившимся с Рифейских гор примитивом. Начало и конец памятника, кажется, лучше трактовать по отдельности.

Факты разного отношения к европейской культуре не стоит толковать расширительно как указание на существование среди царских стольников разных культурных ориентаций и человеческих типов. Если первое бесспорно, то второе — рискованная гипотеза. От нее полшага до ложной картины Петровских реформ, «социальная база» которых покажется, в таком случае, необыкновенно узкой, ограниченной горстью сподвижников, «птенцов гнезда Петрова», действовавших посреди неподвижной русской жизни. Сами преобразования — насильем и чудом.

Нас путают две вещи. Первая — вера в причины, будто бы лежащие в основе человеческих поступков и вызывающие их, подобно машине, совершающей определенное действие. Но таких причиняющих механизмов в человеческом поведении не существует. Если бы они были, остроумно замечает Витгенштейн, мы могли бы угадывать будущее²¹⁸. Парадокс социальной жизни состоит в том, что действие в социальном мире может быть в достаточной мере свободным, вбирать в себя разные мотивы и иметь неожиданные объяснения. Великий ученый, яснее других описавший этот факт, подает разумный совет: «не выдавать за принцип практики агентов теорию, призванную ее рационально объяснить»²¹⁹. Другое распространенное суеверие — завышенные ожидания по поводу роли личности. Мы ждем,

---

²¹⁷ Otten F. Neue Quellen zur Datierung einer Wachsfigur Friedrichs I. // Zeitschrift des deutschen Vereins für Kunstwissenschaft. Bd. 42 (1988), H. 2, S. 77–81.

²¹⁸ Wittgenstein L. Werkausgabe. Bd. 1. Frankfurt am Main, 1984, S. 48.

²¹⁹ Bourdieu P. Choses dites. P., 1987. P. 76.

что человек, совершая действие, в первую очередь «проявит себя». А на деле практически любой поступок в социальном мире является взаимодействием с другими людьми и сопряжен с ожиданиями ответных действий со стороны других лиц. Чистых проявлений опыта и ценностей, с помощью которых можно было бы заглядывать в души, не существует, а есть только их преломления через призму социального. Тут хуже всего то, что мы смутно представляем себе ту самую призму: коммуникативные ситуации, где звучит то или иное высказывание, которые мы пытаемся оценивать.

Остаются аналогии, способные вооружить нас если не знаниями, то хотя бы догадками. Уделим внимание другим примерам неприятия нашими соотечественниками отдельных сторон западной культуры, имевшим место в ходе Великого посольства и связанных с них выездов русских дворян за границу. Их на удивление мало. Один такой случай я уже упомянул. Отправленный царем в Венецию «навигатор» Ю. Ю. Трубецкой заставил тосканский двор сомневаться в своем княжеском титуле, поскольку повел себя во Флоренции как хам и грубиян. Агент Алессандро Гваскони подтверждал, что и в Венеции он проявил себя похожим образом. После такой рекомендации удивительно будет узнать следующее: по словам голландского путешественника Корнелиса де Брейна, долгое время жившего в Италии, 14 января 1702 года в Немецкой слободе он беседовал с Ю. Ю. Трубецким на итальянском языке, «который тот понимал довольно хорошо» («die dezelve tamelyk wel verstondt»)²²⁰.

Как ни странно, кажется, понятно, что именно Ю. Ю. Трубецкой натворил в Венеции. Выбор невелик. Источники описывают всего один эпизод, который можно трактовать как открытый конфликт царских стольников с венецианцами. А вернее — венецианками. Одна версия произошедшего изложена в рукописной газете, приложенной к письму папского нунция в Венеции Кузано кардиналу Спада от 3 августа 1697 года: «Господин

---

²²⁰ Cornelis de Bruins Reizen over Moskovie door Persie en Indie ... t'Amsterdam, 1711. P. 22.

кавалер и прокуратор Соранцо устроил днями банкет для главных из этих москвитов... И полагают, что он устроит для них еще один банкет и праздничный бал, дабы загладить обиду, нанесенную одному из них в Ка Корнер, где одна дама отказалась с ним танцевать, сославшись на то, что она не понимает ни их музыки, ни того, как он танцует»²²¹.

Флорентийский агент Маттео дель Телья 27 июля доносил эту историю иначе: «Вчера вечером в Ка Корнер были торжества при большом стечении знати, куда привели несколько из этих главных москвитов. Один из них принялся играть на клавесине в зале, где между кавалерами и дамами происходили танцы. Другой взял за руку госпожу прокураторшу Мочениго, именуемую Мочениго Жемчугов, желая танцевать с ней. Та его отвергла, и он, чрезвычайно оскорбившись, громко сетовал на ее отказ, вызвав разговоры среди собравшихся. Разочарованный произошедшим, он со своей свитой уже собирался уйти, но вмешались разные кавалеры, которые его удержали и успокоили, приведя его обратно в главную залу, где были дамы и продолжался бал. Прокураторша Соранцо пригласила его на танец, москвит ей отказал, отомстив по-московски [*vendicandosi alla Moscovita*], и удалился с праздника, ход которого был нарушен внезапным ливнем и сильнейшим ветром, повалившим на землю все машины, приготовленные для иллюминации и фейерверка»²²².

Безымянный «москвит», в ком мы угадываем Ю. Ю. Трубецкого, нашел с кем ссориться. «Мочениго Жемчугов» (когномен «*delle perle*» указывает на фамильные драгоценности, бывшие женскими украшениями), Лукреция Басадонна, жена Джироламо Мочениго, занимавшего почетную должность прокуратора собора св. Марка, была одной из легендарных красавиц и роковых женщин Венеции, кружившей головы королям. Кажется, рассказанная история нашла отклик на страницах путевого дневника П. А. Толстого. Он описывает две ситуации,

²²¹ Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого. С. 290 (№370).

²²² ASFi, MdP, 3048, f. 168r.-v.

в которых венецианки, по его мнению, подают и не подают руку мужчине. Взять мужчину за руку к лицу куртизанке: «Многие девицы берут в машкарах [*ит. maschera* — маска] за руки иноземцов приезжих, и гуляют с ними, и забавляются без стыда». Но тут же П. А. Толстой прибавляет с издевкой по поводу венецианских танцев, которые кажутся ему нескладными: «Скачут один против другога вокруг, а за руки не берут друг друга»²²³. В этом вопросе он на стороне своего неизвестного товарища. Маттео дель Телья систематически пишет о «московитах» заметно злее других. Возможно, и в этом своем рассказе он сгущает краски. Автор же новостного листка изображает русского пострадавшим лицом и приписывает тот же снисходительный взгляд и желание сгладить ситуацию мужу отвергнутой прокураторши Соранцо. Одним словом, большой ясности в этой истории нет.

Мощная фигура Петра I убеждает в том, какой может быть правильная интерпретация нашего материала. На кого из героев нашего повествования царь больше всего похож? По крайней мере, в эти годы в нем отнюдь не видно той тяги к вершинам западноевропейского искусства, которая так удивляет в путевых записках П. А. Толстого. Его взгляд на Европу времен Великого посольства, наверное, больше напоминает «Записки Великой особы». Для царя Запад если не ярмарка, то большая кунсткамера со множеством раритетов. Снова употребим выражение «стереотип удивительного». Взгляд царя не всегда, но часто хочется назвать зашоренным. Но начать разговор о Петре лучше с материала, который служит необходимым дополнением к сказанному. Недоразумение на балу в венецианском дворце Ка Корнер 26 июля 1697 года нельзя не сопоставить с сообщениями о русских плясках под русскую музыку, которыми окончилось знаменитое свидание Петра I с курфюрстиной Софьей Ганноверской, ее дочерью курфюрстиной Бранденбургской Софьей-Шарлоттой и другими их родственниками в немецком замке Коппенбрюгге в ночь с 6 на 7 августа. Два эти события

²²³ Путешествие стольника П. А. Толстого. С. 106.

разделяют всего одиннадцать дней! Ту и другую сцену можно смело отнести к первым опытам встречи с Западом. Едва оказавшись в Европе, «москвиты» еще только решают, как себя вести, путем проб и ошибок ищут уместные формы поведения. (Правда, в эту щадящую интерпретацию плохо укладывается скандал, устроенный Ю. Ю. Трубецким во Флоренции, ибо он случился осенью следующего года накануне отъезда «навигаторов» на родину.)

Счет источников о встрече в Коппенбрюгге идет на десятки, и продолжают находиться новые. М. М. Богословский некогда недоумевал: если Софью-Шарлотту Бранденбургскую так интересовал русский царь, то почему она не встретила с ним вместе со своим мужем курфюрстом Фридрихом в Кенигсберге, а уехала к матери в Ганновер?²²⁴ Только сейчас выясняется, что курфюрстина в тот раз поспешила на премьеру оперы итальянского композитора Луиджи Манча²²⁵. Он же был и певцом, и его могли взять на свидание с царем в Коппенбрюгге. Софья-Шарлотта первым делом попыталась поделиться с русскими гостями собственным увлечением — итальянскими певцами. Толстый русский посол, танцевавший в тот вечер с ее матерью, Ф. А. Головин, возможно, желая проявить учтивость, позднее спрашивал, нельзя ли ему получить ноты исполненных тогда итальянских арий²²⁶. В деле передачи нот приняли участие такие величины, как Лейбниц и создатель первой русской грамматики Вильгельм Лудольф. В письме от 18 октября 1697 года из Гааги Лудольф сообщал Лейбницу: «Итальянские арии, которые вы мне послали, я вручил сказанному послу лично в руки. Он был чрезвычайно рад и нижайше благодарит за них госпожу курфюрстину». При этом он был так любезен, что тут же

²²⁴ Богословский М. М. Указ. соч. С. 113 и след.

²²⁵ ASFi, MdP, 3048, f. 197r.–198v.; русск. пер. см. нашу работу: Несколько описаний Петра I времен Великого посольства // Ежегодник Государственного архива Российской Федерации. М., 2023. С. 15.

²²⁶ *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel.* Bd. XIV. Berlin, 1993, S. 386–387 (№235).

«кликнул их музыкантов, чтобы те их исполнили, но музыканты попросили время до завтрашнего дня»²²⁷. Мнение о Ф. А. Голловине составилось самое лестное. Лейбниц писал о нем Софье-Шарлотте Бранденбургской: «Он слывет одним из самых приличных людей среди своих соотечественников» («il passé pour un des plus honnestes hommes de sa nation»). В другой раз: «Что до москвитов, рассказывают, что толстый комиссар самый развитый и умный у них» («le gros commissaire est le plus spirituel et le plus intelligent qu'ils ayent») ²²⁸. Софья Ганноверская в знаменитом письме жене своего племянника рауграфине Луизе Пфальцской от 11 августа описывала реакцию на итальянских певцов царя Петра: «Ему понравилось, но он сказал, что музыка не сильно ему нужна» («sagte aber, er fragte nicht viel nach die Musik») ²²⁹.

Существуют картины танцев в Коппенбрюгге, рисующие «москвитов» насильниками и дикарями. По словам новостного листка, приложенного к донесению датского посланника Отто фон Менкена, во все время застолья и танцев «москвиты» не давали герцогиням и никому другому посещать уборные, заставляя несчастных дам справлять нужду в окна или где придется, закрывшись юбками фрейлин. Якобы курфюрстине Софье-Шарлотте Бранденбургской пришлось из-за этого опустошить желудок посреди танцевальной залы в плотном кольце дам. Такие новости достигали ушей датского короля. Немецкий исследователь Вальтер Медигер отказывает этой истории в достоверности, усматривая в ней клевету соседнего Вольфенбюттельского двора²³⁰. В наиболее правдоподобных сообщениях о танцах русские, мало сказать, ничего не навязывают, а, кажется, наоборот, с трудом дают себя уговорить.

²²⁷ Там же. S. 614 (№357).

²²⁸ Там же. S. 771, 868 (№440, 488).

²²⁹ Bodemann E. (Hg.) Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Raugräfinnen und Raugrafen zu Pfalz. Leipzig, 1888, S. 161 (№169).

²³⁰ Mediger W. Die Begegnung Peters des Großen und der Kurfürstin Sophie von Hannover in der Darstellung A. N. Tolstojs // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte, Bd. 26 (1954), S. 137–143.

Подробностей об устройстве танцев, впрочем, вообще сохранилось не так немного, и если нас интересуют аналогии, то лучше эти подробности перечислить. Софья-Шарлотта Бранденбургская уверяла одного из своих корреспондентов, что инициатива исходила от нее. Ей хотелось узнать, как русский царь танцует, и она попросила Лефорта, игравшего роль переводчика, послать за русскими музыкантами. «[Петр] не хотел начинать, — сообщает она дальше, — не увидев прежде, как танцуем мы. Что мы и сделали, дабы доставить ему удовольствие». Потом царь не начинал танцевать, ибо во всем обозе не могли найти ему перчатки, требовавшиеся для танца²³¹. Впрочем, другое свидетельство убеждает в том, что русские танцы все же предполагали определенные касания. «Московиты» удивлялись «чертовски твердым костям» немок, принимая за ребра их корсеты²³².

Что касается русских музыкантов, документы о свидании в Коппенбрюгге упоминают «скрипачей», хотя встречается и уточнение: «двух скрипачей с такими инструментами, которыми пользуются в их стране» («due sonatori di violino all'uso del proprio Paese»)²³³. При этом, как мы помним из истории с нотами, эти музыканты, бывшие в свите Великого посольства, очевидно, знали европейское нотное письмо и за день собирались разучить несколько итальянских пьес. По словам другого процитированного документа, в венецианском дворце Ка Корнер некий «московит» якобы сел аккомпанировать танцующим на клавесине (или чембало, «si pose a sonare il Cimbalo»). Кастрат Филиппо Балатри, полтора года спустя привезенный в Россию «навигатором» П. А. Голицыным, правда, уверял, «что в Москве не сыщешь ни чембало, ни спинета» («non si

²³¹ *Erman J. P. Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, Reine de Prusse.* Berlin, 1801. P. 117. Приведенное здесь письмо Софии-Шарлотты Бранденбургской тайному советнику Паулю фон Фуксу имеет ошибочную дату 17 июля.

²³² *Bodemann E. (Hg.) Briefe der Kurfürstin Sophie von Hannover an die Raugräfinnen und Raugrafen zu Pfalz.* S. 162 (№ 170).

²³³ См. прим. 225.

trovan gravicimbali né spinette», разновидности клавесина). «А есть разве что портативные органы. Они имеются во многих домах, но годны для одних танцев». В другой раз он записывает: «Для танцев им служат органы и скрипки, и редко в каком господском доме нет органа». Клавесин, нужный Балатри для аккомпанемента, тогда все-таки нашелся в доме Анны Монс²³⁴.

От переписки Софьи Ганноверской и ее не менее знаменитой племянницы «Лизелотты», жены герцога Орлеанского Елизаветы Шарлотты Пфальцской, до нас дошли лишь письма последней. Вальтер Медигер свидетельствует: «Они отражают также содержание и настроение многочисленных писем Софьи своей племяннице, которые по бьющему через край избытку откровенности, неприукрашенных известий, тонких наблюдений и мыслей должны быть отнесены к числу лучшего и самого личного из написанного курфюрстиной. Хотя они утрачены, по ответным письмам Лизелотты до известной степени их можно реконструировать. Тем самым корпус высказываний Софьи, дошедших до нас непосредственно, получает важное приложение и дополнение». Всего это ни много ни мало «24 внушительных тома корреспонденции», хранящихся в архиве, который теперь называется: Niedersächsisches Landesarchiv, Abteilung Hannover. «Хотя письма эти публиковались Эдуардом Бодеманном в 1891 году, это была лишь сравнительно ограниченная подборка, в которой отсутствуют как раз те места, которые наиболее важны для нашего исследования. [То есть опущены места, где говорится о России и Петре I. — И. Д.] Для культурной и интеллектуальной истории конца XVII и начала XVIII столетий они представляют собой бесценную сокровищницу, которая далеко не исчерпана»²³⁵.

В. Медигер цитирует письмо «Лизелотты» от 22 августа 1697 года, где продолжается обсуждение свидания в Коппенбрюгге и, в частности, таких подробностей: «Мне удивительно, что царевич Имеретинский [сопровождавший Петра в Ве-

²³⁴ *Balatri F. Vita e viaggi.* P. 43, 114.

²³⁵ *Mediger W.* Указ. соч. S. 126–127.

ликом посольстве — И. Д.] лучше умеет себя вести и более воспитан, нежели сам царь» («mehr *politesse* alß der Czaar hatt»). Можно подумать, заключает она, что грузины набрались учтивости от соседствующих с ними китайцев²³⁶. Самыми поразительными свидетельствами из переписки Софьи Ганноверской и ее родни, на мой взгляд, являются те, где царь Петр противопоставляется своим подданным как человек, отставший от них в культурном развитии. Женщина замечает, что многие русские лучше воспитаны и ведут себя приличнее, чем их царь. Особенно одиозной представлялась его привычка ковырять в носу и сморкаться пальцами так, что содержимое его носа быстро оказывалось на камзолах окружающих. В письме Софьи Ганноверской ее внучке наследной принцессе Прусской Софье Доротее от 15 ноября 1711 года читаем: «Сморкаться рукой царь, вероятно, привык в Голландии, [переняв эту манеру] от матросов, ибо другие русские, путешествовавшие [по Европе], этого не делают». И к этому следует обескураживающий комментарий: «Будучи важным лицом, он привык делать то, что ему заблагорассудится»²³⁷. Еще раз в письме ей же от 19 октября 1712 года: «Что касается его манер, он, по-видимому, считает себя правителем достаточно великим, чтобы следовать своим прихотям, не заботясь о том, что о нем говорят»²³⁸. Для нас это ключевая мысль. Тут нам является та самая социальная подоплека поведения, которая способна скорректировать и перевесить любые абстрактные идеалы. Нарочитое бескультурье может выступать заявкой на статус, и отказ воспринимать чужой культурный опыт — формой отстаивания своего человеческого лица. Не здесь ли нам надо подозревать мотивы скандалиста-неудачника Ю. Ю. Трубецкого и объяснение необыкновенной зашоренности неизвестного автора «Записок Великой особы»?

---

²³⁶ Там же, S. 130.

²³⁷ *Schnath G.* (Hg.) Briefwechsel der Kurfürstin Sophie von Hannover mit dem preußischen Königshause. Berlin, Leipzig, 1927, S. 222 (№311).

²³⁸ Там же. S. 244 (№341).

Заметим и то, что сказанное не мешает курфюрстине Софье Ганноверской восхищаться Петром как великим человеком. В письме Софье Доротее от 27 ноября 1711 года бабушка советует внучке, чтобы ее муж прусский кронпринц Фридрих Вильгельм брал пример с царя Петра I, в следующих выражениях: «Я, впрочем, не сомневался, что кронпринц сочтет царя очень умным человеком. Царь не утруждает себя тем, чтобы быть благовоспитанным или гнаться за модой, но он справедлив и добросердечен... Думаю, если бы французский король тоже сморкался пальцами, все немецкие князья делали бы то же самое, дабы быть *à la mode*»²³⁹.

---

²³⁹ Там же. S. 223 (№312).

ПРИНЦЕССА И ТРОН ПРОПАВШЕГО СТОЛЬНИКА А. П. ПРОЗОРОВСКОГО

Известная «петровская повесть» «Гистория о российском матросе Василии Кариотском» начинается как бытовой рассказ о русском дворянине, записавшемся «в морской флот в матросы» и отправленном для учебы в Голландию, но затем погружает читателя в атмосферу невероятных приключений, выпавших на долю главного героя, который, в конце концов, женится на дочери «Флоренского короля» и наследует его трон. В этом сюжете соединяются заимствования из переводного романа и сказочные, фольклорные мотивы с намерением автора сочинить, выдумать занимательный рассказ. Хотя повесть содержит ряд очевидных отсылок к историческим реалиям Петровского времени, им достается роль деталей. При этом мы догадываемся, что реальное может быть стершейся основой сюжета, который мы воспринимаем как целиком вымышленный. Историк, вооруженный историческими материалами, в этом смысле может быть полезен литературоведам. Известный пример такого рода — исторический комментарий П. В. Седова к сюжету повести о Фроле Скобееве. Как выясняется, он построен на солидном фундаменте подлинных исторических фактов²⁴⁰. Исследователи «Гистории о Василии Кариотском» допускают подобную возможность. Согласно догадке П. Н. Беркова и Г. Н. Моисеевой, отдаленным прототипом «матроса Василия» мог являться

---

²⁴⁰ Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 542–548.

один из царских стольников, отправленных Петром за границу одновременно с Великим посольством в начале 1697 года, князь Александр Петрович Прозоровский²⁴¹.

Материал об этом человеке, известный двум упомянутым филологам, собран в статье С. Ф. Платонова. Можно усмотреть несколько совпадений в судьбе литературного героя и его предполагаемого прототипа. Подобно персонажу «Истории о Василии Кариотском», А. П. Прозоровский был отправлен учиться в Голландию («для наук арихметических и разных языков», — сказано в повести о «русском матросе»). Видимо, он единственный из первых «навигаторов», кто остался на Западе. Его судьба более или менее известна с того момента, как летом 1701 года он осел в Вене. Б. И. Куракин сообщает о А. П. Прозоровском следующие подробности: «Которой с того времени и по сей 17... год не возвратился во отечество и во многих местех по Европе ездил четыре годы, искал своего счастья, однако ж нигде не мог кроме Венского двора, где цесар Леополт ему обещал давать на год 1 000 червонных, где и продолжается [проживает — И. Д.] и по се число, токмо веры не пременял и службы цесарской никакой не принял»²⁴². Связь А. П. Прозоровского с Веной и обещанная ему императором пенсия (подчеркнем слово «обещанная», «обещал давать») заставляют вспомнить эпизод повести, когда «матрос Василий» вместе со своей возлюбленной, дочерью «Флоренского короля», попадает в «Цесарию», где он становится ближайшим другом цесаря, полюбившего его, как брата. В то же время гипотеза П. Н. Беркова и Г. Н. Моисеевой, наверное, выглядит натянутой, пока нет ответов, по крайней мере, на два вопроса. Если А. П. Прозоровского посылали в Голландию и после видели в Вене, мог ли он оказаться в Италии, где так счастливо сложилась судьба волнующего нас литературного героя? Для правдоподобия параллели между

²⁴¹ Берков П. Н. О так называемых «петровских повестях» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 423; Моисеева Г. Н. Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965. С. 173–174.

²⁴² Платонов С. Ф. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697–1720) // Доклады АН СССР. Серия В. 1929, № 12. С. 236–243.

ним и Василием Кариотским, вероятно, он должен был не просто побывать в стране «Флоренского короля» — правившего в это время великого герцога Тосканского Козимо III, — а добиться там некоего социального успеха, как-то заметно возвыситься. Это некий событийный минимум, способный сделать А. П. Прозоровского относительно убедительным кандидатом в прототипы.

Во Флорентийском государственном архиве мне посчастливилось найти замечательный документ, отчасти проясняющий эти вопросы. Это черновик паспорта, проезжей грамоты для путешествия на родину, выданный на имя русского князя Александра Прозоровского-Ярославского великим герцогом Тосканским Козимо III. Он датирован 20 октября 1699 года²⁴³. Хотел ли отпрыск ярославских князей ехать в Россию в самом деле или же заручился паспортом только как рекомендательным письмом, мы знать не можем. Другие стольники из Италии давно разъехались²⁴⁴. Вот выдержки из этого документа (в русском переводе мы несколько упростим синтаксис):

Passaporto specioso fatto da Sua Altezza Al Signore Principe Proseronoscoi ²⁴⁵ Hieroslaschi Moscovita, li 20 Ottobre 1699 dall'Ambrogiana.	Особый паспорт, выданный Его Высочеством синьору князю Прозоровскому-Ярославскому из Московии. 20 октября 1699 года, вила Амброджана.
---	---

²⁴³ Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato (далее: ASFi, MdP), 6298, f. 561r.–562r.

²⁴⁴ На первый взгляд, сказанному противоречит существование известной рукописи: «Архитектура цывиная выбрана ис Паладиуша... от математика и архитекта Кашпора Века писана в Венеции лета 1699 году месяца сентября учением и тщанием будучи тамо господина князя Долгорукова а по рускому календару 7206 году». — РГАДА. Ф. 181. Д. 258/463. К ее составлению, по всей вероятности, был причастен один из двух Долгоруких, посланных в Венецию в начале 1697 года. Однако заметим, что приведенная датировка содержит ошибку: первая декада сентября 7206 года приходится на 1697, а две заключительные декады месяца — на 1698 год. О самом сочинении «Кашпора Века» см.: *Di Salvo M. Gasparo (Della) Vecchia, Architecture, and Russia // Studi Slavistici, XVIII (2021) 1. P. 223–234.*

²⁴⁵ Букву «w», написанную немецким курсивом, не зная этого письма, можно принять за две буквы «по».

Portandosi in diverse Parti dell'Europa per poi restituirsi alla Patria il Signore Principe Alessandro Prooronoscoi Hieroslaschi, noi che tenghiamo nella dovuta pienissima estimazione, non meno le riguardevoli prerogative della sua Casa, che è tra le primarie del vasto Imperio di Moscovia, che le degnissime qualità di lui, il quale nel favorire i nostri Stati ci si è fatto conoscere tutto ricolmo di Bontà, di Saviezza, e di maniere gentilissime, vogliamo accompagnarlo col presente sincerissimo attestato de' parzialissimi sentimenti, che nutriamo per il suo gran Merito, e dell'amicizia cordiale, che sempre conserveremo verso la sua qualificata Persona...

Синьор князь Александр Прозоровский-Ярославский ездил по разным странам Европы с намерением вернуться впоследствии на родину. Мы питаем заслуженное и глубочайшее уважение как к выдающемуся положению его семейства, которое относится к числу первых семейств обширной Московской империи, так и к его достойнейшим личным качествам. Оказывая услугу нашему государству, он проявил себя как человек, исполненный добросердечия, мудрости и наиболее благороднейших манер. Этим сопроводительным письмом мы желаем дать ему самое искреннее удостоверение нашей симпатии, которую он заслужил, и сердечной дружбы, которую мы навсегда сохраним в отношении столь достойного лица...

Ниже мы узнаем нечто удивительное: оказывается, А. П. Прозоровский получил от великого герцога крест ордена Св. Стефана.

E poiché abbiamo riconosciuto nell'animo generoso del medesimo Signore Principe il lodevolissimo zelo di combatter valorosamente per la gloria della Croce di Giesù Cristo, contro i Turchi, Tartari, et altre Barbare Nazioni, che immerse nella lor cecità non conoscono il Sommo pregio, e l'alta Virtù dell'adorato Stendardo, che il Divin Redentore lasciò a'suoi seguaci, abbiamo stimato proprio di donarli una

И поскольку в благородной душе сказанного синьора князя мы узрели самое похвальное устремление ради славы креста Иисуса Христа смело сразиться с турками, татарами и иными варварскими народами, которые в своей слепоте не ведают высшей ценности и силы высокочтимого знамени [то есть креста — И. Д.], которое Божественный Искупитель оставил своим последователям,

Croce da Cavaliere di S. Stefano, la quale rappresentando quella di Giesù Cristo, possiamo sperare, che al magnanimo cuore di detto Signore Principe accrescerà i degni stimoli di dilatare le glorie della Croce del Salvatore, coll'esercitare il proprio coraggio contro i nemici della medesima. Dalla singolare umanità poi del Signore Principe medesimo che ne viene da noi pregato ista[n]tamente siccome ci promettiamo, che saranno favoriti, e protetti tutti i Cattolici Romani, che passeranno poi il Vasto Imperio della Maestà del Serenissimo e Potentissimo Czar, così lo accertiamo, che avremo noi pure un'affettuosa considerazione per l'inclita Nazione Moscovita, e l'animo sempre disposto a dimostrarla positivamente a ciascheduno di essa, che transiti per questo nostro Dominio...

мы сочли уместным даровать ему крест кавалера ордена Св. Стефана. Поскольку последний являет собой крест Иисуса Христа, мы может надеяться, что в благородном сердце сказанного синьора князя он увеличит достойное рвение распространить славу креста Спасителя, выказав собственное мужество против врагов креста. Кроме того, от того же синьора князя как человека редкого человекалюбия мы ожидаем, что, по нашей настоятельной просьбе, все римские католики, которые в будущем станут пересекать обширную империю Его Величества светлейшего и могущественнейшего царя, получат помощь и защиту, и мы также заверяем его, что со своей стороны будем любить и уважать славный народ московитов и всегда будем готовы непременно это продемонстрировать любому из них, кто будет проезжать через наше государство...

Раз нашелся такой паспорт, есть надежда, что отыщутся и другие бумаги, способные пролить свет на приезд А. П. Прозоровского ко двору Козимо III. Их не может не оказаться в фонде ордена Св. Стефана, который хранится в Пизанском государственном архиве, куда хотелось бы поехать при первой возможности. В то же время может быть, что уже сейчас мы знаем и можем понять достаточно.

Тосканский орден рыцарей Св. Стефана во многом сохраняя исходное значение закрытого рыцарского клуба, созданного некогда с оглядкой на Мальтийский орден и декларирующего своей целью защиту католической веры путем войны с ее врагами.

Эта военная активность ордена Св. Стефана в Средиземноморье постепенно сходила на нет, но еще не стала перевернутой страницей в его истории. В социальном плане два упомянутых ордена играли похожую роль, а именно способствовали сплочиванию знати на региональном уровне, а также в Европе в целом. Речь шла при этом, конечно, о католиках. Даже далеко отойдя от традиций монашества, некогда легших в основу рыцарских орденов, орден Св. Стефана, безусловно, был и воспринимался католическим учреждением, и кавалеров православного вероисповедания по идее в нем быть не могло.

Здесь понадобится вспомнить, что крест Мальтийского ордена до того был преподнесен путешествовавшему по Италии генералу Б. П. Шереметеву. Получив его во время посещения Мальты в мае 1698 года, в начале июля он прибыл во Флоренцию, где был обласкан великим герцогом Козимо III. Не будет преувеличением сказать, что мальтийский крест Б. П. Шереметева производил на окружающих сильнейшее впечатление. О приезде Б. П. Шереметева в Венецию в письме от 12 июля тосканский агент Маттео дель Телья сообщал во Флоренцию в таких выражениях: «Украшенный драгоценными камнями большой крест Мальтийского ордена делает [его обладателя] самым замечательным лицом среди этого занятого народа, который строит ему куры на каждом шагу» («che lo rende più ammirabile fra questa curiosa gente, che li fa Corte ov'unque va») ²⁴⁶. О напряженном внимании, с которым иноземцы и русские смотрели на мальтийский крест Б. П. Шереметева уже в России, в целом ряде мест своего дневника пишет И. Г. Корб. Он же, понимая что к чему, называет крест купленным ценой огромных расходов («Crucis Melitensis honor tantis sumptibus emptus») ²⁴⁷. Из других документов известно, что инициатива исходила от самого Б. П. Шереметева. В конце декабря

²⁴⁶ ASFi, MdP, 3048, f. 481v.–482r.

²⁴⁷ *Diarium itineris in Moscoviam ... Ignatii Christophori nobilis domini de Guarent, et Rall... ab Augustissimo, et Invictissimo Romanorum Imperatore Leopoldo I ad Serenissimum, ac Potentissimum Tzarum, et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii descriptum a Joanne Georgio Korb... Viennae Austriae, [1700].* P. 217.

1697 года, направляясь в Италию, он имел в Вене беседу с кардиналом Коллоничем. Узнав, что Коллонич был в юности мальтийским рыцарем, Б. П. Шереметев расспрашивает его о том, может ли он вступить в Мальтийский орден, оставаясь православным. Кардинал про себя посмеялся, — пишет с его слов в Рим папский нунций, — и отвечал любезно и неопределенно. Первой дружной реакцией европейцев было отрицание возможности соединить принадлежность к мальтийским рыцарям с православием²⁴⁸. Было ли вручение Б. П. Шереметеву усыпанного бриллиантами знака Мальтийского ордена полгода спустя, в глазах кого-то, полноценным принятием в его ряды? Или же оно скорее являлось неким компромиссом, импровизацией, сознательной двусмысленностью? Похоже, верно второе. Возвращаясь к А. П. Прозоровскому, который не мог не столкнуться с той же проблемой, мы должны предположить, что первый пример странного награждения проложил путь другому.

Чем была вызвана такая честь? Заслуги ожидалось от А. П. Прозоровского в будущем. Главный мотив его награждения, кажется, изложен в заключительных строчках полученного им паспорта, а именно новоиспеченный кавалер должен взамен позаботиться о католиках, пересекающих обширную империю русского царя. Великий герцог Тосканский не мог не помнить досадный для себя эпизод. В 1689–1690 годах Козимо III обращался к русским правителям с просьбой о пропуске в Китай через территорию Московского царства миссионера Филиппо Гримальди²⁴⁹. Тогда его ходатайство не было услышано в Мо-

²⁴⁸ Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого, Юрьев, 1903. С. 325, 326, 331, 333 (№437, 438, 446, 450); письма венецианского дипломата Рудзыни из Вены от 28 декабря 1697 года и нунция при дворе императора Санта-Кроче от 28 декабря 1697 года и 4 и 11 января 1698 года.

²⁴⁹ ASFi, Miscellanea Medicea, 102/3 содержит разного рода подготовительные бумаги и итальянские и латинские черновики к письмам великого герцога Тосканского по поводу предполагавшегося проезда Ф. Гримальди через Россию в Китай, адресованные сначала царям Ивану и Петру и царевне Софье (эти письма датированы 20 ноября 1689 года), затем — после полу-

скве. Гримальди, еще и члену ордена иезуитов, только что изгнанных из России, в таком проезде было отказано. В переписке тосканского двора конца XVII века в адрес России и русских обычно почти не бывает прямых грубостей, но в этот момент подданные Козимо III перестают стесняться в выражениях. Его московский агент в этой связи отказывает русским в цивилизованности. «Варварский народ», «христианству от него мало проку», — вторит тому секретарь великого герцога²⁵⁰. Радостная новость разлетелась в августе 1698 года. По пути на родину из Вены царь Петр I на обеде у княгини Замойской виделся с папским нунцием в Польше Дж.-А. Давия и на его просьбу позволить проезд католических миссионеров через территорию России на восток вдруг легко согласился и даже обещал таковым свое содействие²⁵¹. Откровенно неумный нунций, решивший, что ухватил бога за бороду, пытался взять с царя расписку. После он добивался своего с такой неумной энергией, что, в конце концов, его римскому начальству пришлось его одергивать. Отметим, что Давия считает одновременно крайне важной помощь миссионерам, направляющимся в Китай, со стороны других влиятельных лиц и прикладывает усилия, чтобы отыскать в Москве таких доброжелателей²⁵². О его встрече с царем у княгини Замойской Козимо III имел подробную информацию, можно сказать, из первых рук. Во Флорентийском государственном

чения известия о произошедшем в России перевороте — одному Петру I от 3 декабря.

²⁵⁰ Выписка из письма Франческо Гваскони из Москвы от 7 марта 1690 года, сделанная в Венеции рукой его брата Алессандро Гваскони, — ASFi, MdP, 1578, f. 925r.-v.; и ответное письмо секретаря Аполонио Бассетти в Венецию Алессандро Гваскони от 6 мая 1690 года, — ASFi, MdP, 1607, f. 743v.; черновик: там же. 1578, f. 929v.-930r. Указанные архивные тома содержат еще добрых два десятка писем, посвященных этому делу.

²⁵¹ Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. С. 522–523, 525 (№ 660, 663); донесения нунция Давия государственному секретарю кардиналу Спада от 19 августа и венецианского резидента в Польше Дж. Алберти от 26 августа 1698 года.

²⁵² Там же. С. 562 (№ 721); письмо нунция Давия государственному секретарю кардиналу Спада от 9 декабря 1698 года.

архиве есть копия донесения секретаря папского нунция. Список сделан рукой тосканского агента при польском дворе графа Лоренцо Мариани²⁵³. Нам остается связать эту новость из Польши, старую историю, вышедшую с Филиппо Гримальди, и слова паспорта А. П. Прозоровского, объясняющие дарованный ему крест кавалера ордена Св. Стефана ожидавшимся от него участием в делах проезжающих католиков. Если такая интерпретация награждения русского князя верна, то вероятно, что правитель Тосканы тем самым позаботился о падающем авторитете своего маленького государства.

Неожиданные открытия сулит опубликованный материал. Хотя А. П. Прозоровскому он никем до сих пор не атрибутирован, такая атрибуция, по-моему, напрашивается. Я имею в виду ряд свидетельств в переписке Лейбница. Начать хотелось бы с письма воспитателя Ребера из Вольфенбюттеля от 1 февраля 1698 года, где есть такие строчки: «Московит по имени Александр Петров еще здесь [в Вольфенбюттеле] и по-прежнему содержится за счет нашего двора [герцогов Брауншвейгских]. По поводу его отъезда отсюда ничего толком не известно. По его словам, об этом ведают только Бог да царь. В ожидании такого приказа он занят изучением латинского языка, уже весьма прилично овладев немецким. У него есть несколько запечатанных приказов своего государя, которые ему запрещено вскрывать до того, как получит такое срочное предписание. В паспорте, полученном им от царя, латинская копия коего у меня имеется, он назван: «Благородный Александр Петров, наш придворный» [Generosus Alexander Petrow, Aulicus nostrer]. Но поскольку я совершенно не сомневаюсь, что вы [в Ганновере, где находится Лейбниц] этот паспорт видели и уже знакомы с его содержанием, я воздержусь от того, чтобы вам здесь его пересказывать»²⁵⁴.

²⁵³ ASFi, MdP, 4502, f. 603r.–604v.; документ озаглавлен: «Relatione concernente il Zar di Moscovia quando fu in Zamoscia scritta dal segretario di Monsignor Nunzio».

²⁵⁴ Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe. Allgemeiner politischer und historischer Briefwechsel. Bd. XV. Berlin, 1998, S. 268–269 (№191).

Супруга курфюрста Бранденбургского София-Шарлотта от проезжавших через Берлин «москвитов» позднее узнала, что побывавший в Ганновере являлся князем [der in Hannover war, ein Knees wäre], хотя она недопоняла, что это русское слово значит²⁵⁵. Члены виднейших русских фамилий, посланные в Европу для обучения одновременно с Великим посольством, а также сопровождавшие посольство в качестве «волонтеров», на время поездки получили псевдонимы. Здесь действовал простой принцип: личное имя человеку оставалось свое, а в качестве фамилии, семейного имени трактовалось отчество. Единственным «Александром Петровичем» из числа уехавших дворян был князь Прозоровский, и в переписке Лейбница речь, судя по всему, идет о нем.

Разобравшись с именем, приведем теперь другие данные в хронологическом порядке. «Тут [в Бремене] — пишет «тайному советнику» Лейбницу 12 декабря 1697 года историк Иоганн Юст Винкельманн — больше трех недель находился один знатный русский господин, коего простой народ желает объявить царем [welchen vulgus vor den Czaar ausschreyen wollen; где vor — архаичное написание предлога für — И. Д.]. Восемь дней назад он поехал в Ганновер. Там и выяснится, что он за человек»²⁵⁶. Сам Лейбниц сообщал курфюрстине Софии-Шарлотте 24 декабря из Ганновера: «Дабы быть полезным в общении с ними [русскими], которое ваше курфюршеское высочество будет поддерживать, я нарочно найму переводчика, которого бросил один боярин, пробывший тут [в Ганновере] несколько дней. Боярин этот казался человеком неглупым, но, как говорится, злой дух показывает когти на прощание. Его нация проявилась в нем перед отъездом. Для своего переводчика он велел купить парик, но не-

²⁵⁵ Schnath G. (Hg.) Briefwechsel der Kurfürstin Sophie von Hannover mit dem preußischen Königshause. Berlin, Leipzig, 1927, S. 33 (№32). Письмо Софии-Шарлотты своей матери курфюрстине Софии Ганноверской датировано 11 января, но год не указан. Издатель относит его к 1698 году. Нам кажется, письмо написано годом позже.

²⁵⁶ Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe... Bd. XIV, 1993, S. 842 (№473).

задолго до своего отъезда отсюда он разломал его сундук и взял парик назад со словами, что он его только одалживал... Этот русский заявил, что сделал эти вещи [ces choses: прогнал переводчика и отобрал у него парик — И. Д.], поскольку нуждался в деньгах. По его словам, денег, вырученных от продажи парика, ему хватить на несколько дней. Между тем поговаривают, что он был [в прошлом, на родине — И. Д.] кое-чем побольше, чем боярин»²⁵⁷. Из Ганновера, как мы помним, А. П. Прозоровский отправился в Вольфенбюттель, и 1 февраля 1698 года дата его отъезда оттуда еще не была известна. Следующая по времени информация приходит от Фредерика Вальтера (которого тогда прочили в воспитатели царевичу Алексею). В его письме Лейбницу от 28 апреля 1698 года говорится: «Я был в Гамбурге, где видел нашего москвитя, которого там принимают за принца Сибирского [qui y passe pour le Prince de Sibirie]. У него открытый вексель и столько денег, сколько он захочет. Но он их экономит. Он учит там одновременно латынь и немецкий, носит траур по сестре, которая у него скончалась в Московии. Его свита также одета в траур, но на русский манер. Все князья, побывавшие за последнее время в Гамбурге, нанесли ему визит. Он по-прежнему очарован вашим [ганноверским] двором и фрейлиной из Ло [la Freule de Loo; или: фройляйн, девицей из Ло]»²⁵⁸. Напомним, что дворец Ло — летняя резиденция штатгальтера Нидерландов. Надо ли понимать «принца Сибирского» в том смысле, что ему доводилось гостить у Вильгельма Оранского, бывшего также королем Англии и Шотландии, до того, как он отобрал и продал парик своего переводчика? В Гамбурге он задержался. Тот же корреспондент пишет Лейбницу полтора месяца спустя, 13 июля 1698 года: «Москвит — человек, бесспорно, особенный. Его женили в возрасте 14 лет, и у него одна дочь, которой теперь 12-ть. В своей комнате в Гамбурге он хранит портрет этой девочки. Она нарисована в Москве, в полный рост, одетой на русский манер в зеленое в знак надежды, что ее отец вернется,

²⁵⁷ Там же, S. 868 (№488).

²⁵⁸ Там же. Bd. XV, S. 528 (№340).

с черными лентами в волосах в знак скорби о том, что он уехал. Поверх всего на ней корона, дающая понять, что она принцесса. Отец ее учит одновременно латынь и немецкий, и у него открытый вексель в Гамбурге, которым он мало пользуется, будучи весьма бережлив»²⁵⁹.

Что сказать по поводу этих известий? Одно из удивительных открытий — неожиданная картина обстоятельств, побудивших А. П. Прозоровского остаться на Западе. Ничего похожего на увлечение Европой тут не сыграло роли. Напротив, ясно, что с А. П. Прозоровским стряслась беда, вынудившая его буквально бежать из Голландии без плана и денег, которые быстро закончились. Причиной бегства в никуда мог быть царский гнев. В самом деле, существуют сведения о некоем столкновении царя с безымянными русскими аристократами в начале сентября 1697 года.

Данный эпизод слывет известным и даже хрестоматийным, но я бы сказал, что ясность здесь мнимая. Сравним имеющиеся свидетельства. Одно, которым пользовались до сих пор, находится в записках голландского современника событий Я. К. Номена. Между сообщениями, привязанными к датам 30 августа и 2 сентября 1697 года, мы у него читаем: «Один князь и один вельможа его государства говорили с царем, по его мнению, слишком смело; они, как передают, советовали ему и уговаривали его побольше думать о своей славе и репутации. Но он за это так сильно рассердился, что велел обоим заковать в кандалы и посадил их под арест в старый Герен-Ложемент [название гостиницы — И. Д.] в Амстердаме, решив отрубить им головы; но бургомистры Амстердама объяснили ему, что в нашем государстве этого сделать нельзя... Они достигли лишь того, что он повелел одному [из провинившихся — И. Д.] отправиться в Ост-Индию, а другому в Суринам, и, говорят, это, в самом деле, было исполнено». После сообщения от 11 сентября: «Несколько дней спустя его царское величество отправился на о. Тессель на яхте Ост-Индской компании в сопровождении нескольких знатных господ. Там он посадил на корабль одного князя из Московии,

---

²⁵⁹ Там же, S. 647 (№414).

которого посылал в Ост-Индию, и одного знатного господина, отправляемого в Суринам. Это были именно те два вельможи, которые сидели так долго в кандалах в старом Герен-Ложементе и о которых я говорил выше»²⁶⁰.

Новую для исследователей интерпретацию этого происшествия содержат три депеши флорентийского агента в Амстердаме Джачинто дель Винья, адресованные секретарю Козимо III аббату Бассетти. В первой, от 6 сентября 1697 года, приводится такая информация: «[Царь] держит у себя дома под арестом одного князя, которого, по-моему, называют князем Сибирским. Из перехваченных писем, говорят, [выяснилось,] что того [арестованного] прочат в предводители мятежа, раскрытого после его отъезда [отъезда царя из Московского государства — И. Д.]»²⁶¹. Неделю спустя в письме от 13 сентября тот же корреспондент Джачинто дель Винья упоминает жертв царского гнева уже во множественном числе: «Те самые москвиты, коих великий герцог [Московский Петр I] держал под арестом в доме, где разместились послы, пропали. По общему мнению, их утопили, ибо как-то вечером в поздний час перед этим домом видели лодку, в которую село много народу; потом она вышла из города в море, а когда вернулась, людей в ней оказалось меньше»²⁶². Еще через неделю, 20 числа эта версия отмечается: «Москвитов, про которых решили, что их бросили в море, видели после разгуливающими на свободе»²⁶³.

²⁶⁰ Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. / перевод, введение и примечания В. А. Кордта. Киев, 1904. С. 41–42, 46–47.

²⁶¹ *Tiene in Casa sua [in] arresto un Principe (che mi pare dichino di Sibiria). Si discorre per lettere intercette che vien supposto sopra la Ribellione scopertasi doppo la sua partenza di colà. — ASFi, MdP, 4265, № 184.*

²⁶² *Quelli Moscoviti che l' Gran Duca nella Casa dove sono alloggiati gl'Ambasciatori teneva in arresto non vi sono più, e come una sera fu veduto al tardi una barca nella quale entrorno molte Persone avanti di essa Casa che poi andò fuori della Città nel Mare et al ritorno il numero della Gente era minore, il discorso comune è che gli habbino [?] fatti affogare. — ASFi, MdP, 4265, № 185.*

²⁶³ *I Moscoviti che fu supposto esser stati gettati in Mare sono stati poi veduti in Libertà. — ASFi, MdP, 4265, № 186.*

Наконец, по справедливому замечанию М. М. Богословского, с информацией об этой коллизии требуется сопоставить строчки письма Л. К. Нарышкина Петру I, которое было ответом на несохранившееся письмо царя от 31 августа, то есть 10 сентября 1697 года, а именно такие: «А что ваша милость писал за некие слова посланы те винные, и за то себе и осуждение приняли, дай Боже, за истину твою Господь Бог управил путь твой. Может Господь Бог супостатов твоих искоренить»²⁶⁴. К каким мыслям приводит сопоставление этих данных? Причину царского гнева авторы двух развернутых сообщений Джачинто дель Винья и Ян Номен излагают по-разному. При этом нельзя не отметить определенную перекличку версии Я. Номена с информацией Л. К. Нарышкина о неких разозливших Петра словах (а не о перехваченных письмах и заговоре с целью свержения Петра). В то же время Я. Номен скорее всего ошибочно связал эту историю с известным также по русским источникам фактом отправки нескольких «москвитов» на голландских судах в Голландскую Ост-Индию и Южную Америку. М. М. Богословский обращает внимание на то, что письмо царя Л. К. Нарышкину, в котором наказание было объявлено совершившимся, написано явно на несколько дней раньше такого распоряжения. Тосканский агент Джачинто дель Винья об отправке провинившихся перед царем в дальние плавания тоже ничего не слышал. Наконец, Джачинто дель Винья и Яна Номена можно понять в том смысле, что царь, в конце концов, если не простил своих обидчиков совсем, то определил им сравнительно легкое наказание. Но строки письма Л. К. Нарышкина, кажется, свидетельствуют о решимости царя «искоренить» своих «супостатов». Тогда прощение разгневавших его — домысел добросердечных голландцев.

В истории бегства А. П. Прозоровского есть крайне неприятная подробность. Окончательный выбор Гамбурга в качестве

---

²⁶⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 645–646; Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. II: Первое заграничное путешествие. М., 1941. С. 172–173.

места жительства объясняется торговыми связями этого города с Россией. Там можно было получить деньги по векселям и письма с родины. Но сначала мы узнаем о пребывании А. П. Прозоровского в шведском владении Бремен, а затем в союзном шведам Ганновере. Хотя до Северной войны было еще далеко, подготовка к ней активно велась и была одной из главных целей Великого посольства. В частности, этого касались секретные переговоры царя Петра с голландским штатгальтером и английским королем Вильгельмом²⁶⁵. На А. П. Прозоровского в этой связи падают столь тяжкие подозрения, что путь на родину мог быть ему заказан.

Сведения о лицах, состоявших на службе князя, подкрепляют и дополняют картину, которая у нас сложилась. Прочитируем конец письма воспитателя Ребера из Вольфенбюттеля от 1 февраля 1698 года, которого, признаться, мы оборвали на полуслове: «Греческий поп, которого он [«Александр Петров»] привез с собой, не раз творивший непотребства в отношении девушек, [прислуживавших] в его жилище, и даже возжелавший убить своего господина из мушкета и для этого стрелявший, был отправлен в Московию с 80 экю денег, выданных ему на дорогу, а чтобы лживый рассказ, которого от него можно ожидать, не повредил его названному господину, наш двор вручил [последнему] письменное свидетельство о том, что произошло, которое тот отослал царю, а также патриарху»²⁶⁶. Ездивший с А. П. Прозоровским православный священник, видимо, счел за благо поскорее от него ударить. Лишним подтверждением внезапной опалы, постигшей А. П. Прозоровского, послужит тот факт, что имя сопровождавшего его солдата Гордея Маковецкого мы вдруг находим в списках свиты третьего посла Великого посольства П. Б. Возницына. С ним Маковецкий доехал до Вены. Там получил приказ отправляться в Россию, его проигнорировал, был в Вене пойман и поса-

²⁶⁵ Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 65–70.

²⁶⁶ Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe... Bd. XV, S. 269 (№ 191).

жен под караул²⁶⁷. Что им двигало, имея только эти подробности, конечно, в точности мы знать не можем. Но не был ли жест его проявлением верности царскому стольнику?

Больше всего документов у нас имеется о переводчике, брошенном русским в Ганновере из-за безденежья. Он был словак по имени Матиас Забани. К его судьбе при ганноверском дворе отнеслись с сочувствием, а его бывшего русского хозяина осудили: «Московит избавился от него тут очень некрасиво», — гневается Лейбниц. «Он нанял его в Данциге в качестве переводчика с немецкого, наобещав с три короба и не сдержав слова, так что наш двор нашел, что он обошелся с ним весьма подло». Заодно от Лейбница достается всем русским: «Московиты — люди скредные и почти не задумывающиеся о том, чтобы поступать почтенно и обходительно». «Когда я брал его к себе, — вспоминал великий немец о своем толмаче год спустя, — у меня была мысль научиться немного славянскому языку, но человек предполагает, а Бог располагает. Недостаток времени мне этого не позволил, и мне пришлось оставить мое любопытство». Толмач «разумет и говорит одинаково хорошо на венгерском и словацком, ибо именно так называется славянский язык в Венгрии» («*le Slavaque, car c'est ainsi qu'on appelle le Slavon en Hongrie*»). Знание Матиасом Забани латыни Лейбниц определяет как довольно приличное, «как это водится у поляков и венгров, и даже побольше обычного». О его немецком мы можем судить самостоятельно, благо в переписке Лейбница сохранилось несколько писем, написанных ему Матиасом Забани на немецком языке. Что именно тот хочет сказать, в основном удастся понять или догадаться, однако ясно, что в роли секретаря он полноценно служить не мог. Не пригодившегося ему словака по прошествии года Лейбниц предложил принять на службу шведскому языковеду Ю. Г. Спарвенфельду²⁶⁸.

²⁶⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. Т. 9. СПб., 1868. Стб. 128.

²⁶⁸ На протяжении этого абзаца я цитирую главным образом письмо Лейбница Спарвенфельду от 6 января 1699 года. — *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe...* Bd. XVI. Berlin, 2000. S. 417–418 (№265). Немецкие письма М. Забани Лейбницу от 20 октября, 4, 11 и 18 ноября

Последний давно собирал лингвистический материал, впоследствии легший в основу четырехтомного словаря «славянского» языка, известного под его именем. Спарвенфельд нуждался в это время в сотруднике, который был бы способен принять на себя заботы по составлению и редактированию такого словаря. Бывший переводчик «Александра Петрова» Прозоровского, посланный в Швецию из Ганновера, сыграл в его появлении главную роль²⁶⁹. Между тем изначально шведский славист толмача забраковал. «Мой Забани — добрый мальй, — была его реакция, высказанная в письме Лейбницу от 22 сентября 1699 года, — но поскольку мне до сих пор приходится его учить читать и писать на его родном языке, который я знаю лучше, чем он, судите сами, каким подспорьем он может мне быть»²⁷⁰. Если верить Спарвенфельду, до знакомства с ним Забани вообще «не знал ни полслова» по-русски («*qui n'en sçait plus que ce qu'il a fallu luy enseigner chez moy, ne sçachant auparavant pas une Sillabe*»)²⁷¹. Шведская исследовательница Улла Биргегорд подтверждает, что познания Забани в церковнославянском и русском языках изначально являлись чрезвычайно малы и возросли только в процессе работы над словарем. Тогда не совсем понятно, как он служил переводчиком у князя А. П. Прозоровского?

От единственного письма Лейбница своему протезе в Швецию сохранилась минута либо набросок, где Забани называется в третьем лице. Текст датирован 12 июля 1701 года. «Его москвит этой весной или зимой был в Париже, — сообщает Лейбниц, — где принцесса Цвайбрюккенская, с которой он познакомился в Бремене, в его честь давала бал [*ihm die Prinzeßin von*

1698 года из Ганновера, а также от 21 апреля 1699 года из Любека — Там же. S. 10–11, 15, 16–17, 27–28, 133–134 (№№7, 11, 13, 19, 86).

²⁶⁹ «The one who did the 'donkey-work' was, without doubt, Zabani». — Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography. Uppsala, 1985. P. 59.

²⁷⁰ *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe...* Bd. XVII. Berlin, 2001, S. 500 (№300).

²⁷¹ Там же. Bd. XXI, 2012, S. 209–210 (№150); письмо Спарвенфельда Лейбницу от 29 апреля 1702 года.

Zweybrücken so er zu Bremen gekennet, einen Ball gegeben]»²⁷². Принцессу звали Мария-Элизабет, и она принадлежала к той ветви южногерманского рода Виттельсбахов, которая являлась правящей королевской династией в Швеции. Шведский король Карл XI, умерший в апреле 1697 года, приходился ей двоюродным братом. Следовательно, его сыну и наследнику Карлу XII она была двоюродной теткой. При таком громком родстве положение ее не было блестящим. Она была порядком стеснена в средствах; по меркам своего времени, давно немолода — весной 1701 года ей исполнилось 38. Все безуспешно пытались выдать ее замуж, включая императрицу Элеонору, супругу императора Леопольда I. Сама будучи урожденной принцессой из дома Виттельсбахов, она принимала живое участие в судьбе своей дальней родственницы. В Париж Мария-Элизабет Пфальц-Цвайбрюккенская приезжала вообще-то для того, чтобы публично отречься от лютеранства и перейти в католичество, и собиралась уйти в монастырь. София Ганноверская, в замужестве курфюрстина Брауншвейгская, в письме Лейбницу от 18 ноября 1702 года приподнимает полог алькова: «С господином Стенбоком [приближенным шведского короля Карла XII, наверняка действовавшим по его приказу, — И. Д.] я знакома, он был в Ганновере... Ему было угодно, чтобы я для принцессы Цвайбрюккенской отыскала мужа. Но поскольку [достойной] партии для нее не нашлось, она, говорят, удовольствовалась русским толстяком [on dit qu'elle c[']e[s]t accommodé du gros Moscovitte, — читаю с конъектурой: s[']e[s]t accommodé], коего вы здесь видели. Но мне с трудом в это верится. Он ведь был женат»²⁷³. Пенсия, обещанная князю А. П. Прозоровскому императором Леопольдом I, о которой мы слышали от Б. И. Куракина, возможно и скорее всего, была как-то связана с историей несчастной принцессы. В «петровской повести» о Василии Кариотском, если вспомнить о ней, выходит, уже и принцесса не выдумка.

²⁷² Там же. Bd. XX, 2006, S. 271 (№173).

²⁷³ Там же. Bd. XXI, S. 112 (№83).

О князе А. П. Прозоровском в переписке Лейбница говорят такие неправдоподобные вещи, что кажется, будто вымысел, который потом назовут литературным, родится сначала в самой действительности вследствие обманов и недоразумений. Чего стоит одно известие о том, что простонародье «желает выкрикнуть» нашего героя в цари?! Но сам о себе такого рассказывать он не мог. Разве стал бы он тогда, если бы рассказывал что-то подобное, верноподданнически кивать на письма, доверенные ему монаршей особой, и свое ожидание царского гонца?! Думается, А. П. Прозоровский случайно угодил в чужую сказку. А именно его, в самом деле, принимали за «князя Сибирского». Хотя легенда эта едва угадывается, собрав ее следы, мы не усомнимся в ее существовании. Начать хотелось бы со свидетельства позднего, но ясного, расставляющего все на свои места. Датский посланник в России Юст Юль сообщает о своей встрече с «принцем Сибирским, которого зовут царевичем, как называют сына царя», в сентябре 1709 года, приводя о нем такие подробности: «Его предки были царями в Сибири до того, как она перешла под русское владычество. Царевича этого царь заставляет постоянно ездить за его счет с собой или с другими [людьми] — своими главными министрами. [Делается это] отчасти из жалости, отчасти затем, чтобы тот не вернулся в свою отчизну и, чего доброго, не устроил мятеж и не попытался вернуть [царское] достоинство и власть своих предков»²⁷⁴. Кажется, эта картина давно и прочно засела в умах европейцев. «Князя Сибирского» иной раз видят рядом с Петром во время Великого посольства. Между тем это явное недоразумение. Человека с таким именем или псевдонимом в составе Великого посольства не было.

Один такой эпизод мы встречаем в письме ганноверского агента при бранденбургском дворе от 21 мая 1697 года. Чиновники курфюрста Бранденбургского путем осторожных расспро-

---

²⁷⁴ En rejse til Rusland under Tsar Peter, Dagbogsoptegnelser af Viceadmiral Just Juel, dansk Gesandt i Rusland 1709–1711. København, 1893, s. 72. В русский перевод Ю. Н. Щербачова в этом месте вкралась ошибка, потому мы даем свой.

сов пытаются выяснить, нет на борту судна, прибывшего в Кенигсберг, инкогнито «важного лица», царя Петра I. «В ответ им было сказано, что на корабле нет никакого важного лица... Однако среди них находится один московский Сибирский принц, которому поручено отдать почести его светлости курфюрсту»²⁷⁵. «Его царское величество с князем Сибирским», «великий князь и князь Сибирский» действуют одной странной парой в одном месте у Я. Номена, а именно в его рассказе о посещении Петром Зандама 21–22 мая 1698 года: «Они [вдвоем — И. Д.] отправились в дом Корнелиса Михильса Калфа и поехали с ним на его буере вверх по Зану до дома Мейндерта Арентсона, где их угостили... Потом великий князь пожелал видеть, как готовится нюхательный табак, и они пошли на мельницу Класа Симонсона Гейнтге... Они шли полем, пока это было возможно, затем сели в ботик и доехали на нем до мельницы. Там великий князь и князь Сибирский смотрели с большим удовольствием, как мололи дорогой нюхательный табак. Чтобы избежать взоров любопытных, они поехали отсюда на ботике прямо до западного конца Земанспада и прибыли туда, когда уже стемнело. Великий князь и князь Сибирский вошли в дом Корнелиса Михильса Калфа и оставались здесь до 11 часов вечера»²⁷⁶. Тутпряно пахнет сказкой. Так неотступно ходит за человеком только тень. Та же легенда выстрелила в упомянутой интерпретации темной истории ареста царем своего подданного в письме Джачинто дель Винья: если арестованный — главный мятежник, то он «принц Сибирский». Уловив эту канву, мы теперь поймем, что в переписке Лейбница черты «принца Сибирского» присваиваются А. П. Прозоровскому разрозненно. В Бремене объясняют, что вообще-то его могли бы выбрать и в цари, на что-то туманно намекают в Ганновере, а имя «принца Сибирского» ему эксплицитно дается только в Гамбурге. На самом деле, это отсылки

²⁷⁵ Лавров А. С. «Царь, без сомнения, находится тут»: Великое посольство в Кенигсберге по донесениям ганноверского резидента И. В. Хойша. 1697 г. // Исторический архив. 1998, № 1. С. 199.

²⁷⁶ Записки Я. К. Номена... С. 61–63.

к одной истории, которые, таким образом, собираются для нас воедино.

Вернемся к тому, с чего начали. По определению авторитетного филолога, осознанный вымысел стал главным фактором становления литературы Нового времени и ее главным отличием от древнерусской традиции²⁷⁷. После проделанной нами работы можно уверенно заявить, что «Гистория о российском матросе Василии Кариотском» не является исключением. О пропавшем стольнике князе А. П. Прозоровском, вероятном прототипе «российского матроса Василия», вдруг выясняются самые невероятные вещи, такие, в которые едва можно поверить. Однако они, эти удивительные факты не связаны и просто так не могут быть увязаны между собой! В Тоскане, стране «Флоренского короля» А. П. Прозоровский, думается, случайно удостоивается исключительной чести. Но его принцесса, парижская тетка Карла XII, то ли немка, то ли шведка. Царство же, которое ему прочат, вообще Сибирское. Если это исходный материал повести о Василии Кариотском, то лучшей иллюстрации осознанного вымысла как механизма ее появления не придумаешь.

---

²⁷⁷ Ромодановская Е. К. Об изменениях жанровой системы при переходе от древнерусских традиций к литературе нового времени // XVIII век. Сборник 21. СПб., 1999. С. 14–21.

Послесловие

О границах истории и филологии

Эта небольшая книга — историческое исследование. Глазами историка я рассматриваю вещи, имеющие отношение к фактам истории русской литературы. Собранный мной материал видится мне необычайно важным и обязательным для ознакомления. Принять его во внимание литературовед обязан. Мои суждения о литературных фактах, напротив, носят характер моих рабочих гипотез, и за них я не держусь.

Две темы меня особенно взволновали.

Я потрясен тем, какая страшная ненависть разъединяет русский народ и его правителей в XVI веке. Не знаю, что думать после этого о правлении Ивана Грозного, ибо народная молва предстает яростным врагом своих царей и так безбожно на них клеветает, что заставляет вспомнить самые одиозные образы первых римских императоров, показанных в римской литературе врагами человечества. Напомню, что за материалы так меня обескуражили. Предание о Дмитрии Донском, легшее в основу «Сказания о Мамаевом побоище», говорит о связи московского князя с нечистой силой, а «христианизация» образа Дмитрия Донского в этом произведении — по наблюдению Дж. Броджи-Беркофф, всего лишь следствие употребления композиционных приемов, принятых в древнерусской литературе. Мой второй пример касается исторической песни «О гневе Ивана Грозного на сына». До сих пор ее считали откликом на темную смерть царевича Ивана в ноябре 1581 года и подозрения в убийстве, падавшие на его отца. Выясняется, что все было наоборот.

Сюжет и народные фантазии по поводу желания царя истребить своих детей фиксируются на несколько лет раньше этой даты. Когда царевич, в самом деле, заболел и умер, большая фантазия народа уже имела готовую картину случившегося, дикую и мерзкую выдумку и смогла ее навязать. Мало того, мы с изумлением узнаем, что сюжет в изначальном виде, очевидно, был еще страшнее. В общеизвестном варианте песни «О гневе Ивана Грозного на сына» царь безумен в своей мнительности, но его действия при этом подчинены понятной логике: он жаждет истребить своих реальных или потенциальных врагов. Однако оказывается, что это всего лишь поздняя рационализация еще более бесчеловечного рассказа. В двух древнейших репликах нашей истории (обе пересказаны в 1577 году) ужас ситуации состоит в том, что царь ополчается не на крамолу и не на явных, тайных или хотя бы потенциальных врагов, а на вернейших из слуг и самых близких себе людей, «кого он больше всех любит». Люди так себя не ведут. Тут человеческое заканчивается, и пляшут черти.

Утверждение о том, что царь Иван Грозный подобен тиранам древности и, в частности, заслуживает сравнения с легендарными образами первых римских императоров, — общее место в сочинениях иноземцев о Московском государстве. Один внимательный исследователь пишет об этом так: «Хотя эти литературные параллели нельзя воспринимать буквально, все же следует сказать, что образ Ивана IV с его едва ли не одной черной краской отличается от того, как обыкновенно изображали врагов в то время»²⁷⁸. Литература, о которой здесь говорится, весьма стереотипна. Повторения в ней не бездумны, но для всех значимых тем и образов как правило можно найти исток и прочертить идущие от него линии. Сравнение Ивана Грозного с Нероном, ставшее стереотипным у латинских авторов с конца его царствования и после его смерти, если я не ошибаюсь, имеет такой исток в латинском сочинении Альберта Шлихтинга со странным назва-

---

²⁷⁸ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Rußlandbildes. Bern, Frankfurt am Main, 1972, S. 239.

нием «О нраве и жестоком правлении тирана Московии Василия».

Беглец из Москвы Альберт Шлихтинг, видимо, сыграл роль авторитетного источника сведений о России, легших в основу сочинения, известного под его именем, но, по замечанию Х. Грали, сам он его скорее всего не писал²⁷⁹. Дело в том, что существует рукопись на польском языке, которую Х. Граля определяет как протограф данного латинского текста. Я ее не видел и поэтому постараюсь точно воспроизвести сказанное польским коллегой. Рукопись представляется собранием подготовительных материалов, посвященных «тирании» Ивана Грозного, из которых еще только предстоит составить связное произведение. При этом язык ее Х. Граля оценивает очень высоко и сомневается в том, что померанский немец Шлихтинг мог писать по-польски столь блестящим слогом. Меня, впрочем, интересует не этот загадочный протограф, а предисловие к латинскому сочинению «О нраве и жестоком правлении тирана Василия». По словам Х. Грали, в польской рукописи его нет. Помимо заглавия, данное предисловие — единственное место во всем тексте латинского произведения, где русский царь назван именем «Василий». Во всех других местах он фигурирует под обезличенным обозначением «тиран». Ошибиться в имени царя Шлихтинг не мог. Следовательно, к написанию этого небольшого, но важного для нас фрагмента он не имел отношения совершенно точно.

Предисловие это начинается так: «Нравы и натуру герцога Московии Василия, его произвол и жестокость в отношении подданных, никто прежде не мог знать... Его деяния стали выходить наружу лишь тогда, как он взял Полоцк. С тех пор в ходе нескончаемых войн со слов бежавших из плена [имеется в виду Шлихтинг — И. Д.], а также тех московитов, у кого не осталось больше мочи терпеть власть тирана и кто перешел на сторону

---

²⁷⁹ *Grala H. Zu Werk und Person Albert Schlichtings // Beyer-Thoma H. (hg.) Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankreichs und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrussland. Wiesbaden, 2000, S. 132–134.*

короля, его жестокость и тирания почище Нероновой, до сих пор скрытые пеленой людского незнания, предстали во всей красе»²⁸⁰. Мы будем правы, вспомнив в этом месте имя самого знаменитого изменника царя Ивана Грозного, бежавшего к польскому королю через год после упомянутого взятия Полоцка. В словах: «*plusquam Neroniana tyrannis*», «тирания побольше Нероновой», нельзя не узнать прямой цитаты из «История о делах великого князя Московского» Андрея Курбского: «зانه и Нерона презлаго превзыде [т. е. превзошел — И. Д.] люто-стию»²⁸¹. Не правда ли интересно, что сравнение Ивана Грозного с Нероном, кажется, приходит в латинскую литературу из России, от русских людей?!

К публицистике Курбского восходят связанные образы Ивана Грозного как порождения дьявола, предтечи Антихриста, апокалипсического зверя. Немного эрудиции нам подскажет, что это детали одной картины. Чтобы лучше понимать, о чем идет речь, я предлагаю смотреть не в начало легенды о Нероне, а вспомнить наиболее яркие финальные точки, куда приводит средневековое воображение. Одна из наиболее красочных фантазий представляет поединок Нерона с Вергилием, кого в средние века считали пророком христианства среди язычников. В этом повествовании Нерон называет себя одним из ангелов, восставших против Господа вместе с Люцифером. Вместе с другими он был низвергнут в бездну и тысячу лет провел в аду. Потом «больше ста тысяч» падших ангелов, включая Нерона, Бог выпустил из ада с условием, что они помогут ему создать отсутствующую на тот момент земную твердь. Взамен им была обещана яблоня в райском саду. Еще через тысячу лет Господу вздумалось сотворить Адама и Еву и поселить их там же.

²⁸⁰ Дубровский И. В. Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XVIII. М., 2015. С. 95–96.

²⁸¹ Андрей Курбский. История о делах великого князя Московского / изд. подготовил К. Ю. Ерусалимский, пер. А. А. Алексеева. М., 2015. С. 152. У меня нет отчетливых представлений о датировке этого сочинения. Допускаю, что оно могло писаться и становиться известным частями.

Нарушив запрет, те отведали райских яблوك и вместе со своими потомками стали добычей демонов. Убедившись в том, что весь мир теперь принадлежит им, Нерон бежал на землю, где вместе с другими демонами Эгарином и Вавилой основал Вавилон и построил Вавилонскую башню. Черти тем самым хотели достигнуть Бога и с вершины исполинской башни повести с ним войну. Бог разрушил ее и не дал ее восстановить, смешав языки. Цари Эгарин и Вавила родили девять сыновей, старшим из которых был Магомет. «Магометом — продолжает Нерон, — который нам [демонам] родня, нам отданы [все] три части света. Язычники, евреи, сарацины, турки, каннибалы, заморские индейцы все будут принадлежать нам». Когда он увидел, что «все его родственники, кроме него, проявили себя», то, желая угнаться за ними, он основал Рим. Видимо, побежденный Вергилием в ходе их поединка, Нерон говорит ему: «Немедленно отруби мне голову. Я больше не могу оставаться на земле. Мне надо вернуться в ад, чтобы удерживать и охранять от Бога двери преисподней, ибо он хочет нам [чертям] повредить». Впрочем, оказавшись в аду, Нерон выслушивает там рассерженные упреки Магомета: «Ты должен был царствовать, дабы тебе служили и тебя почитали, и ты должен был [для власти нечистой силы] сохранить Романию [Roumenie]. А [вместо этого] Вергилий отрубил тебе голову!»²⁸²

Череду разоблачительных портретов первых римских императоров от Тиберия до Нерона у Светония и других авторов относят на счет трагических сдвигов в политической жизни древнего Рима. Такова реакция верхов римского общества на утверждение единоличной власти, которое сопровождается разрушением существовавших до тех пор политических и нравственных устоев. Нетрудно провести другие аналогии из других эпох, когда отход от традиций олигархического правления в пользу

---

²⁸² *Comparetti D. Virgilio nel medio evo. Vol. II. Firenze, 1896. P. 212–221; английский перевод старофранцузского текста: [Stahuljak Z.] Noirons li Arabis // Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J. (eds.) The Virgilian Tradition. The First Fifteen Hundred Years. New Haven, London, 2008. P. 937–942.*

автократии рождал ту же непримиримость, эксцессы и потоки обвинений в самых кровавых злодеяниях, откуда бывало полшага до полного расчеловечивания и отнесения отвергаемых властителей к потусторонним силам зла. Историк для себя отметит, что подобное случается и что становление московского самодержавия, может быть, тоже не обошлось без всплеска похожих настроений. Обоснованность того или иного из обвинений в адрес Ивана Грозного исследователь обязан взвесить и предполагать возможность преувеличений или, как в случае с приписанным Грозному сыноубийством, безумной сплетни. Если проверить не получается, то лучше сопроводить информацию соответствующей оговоркой.

Хочу заострить внимание на одной психологической трудности, мешающей последовать моему совету. Среди историков считаются почти неприличными разговоры о пределах исторического знания. В них априорно видят уклон в скептицизм и едва ли не измену идеалу познания. В действительности, я уверен, это важный предмет для исследовательской работы. Его изучение способно вооружить нас важной информацией. Попытки отвернуться от этих вопросов совершенно иррациональны.

У меня был опыт подобного исследования²⁸³. Я вижу смысл в том, чтобы вкладывать пальцы в самые больные раны, сгнившие куски мяса нашей профессии. Век или два назад магистральным путем работы в истории считалось описание общественных институтов. Затем для исторических исследований чаще стали избирать другие предметы. Причины этого наверняка были разные, но одна из существенных — растущее недоверие к такой форме истории. Я задался целью с этим разобраться. Для своей работы я выбрал конец Римской империи в Галлии и сделал это по ряду причин. Нет темы, которой историки занимались бы дольше и тщательнее. Исторических свидетельств, сообщающих об институтах в конце Римской империи, много, они чрезвычайно интересные и разные. Одновременно они обозримы, и каж-

---

²⁸³ Дубровский И. В. Институт и высказывание в конце Римской империи. М., 2009.

дый компетентный исследователь, высказывая свое мнение, имеет в виду всю совокупность письменных источников. При этом конца полемики историков по поводу их интерпретации нет и не предвидится. Датировки существования римских институтов в Галлии у разных исследователей различаются на полтысячелетия. Заявлять в такой ситуации о «ошибке» своего оппонента и требовать от него «правильного» прочтения исторических документов значит некорректно употреблять слова «ошибка» и «правило». В наших стихийных представлениях о языке мы приравниваем использование речи к описанию. Якобы речь должна описывать. На деле историк повсюду должен увидеть провал дескрипции. От исторических источников мы ее ждем, но вечно недополучаем.

Я рассказал историю о поединке Вергилия и Нерона вовсе не для того, чтобы развеселить читателя, а как горчайший пример бессилия исторической науки перед лицом подобных легенд. Воображение быстро срывается в такие бездны, где наша премудрость нам не поможет.

* * *

Другая важная для меня тема: как следует говорить о культуре? Здесь у историка к филологам огромные претензии. Филологи в нашей стране сплошь и рядом пользуются этим словом, не понимая его смысла, и вносят сумятицу в умы своих читателей. Если нужно определение, то культура — это фигуры, в которые складываются для нас поступки, воспринимаемые нами как подобные.

Хотелось бы пояснить это на примере, которым может служить работа Эрвина Панофского «Готическая архитектура и схоластика». Отвлекаясь от содержания схоластической учености, автор обращает внимание на ее форму и, в частности, присущую ей нарочитую демонстративность. Схоластические суммы делают полноту и упорядоченность изложения видимыми посредством систематического разделения и подразделения, классификации по принципу единообразия, искусственной сим-

метрии частей и частей этих частей. Своеобразие архитектурного языка готики, по сравнению с предшествующей ей романским стилем, Э. Панофский описывает как дробление архитектурной структуры и торжество гомологии. Все части, находящиеся на одном «логическом уровне», осмыслились теперь как элементы одного класса. Все архитектурные элементы четко отделены один от другого, но при этом составляют гармоническую целостность. Ее поиск происходит не в пропорциях целого, как это было в предшествующей архитектуре, а во внешней согласованности и взаимной выводимости соседствующих архитектурных элементов. Упоение «манифестацией» превращает функциональное в «говорящее»: колонны, аркбутаны, нервюры «научились говорить и работать»: «возвещать о том, что они делают, языком более обстоятельным, ясным и красочным, чем это было необходимо по соображениям одной лишь целесообразности»²⁸⁴. Как схоластические тексты позволяют увидеть процесс размышления, так готика показывает зодчество. Эволюция отдельных архитектурных элементов готических соборов, по мнению Э. Панофского, воспроизводит принцип силлогизма и напоминает ему схоластический диспут. При этом средневековые зодчие явно не читали схоластических сумм, и прямого обмена идеями и трансляции идей тут заподозрить нельзя. Мы остаемся с констатацией культурного единства на уровне подобия совершаемых действий.

При всей важности сделанного — в частности, Пьером Бурдье, чей вклад в исследование данной проблематики особенно велик, — едва ли мы хорошо понимаем, как в поведении людей существуют и меняются такие общие русла. Тем не менее очевидны две ловушки, подстроенные нам языком и дурным воспитанием. Первая — вера в причинность и «механизмы», способные производить факты человеческого поведения с регулярностью машины. Тут снова лучше привести пример. Зодчие Воз-

---

²⁸⁴ Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004. С. 270.

рождения и Брунеллески первый среди них отвергали средневековую готику и искали образцы в античных постройках Рима. Эти знания античной архитектуры, однако, не годились для проектирования купола флорентийской церкви Санта Мария дель Фьоре. Сооружение выходило слишком тяжелым. Тогда Брунеллески как ни в чем не бывало обращается к опыту каркасно-нервюрных конструкций готики. Он ставит купол на жестких ребрах, пространства между которыми просто заложены кирпичом. Наш выдающийся архитектор И. В. Жолтовский, внимательно изучавший его творчество, говорил о том, что нельзя предвидеть, что Брунеллески предпримет в той или другой ситуации²⁸⁵. Свобода и спонтанность в человеческом действии часто остаются незамеченными только потому, что мы лишены привычки их замечать.

Другое распространенное заблуждение, связанное с первым, — предрассудок психологизма, вера в принудительную силу представлений и ложная картина культуры как набора таких движущих идей, ставших общим достоянием и одинаково обязательных для всех. Я рад, что в одном из очерков этой книги мне посчастливилось показать, к какой карикатуре на жизнь приводят попытки придерживаться подобного взгляда на культуру и всевластие представлений. Если стольник П. А. Толстой в своем знаменитом травелоге демонстрирует необъяснимо глубокое понимание самых утонченных сторон западноевропейской культуры, и мы легко узнаем в его описаниях шедевры Лисиппа и Лоренцо Гиберти, то составленные одновременно анонимные «Записки Великой особы», по выражению одного из исследователей, «поражают своей первобытностью». Ошибкой, однако, было бы сделать отсюда вывод о существовании в верхах русского общества приверженцев разных культурных ориентаций, иначе нам пришлось бы отнести к числу «дикарей» и противников Петровских преобразований прежде всего самого Петра I.

---

²⁸⁵ Габричевский А. Г. Филиппе Брунеллеско // Архитектура СССР, 1947, № 15. С. 40–42.

Коммуникация с нашими филологами затруднена вследствие безумных идей, которые им привили. Их катехизис открывается словами: «Филология (греч. φιλολογία, букв. — любовь к слову) — содружество гуманитарных дисциплин, изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества»²⁸⁶. Словхватаются ли филологи по поводу безумия и смехотворности подобных убеждений? М. А. Гаспаров, мы помним, ополчается на М. М. Бахтина²⁸⁷. Его критическому настрою историк не может не посочувствовать. Приведенные у М. М. Бахтина картины «народной культуры средневековья и Ренессанса» повисают в своем волшебном филологическом воздухе, не опускаясь на историческую почву, не относясь ни к чему конкретному. Но М. А. Гаспаров винит М. М. Бахтина только в том, что тот плохой литературовед и, увлеченный своими идеями, выдумывает факты литературы, подменяя филологию бог знает чем. В такой перспективе позиция М. М. Бахтина рисуется всего лишь крайностью, в которую рекомендовано не впадать. Остальное, видимо, делать можно. В другом своем известном тексте «Памяти Сергея Аверинцева» М. А. Гаспаров цитирует слова Сергея Сергеевича о том, как тому не хочется быть отнесенным «к числу заклинателей и гипнотизеров». «Это не случайные слова, — комментирует Михаил Леонович. — Молодые слушатели, стекавшиеся на его выступления, радовались оказаться именно под таким гипнозом. Но сам он совсем не был этому рад»²⁸⁸. Я, со своей стороны, вижу плоды и необходимость разбить волшебную дудку крысолова. За слово «культура» филологи, очнувшись от морока, должны бить друг друга по губам.

---

²⁸⁶ Аверинцев С. С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972. Стб. 973.

²⁸⁷ Прежде всего в двух статьях «М. М. Бахтин в русской культуре XX века» и «История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина», впервые опубликованных в 1979 и 2004 годах. — Гаспаров М. А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6: Наука и просветительство. М., 2023. С. 672–678.

²⁸⁸ Там же. С. 959.

Филолог справедливо интересуется контекстом и аналогиями. Но это взгляд, привязанный к одной точке и готовым вопросам. Называть такой интерес исследованием культуры я бы поостерегся. Если мы говорим об С. С. Аверинцеве, то здесь хотелось бы различать две вещи. Идеи его блестящи. Не будь его озарений и подаренного ими контекста, меня не посетили бы мои. При этом общая картина истории, сведенной к движению из точки «А» в точку «Б», столь же феерически поверхностна. Я еще раз воспользуюсь материалом своей старой книги²⁸⁹. Речь пойдет об истории культуры на рубеже древности и средних веков. Мои представления возникли в полемике с представлениями С. С. Аверинцева. Напомню коротко, в чем состоят его главные идеи. В литературах древнего Ближнего Востока и архаической Греции пишущие следовали традиции, не задумываясь и не зная ее правил. В Древней Греции такая осмысленная система правил литературного творчества, или поэтика, возникла. При этом литературный канон был зафиксирован. Авторы спорили и соревновались друг с другом. С канонами — нет. Эта литературная традиция оказалась настолько устойчивой, что стала общеевропейской и просуществовала до конца XVIII века²⁹⁰. С. С. Аверинцев оговаривается, что в древности и затем в средние века существовала часть литературы, которая в указанные рамки не укладывается. Однако он описывает ее как неосознанную, стихийную, не преследующую осознанных целей. Чрезвычайно интересное описание С. С. Аверинцев дает культурным процессам на рубеже древности и средних веков. Наследие древнего мира, по его словам, спасает от забвения необычайное изобретение древних греков, неслыханная до них вещь — культура определений. Ученость халдейских мудрецов бесследно пропала, как только преклась прямая преемственность в передаче знания от учителя к ученику. Определение С. С. Аверинцев сравнивает с зернышком, которое можно хранить годами, посеять на новом месте

²⁸⁹ См. прим. 283.

²⁹⁰ Аверинцев С. С. Введение: Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 3–14

и пожать плоды наук²⁹¹. Образцом деятельности по такой консервации античного наследия посредством определений могут служить, к примеру, «Этимологии» Исидора Севильского.

Мысль об изобретении определений и их последующей роли кажется необыкновенным открытием, улавливающим важную часть культурной работы в момент крушения римской школы и нарушения преемственности в существовании культуры. Что здесь не так? Начну с того, что нашу способность давать определения мы сильно преувеличиваем. В современной логике на этот счет существует «парадокс Витгенштейна-Крипке». Если сказать совсем просто: любой интерпретации всегда можно противопоставить другую интерпретацию. В трактате «О достоверности» Витгенштейн определяет догматизм, слепую веру во что-то как условие нашей умственной деятельности. Все наши определения — это всего лишь подобные догмы. Моя претензия к С. С. Аверинцеву состоит в том, что он увидел и обратил внимание на одну сторону дела и не увидел другой. Это другое направление большой культурной работы прямо связано с первым, является зеркальным повторением первого. Это обратное действие бегства от определений и определенности, вмененных римской школой и понятых как ложь, бегство от лжи греческой и римской культуры к правде жизни.

Я укажу на трех авторов, действовавших в Мерovingской Галлии в VI и VII веках. Один из них — грамматик, назвавшийся именем Вергилия Марона. Латинские грамматики вообще — памятник человеческому догматизму и вере в морфологию. Обычная речь грамматика — обезличенный дидактический монолог, изливающий потоки готовых истин. Вергилий, напротив, вводит читателя в курс истории грамматики и жарких споров, якобы кипящих среди ученых. Со слов Вергилия, грамматики ведут между собой баталии, едва не переходящие в кровопролитие. Эти грамматики и лингвистический мате-

---

²⁹¹ Аверинцев С. С. Литературные теории в составе средневекового типа культуры // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М., 1986. С. 5–17.

риал, который Вергилий приводит, по большей части вымышленные. Можно сетовать на его интеллектуальный анархизм, но вспомним, что вымышленные *exempla* широко используются в научной литературе сегодня. Многие замечания загадочного грамматика как минимум отражают глубокое понимание лингвистических феноменов. Вергилий Грамматик вдруг может заявить, что существует двенадцать латыней, из которых догматическая грамматика знает и описывает только одну — одну двенадцатую часть языка. В отличие, между прочим, от М. М. Бахтина, Вергилий Грамматик не обманывает своего читателя. Его примеры оставшихся одиннадцати латыней исполнены юмора. Он не делает вид, что сам в них верит. О Вергилии Грамматике некогда говорили как о юмористическом писателе. Замечательная английская исследовательница грамматической традиции Вивьен Ло предлагает взглянуть на него другими глазами²⁹². А именно она видит в нем «деконструктора» традиционных грамматических идей. Я с радостью присоединяюсь к ее квалифицированному мнению.

Два историка правления франкских королей из династии Меровингов, по-видимому, не удовлетворенные теми формами показа жизни, которые предлагала им традиция, ищут и находят новые. Григорий Турский ухитряется описать социальный институт не существительным, а глаголом или даже наречием. Наилучший пример — упоминания Григорием Турским ритуального объезда новым франкским королем своих владений. На самом деле, это был вышедший из употребления архаический обряд, к которому прибегали только аутсайдеры, кому требовалось мобилизовать все символические ресурсы и ни один из которых все равно так и не смог удержаться на троне. Слова,

---

²⁹² *Law V. Wisdom, Authority and Grammar in the Seventh Century: Decoding Virgilius Maro Grammaticus*. Cambridge, 1995; Naismith R. Antiquity, authority, and religion in the *Epitomae* and *Epistolae* of Virgilius Maro Grammaticus // *Peritia. Journal of the Medieval Academy of Ireland*, Vol. 20 (2008). P. 59–85; Holford-Strevens L. The Harp that once through Aulus' Halls // *Early medieval Ireland and Europe: chronology, contacts, scholarship: a Festschrift for Dáibhí Ó Cróinín* / ed. P. Moran, I. Warntjes. Turnhout, 2015. P. 395–404.

которые Григорий использует для обозначения таких королевских объездов: «circuire» («объехать», такой-то «объехал» земли) применительно к претенденту на корону и «honorifice suscipere» («почтительно принять») о принимающих, где один глагол «suscipere» специально ничего не значит, а подлинным обозначением конкретного института наречения королем путем почтительного оказания гостеприимства служит наречие «honorifice».

Как тут не вспомнить знаменитое описание языка индейцев хопи в книге Бенджамена Уорфа?! Со времен Ницше мы знаем, что в нашей способности видеть мир нас без конца обманывает субъектно-предикатная структура наших предложений. Грамматика европейских языков заставляет повсюду видеть действие неких субъектов, которые по поверку оказываются вымышленными. Он же высказывал гениальную догадку, что могут быть обнаружены языки, устроенные иначе²⁹³. Аргументация Б. Уорфа на удивление близко совпадает с ключевыми положениями рассуждения Ницше и даже использует те же примеры, что и он. «Формула: существительное + глагол = актер + его действие, — пишет Б. Уорф, — является фундаментальной для наших предложений. Так что мы вынуждены во многих случаях вчитывать в природу вымышленные действующие сущности просто потому, что наши предложения требуют, чтобы перед нашими глаголами стояли существительные. Мы вынуждены говорить: *it flashed*, «сверкнуло», или *a light flashed*, «свет сверкнул», поручая актору *it* или *light* исполнить то, что мы называем действием «сверкания». Но «сверкание» и «свет» — одно и то же; здесь нет вещи, которая что-то делает или нет. Индеец хопи говорит только: *gehri*. В языке хопи глаголы могут быть без субъектов, что придает этому языку силу логической системы, позволяющей понять некоторые стороны мира. Научный язык, который построен на западных индоевропейских языках, а не на языке хопи, как и все мы, то и дело видит действия и силы там, где могут

²⁹³ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла, I, 20 // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 256.

быть одни состояния»²⁹⁴. «Хопи с их предпочтением к глаголам, в отличие от нашей привязанности к именам, постоянно перекладывают наши предложения о вещах в предложения о событиях»²⁹⁵. Для современной физики язык хопи годится несравненно лучше. Если философские категории Аристотеля или же классическая механика Ньютона являлись повторением грамматической логики наших языков²⁹⁶, то современные научные теории, отдающие предпочтение терминам «поля» и «отношения», ближе языку хопи. Бенджамен Уорф приводит примеры того, как в языке индейцев хопи общественные институты могут обозначаться чем-то вроде наречий. Как исследователь Григория Турского скажу, что он одержим предельным реализмом, доскональным показом описываемых им событий. С удивительной чуткостью он не приписывает институту королевских объездов действующей силы, отказываясь говорить о них как о том, что заслуживает имени существительного.

Еще одна проблема, с которой сталкивается любой рассказчик, — собственная субъективность, обязанность говорящего придерживаться одной точки зрения, вступающая в неразрешимое противоречие с задачей историка показать ситуацию во всей ее сложности. Препятствием здесь выступает одно из правил лингвистической прагматики, которое Дж. Лайонз назвал «эпистемическим обязательством»: утверждать и всем своим видом показывать надо что-то одно, иначе тебя не поймут, и коммуникация не состоится²⁹⁷. Мое неожиданное открытие состоит в том, что Григорий Турский в картинах социальных институтов попирает это правило. Его неясные описания становятся

---

²⁹⁴ Whorf B. L. *Language, Thought and Reality*. Cambridge, 1956. P. 262–263; то же почти дословно повторено на с. 241–244.

²⁹⁵ Там же. P. 63.

²⁹⁶ В знаменитой статье Э. Бенвениста убедительно показано, что категории Аристотеля являются не чем иным, как описанием базовых грамматических категорий древнегреческого языка (Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 2002. С. 104–114).

²⁹⁷ Лайонз Дж. *Лингвистическая семантика: Введение*. М., 2003. С. 270.

понятны, когда мы отдаем себе отчет в том, что он показывает ситуацию одновременно глазами ее разных участников. Придерживаясь такой формы реализма, Григорий Турский балансирует на грани взаимопонимания с читателем и иной раз переступает эту грань. Вместе с тем такой изобразительный метод находит прямую аналогию в «современном романе». Разбор фрагмента романа Вирджинии Вулф «На маяк» (или «Поездка к маяку») в заключительной главе прекрасной книги Э. Ауэрбаха²⁹⁸ — как нельзя более точный образ историографического метода епископа Григория²⁹⁹.

Мой третий автор — составитель хроники, которого по традиции именуют Фредегаром. Если подойти к ней с мерками античности — что обычно и делают, — она покажется последней степенью культурного падения. Присущая ей разнородность и грубые швы заставляют усомниться в применимости к ней самих категории сочинения и авторства. Недаром долгое время думали, что хронику составил не один человек, а два или несколько писателей. Мое внимание привлекли пресловутые «басни Фредегара»: вошедшие в повествование рассказы, которые выглядят еще и откровенным вымыслом. Казалось бы, они попирают само понимание истории, которое преподавали в римской школе. Исидор Севильский определяет историю путем ее противопоставления басне: история — это то, что было, а басня — то, чего не было и не могло быть³⁰⁰. Но, присмотревшись к «басням Фредегара», я увидел в них вполне серьезные исследования на тему того, как устроен социальный мир³⁰¹. Еще интереснее отметить,

²⁹⁸ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 516–533.

²⁹⁹ Ряд других важных работ о реализме Григория Турского, помимо моей: Там же. С. 94–110; Auerbach E. Literatursprache und Publikum in der lateinischen Spätantike und im Mittelalter. Bern, 1958, S. 78–83; Thürlemann F. Der historische Diskurs bei Gregor von Tours. Topoi und Wirklichkeit. Bern, Frankfurt am Main, 1974.

³⁰⁰ Isidori Hispalensis Etymologiae, I, 44 // PL 82, col. 124.

³⁰¹ Кроме наблюдений, сделанных мной в упомянутой книге, из литературы о Фредегаре я готов рекомендовать еще две статьи: Wood I. Fredegar's Fab-

что тем самым Фредегар возвращается к Аристотелю, а именно его известной мысли о том, что «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном»³⁰².

Таким образом, в начальном пункте средневековья мы видим не только естественный упадок образования, объяснимый концом римской школы, но и попытки восстать против ее традиции. Их плодотворность изумительна. Выясняется, что искания VI или VII века оказываются сродни открытиям нашего времени. Не менее любопытно заметить, что все приведенные случаи не связаны между собой. Это отдельные эпизоды. Разные люди переживают по-своему одно общее чувство, а именно воспринимают ключевые идеи культурной традиции античности как ложь против жизни, от которой надо избавиться. Прошу читателя сравнить эту картину с историей культуры в интерпретации С. С. Аверинцева.

Две темы, которых мне понадобилось коснуться в этом послесловии, выглядят случайными и разными, но, в конце концов, речь заходит об одном и том же. Историкам и филологам одинаково не хватает дисциплины в осознании своих профессиональных границ — той черты, за которой историческое или филологическое знание быстро теряет достоверность. Традиции, сложившиеся в той и другой науке, нехороши и нуждаются в исправлении.

---

les // *Historiographie im frühen Mittelalter* / Hg. A. Scharer, G. Scheibelreiter. Wien, München, 1994, S. 361; *Martínez Pizarro J. Mixed Modes in Historical Narrative // Narrative and History in the Early Medieval West* / ed. E. M. Tyler, R. Balzaretto. Turnhout, 2006. P. 91–104.

³⁰² *Аристотель*. Поэтика, 9, 1451b // *Аристотель*. Сочинения. Т. 4. М., 1984. С. 655.

Игорь Владимирович Дубровский

История и литература Московского царства

Редактор Ф. М. Колеров

ISBN 978-5-905040-97-9

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 05.12.2024. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmik.ru